

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»
Северо-Кавказский филиал**

Кафедра уголовного права

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

**Материалы
V Всероссийской научно-практической конференции
(23 декабря 2019 г.)**

Сборник статей

Краснодар
2020

УДК 343.9.01
ББК 67.51
С56

Ответственный редактор:

*Генрих Наталья Викторовна, доктор юридических наук,
доцент, заведующая кафедрой уголовного права,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «РГУП»*

С56 **Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью** : материалы V Всероссийской научно-практической конференции (23 декабря 2019 года). Сборник статей / Отв. ред.: Н.В. Генрих; СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2020. – 242 с.
ISBN 978-5-91718-634-4

Сборник содержит материалы V Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью», состоявшейся 23 декабря 2019 года в Северо-Кавказском филиале Российского государственного университета правосудия. Сборник материалов включает статьи российских юристов, научных и практических работников, преподавателей высших учебных заведений Российской Федерации.

Представляет интерес для специалистов в области уголовного права, криминологии, аспирантов, соискателей, студентов юридических вузов.

ББК 67.51
УДК 343.9.01

ISBN 978-5-91718-634-4

© Коллектив авторов, 2020
© Оформление ООО «Издательский
Дом – Юг», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Бузько Н.М.

Некоторые проблемы практического применения
уголовного законодательства в судах 7

Генрих Н.В.

Влияние экономических отношений
на криминализацию общественно-опасных деяний 14

Соболев В.В.

Основание и принципы назначения
уголовного наказания 26

Грошев А.В.

Проблемы совершенствования институтов
общей части УК РФ: основные тенденции и перспективы 36

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ

Вишневецкий К.В.

Географический фактор криминальной
виктимизации населения 46

Кашкаров А.А., Кашкаров А.А.

Понятие и сущность доносительства о преступлении 51

Игнатов А.Н., Торопов С.А.

Социальная напряженность
как фактор терроризма и экстремизма 59

Кашкаров А.А., Заброда Д.Г.

Характеристика эффективных практик
антикоррупционного просвещения,
используемых за рубежом 63

Буткевич С.А.

Система предупреждения терроризма:
старые проблемы и новые решения 67

Поштарук Д.А. Попустительство в преступлении, как уголовно-правовая категория	71
Заброда Д.Г. К определению понятия «антикоррупционное поведение»	77
Евтушенко И.И. Система виктимологической профилактики мошенничества	81
Цындра В.Н. Понятие и виды субъектов формирования государственной политики в области административных наказаний в Российской Федерации	85
Деревянская Т.П. Проблемы законодательной регламентации субъекта преступлений, связанных с незаконным обращением лекарственных средств и медицинских изделий	91
Петровский А.В. Проблемные моменты общепреventивной функции норм уголовного кодекса	95
Клюев А.А. Некоторые сложные аспекты применения обстоятельств, исключающих преступность деяния	101
Карчевский К.А. Особенности квалификации деятельности, подпадающей под признаки финансовой пирамиды	109
Киселев С.С. Самоизоляция и неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего	112
Аведян И.В. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений (теоретические и практические вопросы квалификации)	116

Рудик М.В. Соотношения категорий общественной безопасности и общей безопасности в контексте объекта преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ	121
Эфрикян Р.А. Нормативно-правовые основы деятельности государства по борьбе с хищениями на железнодорожных объектах до 40-х годов 20 века	124
Абисова К.С. Религиозная радикализация в местах лишения свободы	136
Наумов С.Н., Ключев А.А. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия автотранспортным преступлениям	142
Легостаев В.П. Особенности нормативно-правового регулирования противодействия легализации преступных доходов и финансирования терроризма	148
Крюк В.С., Лободенко К.В. Семейное насилие в рамках основных этапов становления и развития института семьи и системы российского законодательства	157
Жаркой М.Э. Проблема административной сегрегации в правоприменительной деятельности милиции РСФСР в условиях отсутствия систематизированного законодательства (1918–1922 гг.)	167
Федченко В.В. Актуальные вопросы предупреждения преступлений и административных правонарушений экстремистского характера	172
Грудинин Н.С. Проблемы социальной адаптации женщин, освобожденных из мест лишения свободы	176
Абрамкин А.Д. Генезис отечественного законодательства за злоупотребления в сфере государственных закупок	182

Болдырева О.М. Развитие российского уголовного законодательства о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности личности	186
Жуковский В.И. «Аптечная наркомания»: дифференциация ответственности и организации работы в отношении аптечных учреждений, допускающих безрецептурный отпуск лекарственных препаратов	195
Довголюк Н.В. Социально-криминологические аспекты проблем наркотизации и профилактики наркотизма в молодежной среде	206
Серегина Е.В. Отдельные проблемы противодействия преступности	212
Супонина Е.А. Об оптимизации уголовной ответственности за воспрепятствование свободе совести и вероисповеданий	218
Копейко Т.Г. Виктимологический аспект мошенничества с материнским капиталом	222
Лещенко В.П. Уголовная ответственность за мошенничество, совершенное с использованием «альтернативных» средств электронного платежа (криптовалют)	227
Шерстюков С.А. Основание уголовной ответственности за организацию экстремистского сообщества	232
Бушков Д.В. Специфика определения мер уголовно-правового характера по делам несовершеннолетних	238

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

*Бузько Николай Михайлович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
СКФ ФГБУВО РГУП,
судья Краснодарского краевого суда,
заслуженный юрист Кубани*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СУДАХ

Правовая политика государства находит свое практическое применение и реализацию в повседневной работе правоохранительных органов и судебной системы. Понятно, что от ее фактического исполнения зависит напрямую и положение дел в государстве и, следовательно, уровень жизни его населения. Правильно определить задачи правовой политики, найти пути и средства для их осуществления, реализовать поставленные планы является задачей первоочередной важности для любого государства.

Каково же положение дел в осуществлении правовой политики в нашем государстве? Однозначного ответа, по мнению автора, на этот вопрос нет. С одной стороны, достаточное время назад было объявлено о реализации судебной реформы в российском государстве и были сделаны многие важнейшие шаги. Тем не менее, на сегодняшний день у практических работников, по-моему, нет четкого ответа на вопрос – в какой стадии на сегодняшний день находится проведение судебной реформы, когда и чем она должна закончиться.

С этим предположением напрямую связаны и многие проблемы, которые имеются в практической работе наших судов. Почему в данной статье мы в качестве одного из положений упомянули проводимую судебную реформу – ответ на это достаточно прост: сам по себе факт проведения судебной реформы – одно из наибольших завоеваний нашего общества в последнее время.

Проведенные преобразования и переоценка правовых ценностей, новая расстановка приоритетов в уголовной и уголовно-процессуальной политике – это важнейшие приобретения в сфере построения государственных интересов. В конечном итоге вся работа правоохранительных органов и судебной системы направлена на укрепление нравственной природы общества и государства и, следовательно, создание предпосылок для его поступательного развития, в связи с чем проведение судебной реформы является одним из важнейших условий развития нашей страны.

Тем не менее, в связи с этим возникает ряд вопросов, напрямую связанных с проводимой судебной реформой. В чем здесь суть?

Одним из приоритетных направлений в осуществлении судебной реформы являлось изменение уголовно-правовой политики и соответственно, изменение уголовно-процессуального законодательства. В этом направлении законодателем были сделаны важные шаги, и они принесли ощутимые плоды. Так, были изменены важнейшие акценты – во главу угла был поставлен судебный контроль и суд провозглашен важнейшей частью уголовного процесса и всей уголовной политики. В связи с этим весь институт предварительного следствия и главенствующая роль в нем были переименованы в институт досудебного производства, и главенствующая роль в проведении в жизнь этого института была передана суду. Однако, по мнению автора, принятые меры были, как в большинстве своем все проводимые на протяжении длительного времени в России реформы, половинчаты. С чем связано это предположение и в чем видятся проблемы?

Принятый в 2001 г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации внес важные коррективы в действовавшую систему правосудия: суд был признан гарантом обеспечения конституционных прав и свобод личности, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, где законом предусмотрены значительные ограничения таковых со стороны компетентных органов государства. В связи с этим были расширены контрольные функции суда, в компетенцию которого в соответствии с ч. 3 ст. 29 УПК РФ вошло рассмотрение в досудебном производстве жалоб на действия (бездействия) и решения прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя. Судебный порядок такого рассмотрения установлен в ст. 125 УПК РФ.

Судебная практика показывает, что, несмотря на существование обжалования действий и решений должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство на досудебных стадиях, еще в период действия УПК РСФСР, эта судебная процедура до сих пор остается несовершенной. Дважды с момента вступления в действие нового Уголовно-процессуального кодекса в ст. 125 вносились изменения: была уточнена подсудность жалоб, их рассмотрение было передано только районным (городским) судам независимо от категории уголовного дела¹, было расширено действие гласности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства², однако это не устранило множества проблем в означенной сфере. Вопросы возникают уже при подаче жалобы, поскольку в законе не установлены требования, которым она должна соответствовать, и не определены действия судьи при отсутствии в жалобе необходимых для ее разрешения сведений³. Все это в практической деятельности приводит к неоднократным случаям возвращения заявлений по надуманным основаниям. Также остается не разрешенным вопрос о сроках рассмотрения жалобы. Законодатель устанавливает его в пределах пяти дней, однако не указывая пресекающий этот срок или нет, а также не учитывая при этом ряд важных положений: если рассмотреть жалобу после принятия решения по уголовному делу, в пределах которого она заявлена, то возможны взаимоисключающие решения по одному и тому же обстоятельству. Надо ли выносить постановление о назначении жалобы? Решая положительно этот вопрос, нельзя забывать, что, например, постановления о назначении судебного заседания по уголовному делу подлежат обжалованию. Как быть в этом случае, если учесть, что судья допускает отказы в приеме жалобы к производству и также выносит постановления об этом? Логично предположить, что противоположная заявителю сторона может не согласиться с принятым решением о назначении жалобы к

¹ Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.07.2003 № 92-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс».

² Федеральный закон «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 08.12.2003 № 161-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ Малинин В.Б. Проблемы применения ст. 125 УПК РФ // Пенитенциарная наука. – 2012. – № 18. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-st-125-upk-rf>

слушанию и вправе требовать обжалования соответствующего постановления. Какие права необходимо разъяснять участвующим в судебном процессе сторонам и кто, наконец, эти стороны, кроме заявителя? Очевидно, что в любом случае следует привлекать всех заинтересованных лиц, в первую очередь потерпевшего, если он имеется. В то же время должностные лица, чьи решения или действия обжалуются, не могут привлекаться к участию в деле. В силу ч. 1 ст. 37 УПК РФ к участию в процессе должен привлекаться прокурор, осуществляющий надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, действия которых обжалуются. И тут возникает закономерный вопрос: исходя из каких критериев определен пятидневный срок рассмотрения жалобы?

В связи с этим практическая реализация идей, провозглашенных в ст.125 УПК РФ, по мнению автора, далека от идеала и не в должной мере отвечает требованиям соблюдения принципа защиты прав и интересов граждан.

Каким образом, например, осуществлялся ранее прокурорский надзор за следствием и дознанием на предварительном следствии. Согласно существовавшей практике, основывавшейся на действовавшем уголовно-процессуальном законодательстве, он был достаточно требовательным и, в случае надлежащего исполнения, действенным. Полномочия прокурора в данной области были четко прописаны в законе и касались практически всех направлений деятельности органов следствия и дознания. При этом надзирающий прокурор был в состоянии самостоятельно, по изучению отказного материала или уголовного дела принять любое процессуальное решение о возбуждении уголовного дела, его прекращении, отмене постановления о возбуждении либо прекращении уголовного дела и так далее, а сам процесс принятия решения был достаточно скоротечен.

Так, согласно существовавшим приказам Генерального прокурора, а также требованиям Закона о порядке рассмотрения обращений граждан, срок разрешения жалобы, затрагивающей основные права граждан, исчерпывался всего тремя днями и достаточно неукоснительно соблюдался. Право обжалования таких решений прокурора для заявителя сохранялось и выражалось в праве гражданина обратиться в вышестоящую прокуратуру.

К чему привело изменение в этой части уголовно-процессуального законодательства и какие проблемы, в связи с этим возникают? Провозгласив быструю и действенную защиту прав граждан основной целью, законодатель в сегодняшнем виде существования закона и его исполнения достиг, на взгляд автора, прямо противоположных целей. С одной стороны, была провозглашена благородная цель – судебная защита прав граждан и было заявлено, что только лишь судебный порядок даст возможность полностью осуществить защиту прав граждан. Однако, что же произошло на самом деле и в чем автор видит проблему?

Прокурорский надзор предполагал практически полный контроль за следствием и дознанием, начиная с отслеживания поступления заявлений и сообщений граждан в дежурные части органов УВД, контроль за своевременностью и правильностью их разрешения и вынесения решений об отказе возбуждении уголовного дела, контроль за законностью возбуждения уголовного дела, что осуществлялось, например, таким простым способом как то, что уголовное дело не могло быть зарегистрировано и ему не мог быть присвоен порядковый номер без подписания надзирающим прокурором статистической карточки. Таким образом, надзор этот зависел не только от обращений граждан по конкретным случаям, а происходил и сам по себе, и в этом случае государство защищало права граждан, так скажем, превентивно, даже порой и не спрашивая самого заявителя. Новая процедура, прописанная в ст. 125 УПК РФ, предполагает явочный порядок судебного контроля, то есть реагирования суда только после заявления гражданина. Это естественно и правильно и на этой стадии все, так сказать, идет хорошо. Однако дальше, по мнению автора, возникают некоторые проблемы.

Первая из них, как уже было упомянуто ранее, выражается в сроках рассмотрения материалов по ст.125 УПК РФ. Законодатель сделал, казалось бы, совсем незначительную поправку, увеличив срок разрешения заявления с указанных в законе трех прокурорских дней до пяти дней, в течение которых жалоба должна быть рассмотрена судом. Однако вот здесь возникли сразу некоторые затруднения. Во-первых, в законе недостаточно четко прописано понятие данных пяти дней и момента их исчисления – с момента поступления жалобы в суд или с момента назначения дела к слушанию. Во-вторых, сам механизм судебного разбирательства,

предполагающий механизм назначения дела, извещения сторон достаточно сложен и зачастую не может уложиться в прописанные по закону пять дней, так как суд элементарно не успевает известить заявителя и других заинтересованных лиц. В-третьих, существует несколько проблем толкования полномочий суда, обусловленных исполнением ст. 125 УПК РФ, которые и хотелось бы назвать в качестве основных, влияющих на эффективность судебного контроля и, таким образом, на качество работы органов дознания и следствия, и в конечном итоге на эффективность защиты прав граждан. Речь идет о толковании объема и прав суда при рассмотрении заявлений граждан, оспаривающих некоторые основополагающие процессуальные решения – речь идет о постановлениях о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении либо приостановлении предварительного следствия, о привлечении в качестве обвиняемого и так далее.

На сегодняшний день суд лишен возможности, например, в должной мере оценить правильность принятого решения о возбуждении уголовного дела, потому что полномочия суда ограничиваются толкованием позиций – надлежащим ли лицом принято решение, правильно ли составлен процессуальный документ с точки зрения соблюдения формальностей и т.д., при этом запрещается вникать в оценку материала либо уже собранного, либо даже того, который послужил основой для принятия решения о возбуждении уголовного дела, так как якобы при этом суд входит в оценку доказательств. Но при таком толковании закона и полномочий суда на этой стадии упускается из виду, что оценка постановления о возбуждении уголовного дела по формальным признакам носит такой же формальный характер и не решает сути вопроса – дачи ответа о наличии повода и оснований для возбуждения уголовного дела. При этом надо заметить, что заявители в своих обращениях по такому поводу, как правило, приводят доводы, свидетельствующие о незаконности принятого решения, однако исследовать эти вопросы суд лишен возможности из-за якобы вхождения в пресловутую оценку доказательств. Хочется возразить сторонникам такого трактования, что, оценивая поводы и основания для возбуждения дела, суд не может входить в полную оценку доказательств, потому что процесс собирания их по делу не завершен, а иногда еще и не начинался. Таким образом,

трактование по формальным принципам обжалования данных постановлений – о возбуждении дела, прекращении, приостановлении и так далее существенно снижает эффективность судебного контроля.

В этой же плоскости лежат и еще два вопроса, о которых хотелось бы упомянуть: это решение вопроса о заключении под стражу и продлении данного срока. Вновь хочется сказать, что при исполнении предыдущего уголовно-процессуального закона, следователь, обращаясь к прокурору о заключении под стражу, обязан был представить надзирающему прокурору материалы всего уголовного дела. В настоящий момент этот вопрос почему-то отдан на откуп следователю, он решает и формирует тот материал и его объем, который он обязан предоставить судье. Такой же порядок соблюдается и при продлении срока содержания под стражей, что, по мнению автора, является явно неправильным. В предыдущей редакции УПК право на продление срока следствия принадлежало прокурору и в практической деятельности это играло существенную роль, а сегодня срок следствия продляется по ведомствам и суды вынуждены буквально идти у них на поводу. Во время судебных заседаний о продлении срока содержания под стражей от стороны защиты и самого обвиняемого неоднократно, помимо оспаривания таких обоснований применения этой меры пресечения, как возможность влиять на свидетелей, возможность скрыться и так далее, приходится слышать о неэффективности следствия. Речь, как правило, идет о том, что с обвиняемым длительное время не проводится следственных действий, что необходимые доказательства по делу собраны и на этот процесс обвиняемый уже не может повлиять. Тем не менее, вникать и решать этот вопрос суд также не может, потому что несмотря на имеющиеся ссылки в Постановлении Пленума ВС РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» об оценке эффективности работы следователя, суд оценивая эту сторону, поневоле таким образом оценивает и необходимость в содержании под стражей. Однако в практической деятельности суд, тем не менее, достаточно редко входит в эти оценки, во-первых, чтобы избежать упреков во влиянии на интересы следствия и, во-вторых, также чтобы не иметь упреков в том, что он вновь вошел в оценку доказательств.

Каков же выход из создавшегося положения? По мнению автора, их два, и они предполагают следующие решения либо направление решения данных вопросов. Первое – это изменение судебной практики разрешения судами данных вопросов, формирование нового взгляда на решение этих проблем, может быть, какое-то изменение в сторону расширения компетенции суда. Наверное, этот путь можно назвать эволюционным, подсказанным данным течением событий. Однако более правильным видится подход, который сегодня уже звучит со стороны ученых – это вопрос создания института следственных судей. Как видится автору, данный шаг позволит в более полном объеме решать вопросы защиты прав и интересов граждан на стадии досудебной подготовки. Конечно, большой проработки требуют вопросы, связанные с изменением уголовно-процессуального законодательства и определением компетенции следственных судей. В тех предложениях, с которыми было можно познакомиться, по мнению автора, не все положения в равной степени верны и требуют еще тщательного и взвешенного подхода к их разрешению.

Однако в целом, когда мы ставим во главу угла самое ценное, что есть у общества – защиту законных интересов и прав граждан, в том числе и на стадии досудебной подготовки в уголовном процессе – это кажется правильным и приемлемым решением в том числе и тех проблем, которые были описаны выше в этой статье.

*Генрих Наталья Викторовна,
доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права,
СКФ ФГБОУВО РГУП*

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА КРИМИНАЛИЗАЦИЮ ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ

Охрана нормами уголовного права экономических отношений выступает наиболее ярким, прямым отражением влияния экономики на криминализацию. При этом экономика выступает

традиционным, исторически одним из наиболее древних объектов охраны. Ни один из ранних памятников уголовного права не обходил стороной вопрос защиты собственности порядка производства или распределения материальных благ. С учетом этого обстоятельства Н.Г. Иванов считает, что поскольку для человека материальные блага являются неотъемлемой частью существования, постольку эти материальные блага, которые включают в себя собственность, «являются ценностями, причем ценностями абсолютными»¹. Не будем входить в обсуждение вопроса о том, насколько применимо понятие абсолютной ценности для характеристики материальных благ (принимая во внимание, что представление о значимости того или иного материального блага крайне подвижно и относительно), но согласимся с автором в сути его суждения: материальные блага и связанные с ними отношения производства, обмена и потребления являются ценностью, настолько социально значимой, что их охрана средствами уголовного закона имела и имеет место всегда и у всех народов.

В этой связи нельзя пройти мимо фундаментальной, 1260-страничной работы В.М. Сырых, самостоятельный раздел которой посвящен экономическим, материальным отношениям как объективной основы права. Учитывая авторитет автора и безусловное качество работы, позволим себе воспользоваться ею для демонстрации основной идеи, отражающей понимание экономики в качестве основы криминализации опасных деяний (в скобках – указание на страницы упомянутой работы)².

Итак:

– взаимосвязи людей по поводу принадлежности средств производства и обмена произведенных благ составляют отношения собственности, на основе которых возникают и функционируют в обществе производственные отношения, совокупность этих экономических отношений складывается объективно и независимо от воли и сознания людей;

– эти экономические отношения и основанные на них отношения в социальной, духовной и т.д. сферах, в целом до определенного времени не воспринимаются как несправедливые,

¹ Иванов Н.Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. – М. : Проспект, 2016. – С. 26.

² Сырых В.М. Материалистическая теория права: Избранное. – М. : РАП, 2011.

напротив, в обществе существует определенная «зона согласия» по поводу того, что именно так и должно быть, а потому эти отношения посредством трансформируемой в политическую власть экономической силы общественного класса, владеющего средствами производства, закрепляются в качестве общеобязательных социальных стандартов, то есть правовых норм;

– на определенном этапе развития общества возникает новое экономическое отношение, которое обеспечивает наиболее полное удовлетворение потребностей определенного социального слоя с наименьшими затратами, что сподвигает соответствующий социальный слой на активные действия за законодательное признание нового экономического отношения;

– право, закрепляя сложившиеся экономические отношения и защищая экономический интерес правящего класса, делает определенный стандарт поведения общеобязательным под страхом применения уголовной или иной юридической ответственности, в силу чего всякие иные отношения оказываются за рамками закона и признаются правонарушениями; «общество оказывается беременным экономическими отношениями, не получившими адекватного отражения в действующих законах, но, оказывается, естественный акт родов может произойти только с согласия законодателя и не ранее принятия специального закона» (с. 477);

– «запрещенные законом экономические отношения, однако, не исчезают бесследно, а сохраняются в реальной жизни в форме правонарушений, фактических правовых отношений (неоформленного права), а также правопритязаний заинтересованных субъектов» (с. 480); «во имя собственной материальной выгоды индивидуумы действуют в обход закона. По мере развития экономического отношения расширяют число своих сторонников, а затем и рекрутируют их на активные действия за надлежащее правовое оформление этих отношений (с. 484);

– возможность отражения новых экономических отношений в законодательстве и степень такого отражения «ставится в прямую зависимость от способности гражданского общества вести активную борьбу за свои права и желания законодателя учитывать новые экономические отношения в позитивном праве» (с. 475); «позитивное право может противостоять экономическому развитию лишь некоторый период при нулевых шансах на победу.

Законы неизбежно изменяются вместе с изменяющимися условиями жизни, из старых отношений они возникли, вместе с ними должны и погибнуть» (с. 479).

Столь подробный обзор и обильное цитирование были призваны раскрыть один из главных, наиболее глубинных каналов влияния экономики на процессы криминализации.

С точки зрения процесса криминализации, непосредственное влияние экономики распадается на два значимых направления, предопределенных спецификой отношений собственности и собственно экономических (хозяйственных) отношений.

Отношения собственности связаны с криминализацией следующим образом:

Во-первых, уголовное право призвано защитить сложившиеся или складывающиеся в обществе отношения собственности от любых попыток их общественно опасной дестабилизации. Криминализация здесь вполне отчетливо включает два блока отношений.

С одной стороны, это отношения, возникающие в связи с совершением так называемых общеуголовных преступлений – краж, грабежей, разбоев, мошенничеств – извечных спутников любого общества, признающего собственность. Криминализация таких посягательств имеет место всегда, независимо от господствующего типа отношений собственности и особенностей политического режима, хотя, разумеется, в содержательном плане доминирующий тип собственности оказывает прямое влияние на конструирование уголовно-правовых запретов.

С другой стороны, это отношения, связанные с расстановкой приоритетов в криминализации этих традиционных преступлений, дифференциацией ответственности и конструированием специальных норм, направленных на защиту именно доминирующего типа отношений собственности. Закономерно, что охрана собственности непосредственно зависит от того, как и в каком объеме эти отношения признаются и ценятся в государстве. В силу этого трансформация отношений собственности отражается на содержании уголовного закона в первую очередь и наиболее ярко. Весьма показательными в данном случае могут быть процессы криминализации, вызванные революционными преобразованиями в России в начале XX столетия. Напомним, что уже Декрет II Съезда советов «О земле» от 26.10.1917 г., провозгласив конфискацию помещичьих земель, объявил любую порчу конфискуемого

имущества «тяжким преступлением, караемым революционным судом»¹, а Декрет ВЦИК от 09.05.1918 г. «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» объявлял врагами народа с конфискацией имущества, изгнанием из общины и тюремным заключением на срок не менее 10 лет, всех имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты. Показательна также дифференцированная охрана отношений личной и государственной собственности от хищений, введенная ст. 180 УК РСФСР 1922 года и просуществовавшая вплоть до 1994 года. В современной истории России отражением прямого влияния доминирующего типа собственности на криминализацию традиционных преступлений может служить дифференциация ответственности за кражу из нефтепроводов (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ), которая карается строже, чем кража, причинившая значительный ущерб гражданину, а также установление в ст. 215.3 УК РФ ответственности за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность, которые караются существенно строже, чем обычные кражи и повреждение чужого имущества.

Во-вторых, состояние экономики влияет на установление «пороговых значений» опасности, достижение которых позволяет оценивать то или иное посягательство в качестве именно преступления, а не иного правонарушения. Справедливо рассуждает Л.М. Прокументов: «Следствием общего экономического благосостояния населения может стать в имущественных преступлениях повышение степени ущерба, необходимого для признания деяния преступлением, а не административным проступком. И, наоборот вследствие, например, военного или чрезвычайного положения может вырасти социальная ценность имущества и как следствие – криминализация ранее небольших по значимости хищений»². Вспомним в этом контексте, без дополнительных комментариев, Постановление ЦИК и СНК СССР от 07.08.1932 г. «Об охране

¹ Здесь и далее советское законодательство приводится по изданию: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 / Сост. А.А. Герцензон; Под ред. И.Т. Голякова. – М. : Гос. издат. юрид. лит., 1953. – С. 9.

² Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. – Томск : Издат. Томск. ун-та, 2012. – С. 46.

имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», печально известное в истории как «закон о трех колосках». Упомянем также отказ от исчисления размера ущерба в экономических преступлениях, исходя из его кратности минимальному размеру оплаты труда и плавающую ставку мелкого хищения в современной российской истории.

В-третьих, развитие отношений собственности, в части появления новых объектов, субъектов, порядка приобретения и регистрации и т.д., также оказывает влияние на процессы криминализации. Отражение этого факта мы последовательно и закономерно наблюдаем на всем протяжении истории уголовного законодательства. Криминализация кражи имущества с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), а также мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) – одно из многих явных тому свидетельств.

В-четвертых, статус собственника может иметь влияние на процессы установления и дифференциации уголовной ответственности. Такое влияние может быть прямо закреплено в законе (например, п. «а» ст. 12 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. предписывал при определении меры наказания в каждом отдельном случае различать, совершено ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности, или неимущим в состоянии голода или нужды), а может и завуалированным (ст. 76.1 УК РФ, предусматривающая освобождение от ответственности за ряд преступлений при условии кратного возмещения ущерба, причем не только самим виновным, но также по его просьбе, с его согласия, иными лицами, в том числе в случае уклонения от уплаты налогов и организацией, – наглядно демонстрирует, как бы сказали марксисты, классовую природу действующего уголовного закона).

Экономические (хозяйственные, предпринимательские) отношения связаны с криминализацией следующим образом:

Во-первых, уголовное законодательство, как отмечал Б.В. Волженкин, призвано бороться с криминальным предпринимательством, причиняющим вред интересам граждан (потребителей),

законным интересам других предпринимателей и самого государства¹. Это направление уголовно-правовой политики, как представляется, связано с воздействием на так называемый «черный сегмент» экономики – производство и обмен товаров и услуг, которые абсолютно исключены из оборота и находятся под запретом: торговля людьми производство и оборот наркотиков, оружия, порнографических предметов и т.д. По большому счету, соответствующие деяния, хотя и представляют собой специфическую форму производства материальных благ, хотя и связаны (например, посредством каналов легализации грязных доходов) с «белой экономикой», не могут рассматриваться в уголовно-правовом аспекте как часть экономической сферы. Однако их упоминание в рамках настоящего анализа вполне оправданно именно в силу объективно экономической природы криминального предпринимательства.

Во-вторых, задачей уголовного закона, решаемой в процессе криминализации, выступает защита «белой» экономики от влияния экономики «черной», что подчеркивает значимость и ценность собственно экономики как отдельного, целостного объекта охраны. Исторически первыми, пожалуй, здесь выступают криминализация фальшивомонетничества и скупки краденного. В современный период основной массив усилий и отдельных государств, и международного сообщества в целом, сосредоточен на проблеме противодействия отмыванию «грязных денег» и защиты экономики (и всех без исключения отношений, от нее зависящих) от каналов несанкционированного вливания в нее финансовых потоков, способных привести к дестабилизации экономических отношений на макроуровне.

В-третьих, закон призван защищать доминирующий тип хозяйствования и не допускать развития процессов, которые могут поставить эти отношения под угрозу. В этом проявляется традиционная охранительная функция уголовного права. Сама по себе она не меняется во времени, изменению подлежат лишь объекты охраны, трансформирующиеся по мере развития экономических отношений и смены их господствующего типа.

Так, если Декрет СНК от 29.12.1917 г. «О прекращении платежей по купонам и дивидендам» устанавливал запрет на все

¹ Волженкин Б.В. Экономические преступления. – СПб. : Юридический центр Пресс, 1999. – С. 49.

сделки с ценными бумагами и предписывал для виновных в его нарушении суд и конфискацию всего имущества, то УК РФ в ст. 185–186 регламентирует ответственность лишь за некоторые противоправные деяния в области выпуска и оборота ценных бумаг. Если Декрет СНК от 27.07.1918 г. «О порядке перехода по частным сделкам торговых и промышленных предприятий и преобразования предприятий (правила)» признавал недействительными все сделки, совершенные без соблюдения установленных правил, а участвующих в них лица подвергал уголовному наказанию до трех месяцев тюремного заключения, то УК РФ преследует лишь случаи принуждения к заключению сделки (ст. 179). Если УК РСФСР 1922 г. преследовал в ст. 136 нарушение положений, регулирующих проведение в жизнь государственных монополий, то УК РФ в ст. 178, напротив, устанавливает ответственность за ограничение конкуренции. Если Постановление СНК от 31.01.1918 г. «О биржах труда» предписывало закрыть все частные конторы, имеющие целью за плату или какое-либо иное вознаграждение служить посредниками по найму, и за нарушение запрета устанавливало наказание до шести месяцев тюремного заключения, а Декрет СНК от 02.04.1918 г. «Об организации товарообмена для усиления хлебных заготовок» устанавливал судебную ответственность за самочинный обмен товара на хлеб, то действующий закон преследует лишь воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 169 УК РФ). Если ст. 126 УК РСФСР 1922 г. преследовала трудовое дезертирство, то ст. 127.2 УК РФ – использование рабского труда.

Список примеров можно продолжать до бесконечности. Суть не в этом. Главное – показать способы и направления защиты экономических отношений средствами уголовного закона. Они традиционно представлены тремя взаимодополняющими элементами:

- ответственность за занятие альтернативными и запрещенными видами деятельности (например, спекуляцией);
- ответственность за занятие легальными видами деятельности без разрешения (например, незаконное предпринимательство);
- ответственность за нарушение правил, регламентирующих легальные виды деятельности (например, фальсификация

финансовых документов учета и отчетности финансовой организации).

При разумной организации экономической уголовной политики эти направления уголовно-правового воздействия на экономические отношения могут обеспечить, с одной стороны, надлежащую защиту базовых экономических ценностей, а с другой, не допустить неоправданного уголовно-правового сдерживания экономической самостоятельности свободных участников свободного рынка. Содержание же такого воздействия отражает обратный процесс влияния уже криминализации на состояние экономических отношений.

Влияние криминализации на экономические отношения.

Вопрос о том, влияет ли, и если да, то как, уголовное законодательство на экономику страны, относится сегодня к разряду остро актуальных, практически животрепещущих. Лейтмотивом многих современных исследований на тему взаимосвязи экономики и уголовного права стал тезис об избыточном давлении процессов криминализации на развитие предпринимательства в стране, а своего рода итогом – его развертывание на уровне концепции ограничения такого давления и теоретической модели экономического уголовного права¹.

Заметим, что в обсуждении важнейшей уголовно-политической проблемы влияния уголовного права на экономику слишком много собственно политического и еще больше – прямого лоббистского давления бизнес-структур на власть и науку. Мы не склонны видеть основным тормозом на пути развития предпринимательства в России состояние уголовного законодательства и практику его применения. Признать это – все равно, что видеть в уголовном законе главное средство решения от всех социальных проблем, включая проблемы формирования цивилизованного рынка в стране и защиты интересов его участников. На пути рынка стоит много иных препятствий собственно экономического,

¹ См., например: Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010; Верховенство права как фактор экономики : международная коллективная монография; Под ред. Е.В. Новиковой, А.Г. Федотова, А.В. Розенцвайга, М.А. Субботина. – М. : Мысль, 2013; Титаев К. Избыточная криминализация экономической деятельности в России: как это происходит и что с этим делать / К. Титаев, И. Четверикова. – М. : ЦСР, ИПП, 2017; Есаков Г.А. Экономическое уголовное право. Общая часть. – М. : Изд. Дом ВШЭ, 2019.

административного, социально-психологического, ментального и т.п. порядка. Уголовное законодательство занимает в ряду этих препятствий далеко не первое место. Вместе с тем, и отрицать возможность и наличие сдерживания бизнес-инициатив средствами уголовного права было бы также неверно. Все дело здесь – в расстановке акцентов и приоритетов.

Прежде всего, надо ответить на главный вопрос теории – можно ли средствами уголовного права влиять на экономические отношения. Марксистское учение о праве исходит из того, что право как таковое не в состоянии регулировать экономику, ибо единственным регулятором здесь выступает государство, которое использует право всего лишь в качестве средства для закрепления экономической основы правящего класса, блокируя по мере возможностей развитие экономических отношений, не соответствующих господствующему типу собственности. Однако представляется, что в самом этом тезисе заложено некоторое противоречие, а излагаемые аргументы работают против изначально заявленной мысли. Если право используется для устранения, подавления, блокирования неугодных экономических отношений, значит оно есть верное средство маркировки, оценки этих отношений, а это уже есть уровень социального регулирования. Если даже отстраниться от процессов элиминации неугодных власти экономических отношений и обратиться к процессу отражения в праве и защиты признаваемых, господствующих экономических отношений, то их поддержка с необходимостью предполагает урегулирование самих этих отношений, а регулирование с той же необходимостью предполагает и установление санкций за нарушение прав участников экономических отношений и неисполнение ими своих обязанностей. Эти санкции могут быть какими угодно, в том числе и уголовно-правовыми. Следовательно, уголовное право, будучи включенным в единую целостную систему нормативных регуляторов оказывает свое влияние на развитие экономических отношений в стране.

В теоретическом плане возникает вопрос о том, является ли такое влияние собственно правовым регулированием или нет. Он восходит к извечному спору о том, наделяет ли уголовное право людей некими позитивными правами и обязанностями или же выполняет сугубо охранительную функцию, возлагая санкции за

нарушение прав и обязанностей, вытекающих из естественного права или установленных правом позитивным, обладает ли уголовное право свойством регулировать иные, кроме собственно уголовно-правовых, отношения¹. В нашем представлении, которое находит поддержку и у иных специалистов в области уголовного права, регулятивная функция уголовного закона ограничена только теми отношениями, которые возникают в связи с фактом совершения преступления. До него и вне него закон способен оказывать на поведение людей лишь информационное и ценностно-ориентирующее воздействие, но он не накладывает на них каких-либо позитивных прав и обязанностей. Следовательно, «вмешательство» уголовного права в экономические отношения заранее предопределено инфраструктурой и содержанием позитивных правовых норм, которые непосредственно регулируют поведение субъектов рыночных отношений. Государство не может устанавливать уголовно-правовые санкции за поведение людей в экономической сфере, если это поведение не регламентировано нормами позитивного права. Согласимся с суждением Г.А. Русанова: «в связи с тем, что уголовно-правовая охрана является частным случаем правового регулирования экономических отношений, а также исходя из специфики таких отношений, связанных с механизмом саморегулирования, государство может предусмотреть уголовно-правовую охрану только тех отношений, в которые оно фактически вмешалось иными правовыми средствами. Иными словами, применительно к экономическим отношениям нельзя перейти от саморегулирования к уголовно-правовой охране, упустив при этом иные аспекты правового регулирования»².

Отсюда следует ряд выводов:

– прямое уголовно-правовое вмешательство в экономические отношения, не опосредованное предварительным регулированием этих отношений нормами позитивного права, – недопустимо;

– поскольку уголовно-правовая поддержка вторична по отношению к позитивному обязыванию, минимизация самого

¹ См. об этом: Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2011. – С. 32–40, 134–138 и [др.].

² Русанов Г.А. Пределы уголовно-правового воздействия государства на экономику. – М. : Юрлитинформ, 2019. – С. 12.

позитивного обязывания участников рыночных отношений, призвана способствовать, прежде всего, минимизации уголовно-правового вмешательства в экономику;

– при сокращении объемов позитивного обязывания отбор поведения, требующего криминализации, подчиняясь общим правилам об учете общественной опасности, будет существенно облегчен, а масштабы криминализации – сокращены;

– в процессе криминализации нарушения установленных позитивным правом обязанностей участниками экономических отношений ставка должна делаться не столько на сам факт нарушения правил (поскольку в регулировании экономических отношений установленные правила служат лишь дополнением к процессам саморегулирования свободного поведения свободных участников экономических отношений), сколько на связанные с таким нарушением или злоупотреблением последствиями в виде ущерба, причиняемого правам и законным интересам граждан, общества и государства.

Именно с пересмотра оснований уголовно-правового воздействия на экономику, в необходимых случаях – с декриминализации преступлений¹, и должна начинаться реформа экономического уголовного права, в то время как текущая ревизия применяемых в отношении предпринимателей мер воздействия (запрет на применение стражи в качестве меры пресечения, конструирование специальных оснований освобождения от ответственности, разработка предложений о запрете квалификации их групповых преступных действий по совокупности с организацией и участием в преступном сообществе) является вторичной. В силу такой неверной расстановки приоритетов едва ли все принимаемые в рассматриваемой области решения сегодня, по сути, выглядят паллиативными.

При разработке же экономических уголовных законов представляется возможным считать базисными критериями общей оценки их эффективности следующие показатели:

¹ Одно из немногих, убедительно аргументирующих необходимость декриминализации, в частности незаконного предпринимательства, исследований, см.: Иванова Я.Е. Незаконное предпринимательство: вопросы теории и проблемы правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. О необходимости декриминализации иных преступлений в сфере экономики, см., например: Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – С. 251–256.

- соответствие норм закона количественным и качественным макроэкономическим параметрам, характеризующим устойчивость социально-экономической системы государства;
- совместимость законных интересов государства и субъектов хозяйственной деятельности, с учетом отраслевого регионального и межрегионального развития;
- наличие в законе норм, демпфирующих воздействия внутренних и внешних угроз (темпы инфляции, дефицит федерального бюджета, объем и интенсивность внешнеэкономических связей, стабильность национальной валюты, внутренняя и внешняя задолженность);
- учет ресурсно-финансового обеспечения антикриминальной направленности закона;
- учет при введении институциональных преобразований прогнозируемых криминологических последствий и их предупреждение;
- оценка влияния норм закона на эффективность функционирования экономики субъектов Российской Федерации¹.

*Соболев Вячеслав Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права,
СКФ ФГБОУВО РГУП,
заслуженный юрист Кубани*

ОСНОВАНИЕ И ПРИНЦИПЫ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Назначение наказания, будучи заключительной стадией разрешения уголовных дел, является результатом сложной профессиональной деятельности судьи по применению уголовного закона к конкретной человеческой судьбе. А.Ф. Кони в работе «Нравствен-

¹ См.: Генрих Н.В. Криминологические аспекты противодействия угрозам экономической безопасности России : автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 22–23.

ные начала в уголовном процессе» наставлял: «К важнейшим обязанностям судьи относится избрание рода и меры наказания»¹.

Помимо изучения общих вопросов «избрания рода и меры» издавна ведутся дискуссии об основании назначения наказания и его принципах. Имеются также определения первого из названных терминов. Так, например, одна из немногих тематических работ содержит достаточно обоснованное определение *основания назначения наказания*. По мнению авторов, «основанием для назначения наказания является совершение лицом деяния, предусмотренного Уголовным кодексом, в отношении которого установлена вина этого лица и вынесен обвинительный приговор суда»².

Существует, однако, иное суждение, авторы которого считают, что «Уголовный кодекс РСФСР 1960 года проводил различие между основаниями уголовной ответственности как таковой и основаниями назначения наказания. Вновь принятый Кодекс ориентирован на то, что любая форма осуществления уголовной ответственности предполагает назначение наказания виновным и, следовательно, разграничивать их практически не имеет смысла»³.

Между тем с заключением об эквивалентности оснований уголовной ответственности и оснований назначения наказания вряд ли можно согласиться. Во-первых, не всякая форма реализации уголовной ответственности заканчивается назначением виновному наказания. Во-вторых, институт уголовной ответственности по своему содержанию и функционально существенно отличается от института назначения наказания.

В отличие от основания уголовной ответственности, установленной законодателем (статья 8 Уголовного кодекса), основание назначения наказания устанавливается судом при вынесении обвинительного приговора с соблюдением правил назначения уголовного наказания и только после того, как суд признает конкретное лицо виновным в совершении конкретного преступления. Поэтому представляется верным то, что «уголовная ответственность,

¹ См.: Кони А.Ф. Избранные произведения / А.Ф. Кони; Сост. А.Б. Амелин. – М. : Гос. изд-во юридической литературы, 1956. – С. 32.

² Чугаев А.П. Назначение наказания: Научно-практическое пособие / А.П. Чугаев, Е.Г. Веселов. – М. : Изд-во «Юрлитинформ», 2008. – С. 48.

³ См.: Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. – М. : НОРМА – ИНФРА, 1999. – С. 365–366. – URL : pravo.vuzlib.org/book_z1994.html

в отличие от назначения наказания, является довольно абстрактным понятием» и что «эти два понятия: основание назначения наказания и основание уголовной ответственности соотносятся между собой как часть и целое»¹.

Надо сказать, что, в отличие от уголовного закона Российской Федерации, уголовное законодательство некоторых зарубежных стран имеет прямое определение этого института. Например, Уголовный кодекс ФРГ в §46 «Основания назначения наказания» прямо указывает на то, что «вина лица, совершившего деяние, является основанием для назначения наказания». В то же время закон предписывает суду, какие конкретные обстоятельства следует принимать во внимание при назначении наказаний виновному².

Между тем данный институт не может быть ограничен только наличием вины. В ряде случаев признание судом лица виновным не всегда влечет за собой наказание (к примеру, в случае освобождения от уголовной ответственности на основании статей 75, 76, 76-1, 76-2 и т.д.).

Обращаясь к содержанию основных требований, предъявляемых к судебному приговору в части назначения наказания, не трудно определить, что главным из общих начал назначения наказания действительно является признание лиц виновным в совершении преступления. Так, в части первой ст. 60 УК РФ указано: «Лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание...».

Однако, наряду с этим, следует также иметь в виду, что в соответствии с требованиями статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса РФ назначение наказания возможно только при постановлении обвинительного приговора. Причем в уголовно-процессуальном законе (ч. 5 ст. 302 УПК РФ) содержится три варианта правовых последствий обвинительного приговора, а именно:

«...1) с назначением наказания, подлежащего отбыванию осужденным;

2) с назначением наказания и освобождением от его отбывания;

3) без назначения наказания».

¹ См.: Чугаев А.П. Назначение наказания : учеб. пособие. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2003. – С. 40–41.

² См. – URL : <http://www.law-enforcement.ru/viewtopic.php?f=57&t=8934>

Поэтому предпочтительным, на наш взгляд, представляется определение, согласно которому основанием назначения наказания привлеченного к уголовной ответственности лица является его вина в совершении преступления, установленная обвинительным приговором суда, с назначением наказания.

Наряду с определением основания назначения наказания значение имеет рассмотрение вопросов, связанных с проблемой *принципов назначения наказания*. Отсутствие их законодательного определения породило неоднородность определений, содержащихся в монографической и учебной литературе. Часто понятие этих принципов либо коррелирует (соотносится) с принципами уголовного права в целом, либо отождествляется с понятием общих начал назначения наказания, или вообще не затрагивает их¹. Между тем именно эти принципы призваны играть направляющую роль в развитии института назначения наказания, обеспечивая последовательность в законодательной и правоприменительной деятельности. Следует согласиться с П.П. Осиповым, обратившим внимание на то, что «принципы права, в том числе уголовного, определяются в литературе посредством исходных или руководящих идей»².

В юридической литературе встречается немало определений принципов назначения наказания, однако, их содержание и перечень остается спорным. Очевидно, что рассмотрение этого вопроса имеет немаловажное значение, поскольку среди специалистов, признающих существование таких принципов, по этому вопросу были высказаны различные мнения. Существуют различные названия принципов назначения наказания. Среди них приводятся такие, как наказуемость, законность, справедливость, неотвратимость, обоснованность, определенность, эффективность и т.д. Авторы по-разному обосновывают их отношение к числу принципов в качестве основополагающих предписаний для суда, разрешающего вопросы назначения наказания при постановлении обвинительного приговора.

Представляется, что к принципам назначения наказания следует отнести наиболее важные положения, указанные в уголовном

¹ См.: Уголовное право России : учебник для вузов. Общая часть / Отв. ред. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. – М. : НОРМА – ИНФРА-М, 1998. – Т. 1. – С. 415 и [др.].

² Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. – Л., 1976. – С. 99.

законе, содержательно определяющие деятельность суда в применении наказания к лицам, виновным в совершении преступлений. Прежде всего, это положения, определяющие деятельность суда по применению уголовного наказания, которые содержатся в таких принципах уголовной ответственности, как законность, равенство граждан перед законом, справедливость, гуманизм (статьи 3, 4, 6, 7 Уголовного кодекса РФ), а также в общепризнанных принципах международного права¹.

Так, в ст. 3 Уголовного кодекса, закрепившей принцип законности, предусматривается, что преступность деяния и его наказуемость, а также другие уголовно-правовые последствия устанавливаются только уголовным законом. Этим закрепляется одно из фундаментальных положений – *nulla poena sine lege* (нет наказания без указания на то в законе). Соответственно система наказаний и их виды являются обязательными для суда, и только наказания, предусмотренные Уголовным кодексом, могут быть назначены виновному.

Однако, говоря о *законности* как принципе назначения наказания, необходимо иметь в виду не принцип уголовной ответственности в целом (статья 3 УК), а конкретное его проявление в определенной области судебной деятельности. Именно это показывает его своеобразное выражение в тех нормах, которые регулируют назначение наказания и которым посвящена отдельная глава Уголовного кодекса Российской Федерации.

Выделение принципа законности назначения наказания имеет большое практическое значение, ориентируя суд на строжайшее соблюдение закона в применении наказания. Это заключается в том, что: система и виды наказаний, которые могут быть установлены судом, исчерпывающе определены в законе; назначается наказание только по приговору суда; каждое из наказаний может быть назначено только в порядке и пределах, установленных законом.

Принцип *равенства граждан перед законом* является общеправовым конституционным и международно-правовым принципом. В частности, это зафиксировано в ст. 26 Международного

¹ Кроме принципов уголовной ответственности, уголовный закон основывается на общепризнанных принципах международного права (ч. 2 ст. 1 УК РФ). В международном уголовном праве насчитывается 12 таких принципов. См.: Международное уголовное право : учебное пособие / Под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. – М. : наука. 1999. – С. 17–20.

пакта о гражданских и политических правах и в ст. 19 Конституции России. Обеспечение равенства было одним из главных лозунгов французской и других буржуазных революций. В настоящее время рассматриваемый принцип практически во всех странах закреплён на конституционном уровне, поэтому его воспроизведение в уголовном законе некоторых стран, как правило, считается излишним.

Следует, однако, отметить, что принцип равенства граждан перед законом имеет наибольшее количество исключений по сравнению с другими принципами уголовного права. Прежде всего, исключение из принципа равенства перед законом составляют несовершеннолетние, которые пользуются особым (льготным) уголовно-правовым режимом. Для них уголовное законодательство предусматривает более мягкие наказания и дополнительные предусмотренные законом основания освобождения от уголовной ответственности и наказания. Поэтому не случайно в формулировке статьи 4 Уголовного кодекса Российской Федерации не упоминается возраст как признак различий.

Женщины также пользуются рядом преимуществ. При этом некоторые из них имеют естественное обоснование (отсрочка исполнения наказания для беременных женщин и женщин с маленькими детьми). Во многих странах уголовное законодательство предусматривает различные льготы для пожилых людей (например, неприменение смертной казни и др.)¹.

Принцип равенства граждан перед законом как социально-нравственная категория имеет «по сути два диалектически противоречивых аспекта – уравнивающий и распределяющий»². Действительно, суд обязан, с одной стороны, применять единые пределы наказания и соответствующие положения Общей части уголовного законодательства, с другой, - необходимо учитывать индивидуальные характеристики личности виновного, характер и степень общественной опасности совершенного деяния. По выражению П.П. Осипова: «Не применяя требование равенства граждан перед законом, невозможно обеспечить четкую линию

¹ Некоторые авторы высказываются за то, чтобы в уголовном законе предусмотреть специальные нормы, регламентирующие назначение наказания лицам пожилого возраста. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. – М. : Изд-во НОРМА, 2008. – С. 124–125.

² Осипов П.П. Указ. соч. – С. 107.

уголовной политики в сфере назначения наказания: применение суровых наказаний для лиц, совершивших тяжкие преступления, и определение мер, не связанных с лишением свободы для лиц, виновных в совершении менее опасных преступлений».

На этот счет достаточно определенно сформулирован уголовно-правовой принцип равенства перед законом в Уголовном кодексе Социалистической Республики Вьетнам. Так, в УК СРВ в качестве общего правила провозглашается, что все лица, виновные в совершении преступления, равны перед законом независимо от их пола, национальности, убеждений, религиозной или социальной принадлежности. В то же время оговаривается, что закон строго наказывает организаторов преступлений, опасных рецидивистов, тех, кто оказывает сопротивление правоохранительным органам, систематически занимается преступной деятельностью или совершает агрессивные действия, совершает преступления, злоупотребляя служебным положением в составе организованных групп, в виде преступного промысла или с умышленным причинением тяжких последствий. С другой стороны, указывается на смягчение уголовного закона в отношении тех, кто признал вину, выдал своих сообщников, искупил вину добрыми делами, раскаялся и добровольно возместил причиненный ущерб¹.

Здесь в одной статье сформулировано все то, что во всех других уголовных законах только подразумевается: уголовно-правовой принцип равенства перед законом действует с учетом ряда факторов и обстоятельств, определяющих общественную опасность конкретного лица, совершившего преступное деяние, а также самого преступного деяния. Поэтому конституционный принцип равенства всех перед законом и судом не нарушается.

Как было справедливо отмечено в одном из курсов российского уголовного права, учет тяжести содеянного, личности виновного и всех других индивидуальных особенностей конкретного случая, предписываемый принципом справедливости, служит тому, чтобы преодолеть известный формализм, заложенный в принципе юридического равенства граждан перед законом².

¹ См.: URL : <http://lawlibrary.ru/article1006465.html>

² См.: Курс уголовного права. Общая часть. – Том 1: Учение о преступлении : учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М. : Изд-во ЗЕРЦАЛО, 1999. – С. 74.

Таким образом, избирая наказание, суд, по мнению специалистов, «должен постоянно держать в поле зрения требование равенства, которое только на первый взгляд несовместимо с идеей индивидуализации, как бы противоречит ей. Если при совпадающих в целом характеристиках содеянного и данных о личности двум осужденным по делу назначаются заметно различающиеся меры воздействия, нельзя говорить о соблюдении равенства граждан перед законом и, в целом, о справедливости наказания»¹.

Особое место принадлежит принципу *справедливости* (статья 6, часть 2 ст. 43, ч. 1 ст. 60 Уголовного кодекса). Справедливость в области назначения наказания является наиболее важным критерием для вывода о надлежаще назначенной судом меры государственного принуждения; она присуща всей совокупности норм уголовного права и системе его принципов. Справедливость в приложении к институту назначения наказания является наиболее важным мерилom последнего и критерием оценки правильности, выбранной судом меры. Поэтому следует согласиться с В.В. Похмелкиным, утверждающим, что «справедливость воплощается не в каком-то одном, а во всей системе уголовно-правовых принципов, она представляет собой наиболее общий принцип, от которого идут связующие нити ко всем остальным уголовно-правовым принципам и нормам»².

Таким образом, справедливость наказания достигается в результате оптимального сочетания различных условий и противоречивых требований, которые, в конечном счете, дополняют друг друга и корректируют их взаимодействие по обеспечению достижения целей наказания. Представляется, что именно данный аспект справедливости, как принципа назначения наказания, обуславливает современную проблему судебного правоприменения, связанную с оптимизацией пределов судейского усмотрения.

Не менее важным для института назначения наказания является *принцип гуманизма*. Этот принцип находит выражение во многих институтах отечественного уголовного права. В частности, отечественная система наказаний отличается большим количеством их видов, расположенных по степени их исправительного

¹ URL : <http://lawtoday.ru/razdel/biblo/ugol-prav/obshe/191.php>

² Похмелкин В.В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. – Красноярск : Красноярский ун-т, 1990. – С. 23.

воздействия, например, расположение видов наказаний в статье 6 УК РФ – от менее строгого к более строгим видам наказаний. Причем перечень видов, как система наказаний, являясь исчерпывающим, свыше 75 % состоит из видов, не связанных с лишением осужденного свободы. Идеей гуманизма продиктовано положение статьи 60 УК РФ о том, что суду предписано назначение наказания в виде лишения свободы обязательно мотивировать в приговоре.

Уголовный закон обязывает суды назначать наказание или освобождать от него на основе требования экономии репрессии, когда наказание избирается в соответствии с правилом минимальной достаточности для исправления данного правонарушителя. Но при этом обе стороны гуманизма, то есть его проявление в отношении лица, которое пострадало от преступления, и лица, виновного в его совершении, взаимосвязаны и должны быть равноправно учтены судом при избрании меры наказания в строгом соответствии с требованиями закона. В юридической литературе отмечается, что не всегда, к сожалению, на практике судебные приговоры соответствуют указанным требованиям. Принцип гуманизма порой обретает вид необоснованного либерализма. Согласно утверждению В.В. Питецкого, «Даже за тяжкие преступления в отношении каждого шестого осужденного назначаются наказания, не связанные с лишением свободы. Неоправданный либерализм в наказаниях оборачивается негуманностью в отношении потерпевших от преступлений граждан»¹.

В современной уголовно-правовой науке и судебной практике процесс обеспечения судом соответствия назначенного наказания, указанным в части первой статьи 6 Уголовного кодекса, характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, обстоятельствам его совершения, личности виновного, как принципа справедливости, обычно называется индивидуализацией наказания. Нередко в дискуссиях о назначении наказания возникают разночтения относительно различия между *индивидуализацией наказания* и его дифференциацией. По поводу названных категорий еще профессор С.В. Познышев отмечал, что «в определении меры уголовно-правового воздействия в отношении виновных участвуют две власти: законодатель и судья. Первый

¹ Питецкий В.В. О дальнейшем воплощении принципа индивидуализации уголовной ответственности в УК РФ // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 52.

определяет общий контур (абрис) наказуемости, вводя судебское усмотрение в строго очерченные рамки, а второй – суд – в отведенных ему пределах конкретизирует наказание, опираясь на сформулированные в законе критерии, и излагает свой вывод о мере уголовно-правового воздействия в приговоре»¹.

Таким образом, представляется, что критерии для разграничения вышеупомянутых парных категорий определяются, прежде всего, по *субъекту их осуществления*: дифференциация уголовной ответственности осуществляется законодателем, а индивидуализация наказания – судом. Вторым разграничивающим данные категории фактором является *акт*, фиксирующий соответствующие результаты – соответственно: дифференцирует ответственность уголовный закон, индивидуализирует наказание – приговор.

Дифференциация уголовной ответственности и индивидуализация наказания взаимосвязаны тесно и непосредственно. Причем дифференциация является предпосылкой для индивидуализации. Придавая большое значение взаимосвязи данных категорий для назначения уголовного наказания, Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума № 58 от 22 декабря 2015 года указал: *«Обратить внимание судов на необходимость исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания, имея в виду, что справедливое наказание способствует решению задач и осуществлению целей, указанных в статьях 2 и 43 Уголовного кодекса Российской Федерации»*².

Итак, в какой же мере мы можем говорить о принципах назначения наказания по российскому уголовному праву?

Прежде всего, они выступают как конкретное выражение общих принципов уголовного закона, как указано в ст. 2 УК РФ, принципов уголовной ответственности, во многом сходных с ними. Но в отличие от общих принципов, определяющих сущность всех институтов уголовного права, принципы назначения уголовного наказания предназначены для определения деятельности суда в определенной, более узкой сфере, а именно – при назначении наказания.

¹ См.: Познышев С.В. Очерк основных начал науки уголовного права. Общая часть. – М., 1923. – С. 69.

² О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: ППВС РФ от 22 декабря 2015 г. № 58. П. 1. – URL : <http://ппвс.пф/2015/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N58-ot-22.12.2015.html>

*Грошев Александр Васильевич,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Кубани*

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УК РФ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Прошедший и современный периоды действия УК РФ 1996 г. показывают, что главным направлением уголовной политики российского государства является усиление гарантий безопасности наиболее важных социальных институтов. В фокусе задач уголовного законодательства находится новая система социальных ценностей, представляющая иерархию: личность – общество – государство – мировое сообщество, среди которых четко обозначен приоритет охраны личности, ее конституционных прав и свобод. Данный принцип уголовной политики обусловлен коренными социально-экономическими и политическими преобразованиями общества и изменившимися, в связи с этим потребностями практики борьбы с преступностью в новых условиях. Однако в доктрине все чаще пишут о системном кризисе действующего уголовного законодательства, его неспособности добиться позитивных изменений в состоянии и тенденциях преступности и защитить коренные интересы личности, общества и государства от преступных посягательств¹.

Более того, уголовная политика демонстрирует противоречивые тенденции в реформировании уголовного законодательства и изменении основных показателей преступности. Так, на фоне продолжающейся криминализации различных форм социального поведения, в последнее время наблюдается беспрецедентное

¹ См.: Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика : монография / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М. : Проспект, 2014. – С. 3–4 (предисловие – Л.Л. Кругликов); Голик Ю.В. К вопросу о правовом содержании уголовного закона / Ю.В. Голик; Отв. ред. В.С. Джатиев // Правовое содержание уголовного закона. Материалы круглого стола к юбилею Ю.В. Голика. Сборник статей. – СПб. : Юридический центр, 2017. – С. 15–23; Коробеев А.И. Правовое содержание уголовного закона и очередные попытки его модернизации / Ю.В. Голик; Отв. ред. В.С. Джатиев // Материалы круглого стола к юбилею Ю.В. Голика. Сборник статей. – СПб. : Юридический центр, 2017. – С. 105–112.

сокращение числа регистрируемых преступлений и лиц, их совершивших. Если пик регистрации преступности пришелся на середину 2000-х годов (в 2005–2008 гг. регистрировалось более 3 млн преступлений), то с конца 2000 годов наблюдается их постепенное, а затем резкое сокращение. Так, если в 2010 г. было зарегистрировано 2,628 тыс. преступлений, то в 2018 г. их число сократилось до 1,991 тыс. (в 2019 г. их количество возросло на 1,65 %)¹.

Кризисное состояние и негативные тенденции преступности, возникновение глобальных угроз национальной безопасности и мировому правопорядку ставят перед доктриной уголовного права новые проблемы, связанные с поиском резервов повышения эффективности уголовного законодательства. В этой связи интерес представляют некоторые тенденции уголовно-правовой политики и их влияние на совершенствование основных институтов Общей части УК РФ как правовой базы для дальнейшего развития и обновления уголовного законодательства России в целом. Основными институтами Общей части УК являются преступление и уголовная ответственность – «это центральные категории уголовного права, вокруг которых собственно и должна строиться система институтов Общей части уголовного права»². Дополним это вполне справедливое суждение о системообразующих категориях Общей части уголовного права еще одной категорией «иных мер уголовно-правового характера». Данный институт (наряду с институтом судимости) замыкает систему правовых последствий совершения преступления, которые не сводятся к мерам уголовной ответственности, а включают и иные социально полезные результаты уголовно – правового регулирования³. Кроме того, базовым (первичным) институтом Общей части уголовного права выступает уголовный закон – его система и пространственно-временные характеристики действия.

Характерно, что после вступления в силу УК РФ в своей первоначальной редакции действовал менее полутора лет (1.01.1997 г. – 27.05.1998 г.). В последующий период своего действия УК РФ

¹ Портал правовой статистики. Генеральной прокуратуры РФ. – URL : http://crimestat.ru/offenses_rate

² См.: Жук М.С. Учение об институтах российского уголовного права: концептуальные основы и перспективы развития : монография. – М. : Юрлитинформ, 2013. – С. 146.

³ См. подробнее: Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория и практика : монография. – М. : Норма : Инфра-М, 2011. – С. 259–265.

подвергся масштабным изменениям и дополнениям. В этот период приняты многочисленные федеральные законы, устанавливающие уголовную ответственность за определенные деяния или вносящие изменения в действующие нормы УК (к настоящему времени принято более 170 таких законов). В результате подобного локализованного законотворчества существенное обновление претерпели как Общая, так и Особенная части УК РФ. Так, за время действия УК РФ лишь 40 статей его Общей части остались неизменными (из 104 на момент принятия); утратили силу 2 нормы (ст. 16, 77); приняты 12 новых норм (ст. 53.1, 63.1, 72.1, 76.1, 76.2, 80.1, 82.1, 104.1–104.5) и 64 нормы подверглись различным изменениям и дополнениям (более 60 %). Что касается Особенной части, сохранились в первоначальном виде всего лишь 10 статей (из 256 на момент принятия); исключены 9 норм (ст. 129, 130, 152, 173, 182, 188, 200, 265, 298 УК), дополнили ее систему 89 новых норм и в 282 нормы были внесены изменения и дополнения, причем, в некоторые из них – неоднократно (более 90 %).

Прежде всего, следует обратить внимание, что тенденции развития Общей и Особенной частей УК РФ различны, и в определенной степени – рассогласованы. Причем в процессе реформирования уголовного законодательства, наиболее рельефно обнаруживается относительная самостоятельность Особенной части УК РФ, когда довольно частые и многочисленные изменения конкретных ее норм, как – правило, не связаны с изменением норм Общей части УК РФ. В этом плане Особенная часть УК РФ – наиболее динамичный элемент уголовно-правовой системы. Нормы Особенной части более оперативно реагируют на изменение социально-экономических и политических условий жизни общества и адаптируются к ним. Благодаря этому обеспечивается свойство социальной обусловленности уголовно-правовых запретов.

Если говорить об основных тенденциях развития Общей части УК РФ, их можно обозначить как:

- а) тенденцию гуманизации наказания и иных мер уголовно-правового характера;
- б) тенденцию ограниченной (локальной) дифференциации уголовной ответственности и наказания;

в) тенденцию ужесточения ответственности за наиболее опасные и резонансные преступления (в рамках отдельных институтов Общей части и санкций норм Особенной части).

Первая из названных тенденций развития Общей части УК (и уголовной политики в целом) – безусловно, доминирующая. Эта тенденция является системной, она проявляется практически во всех институтах Общей части, так или иначе связанных с правовыми последствиями совершения преступления (возможность изменения судом категории преступления на менее тяжкую; исключение некоторых видов наказаний или введение моратория на их применение; расширение круга альтернативных лишению свободы видов наказаний; введение новых видов освобождения от уголовной ответственности и наказания и т.д.). Она изначально характеризовала УК РФ 1996 г. в целом как более гуманный по сравнению с ранее действовавшим уголовным законодательством советского периода (за счет институтов, ограничивающих строгость репрессии в отношении отдельных категорий лиц, совершивших преступления – несовершеннолетних, женщин и др.). В структуре преступности данная тенденция проявляется в снижении уровня судимости как по сопоставимым (динамика судимости), так и несопоставимым (динамика преступности и судимости) показателям, что характеризует линию на гуманизацию уголовной политики в направлении специальной превенции (предупреждения).

В рамках тенденции гуманизации мер уголовно-правового характера проявляется другая тенденция – ограниченной (локальной) дифференциации уголовной ответственности, связанная с распределением правовых последствий совершения преступления в рамках того или иного института исходя из характера и степени опасности данного преступления и иных обстоятельств. Ярким проявлением данной тенденции является поэтапное установление ограничений на применение института условного осуждения (ст. 73 УК), в частности запрет на назначение условного осуждения:

а) осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста;

а.1) осужденным за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 205, ч. 1 и 2 ст. 205.1, ст. 205.2, ч. 2 ст. 205.4, ч. 2 ст. 205.5, ч. 1–3 ст. 206, ч. 4 ст. 210, ст. 210.1, ст. 360 УК (введен

Федеральным законом от 5.05.2014 № 130-ФЗ; в ред. Федеральных законов от 06.07.2016 № 375-ФЗ, от 01.04.2019 № 46-ФЗ);

б) при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в течение испытательного срока при условном осуждении, назначенном за совершение умышленного преступления, либо в течение неотбытой части наказания, назначенного за совершение умышленного преступления, при условно-досрочном освобождении;

в) при опасном или особо опасном рецидиве (в ред. Федерального закона от 16.10.2012 № 172-ФЗ).

Пример данной тенденции – расширение сферы действия института отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК) путем его применения (помимо осужденной беременной женщины, женщины, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет) к мужчине, имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет, и являющемуся единственным родителем; с другой стороны – ограничение его применения в отношении осужденных к ограничению свободы, к лишению свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, к лишению свободы за преступления, предусмотренные ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК, и сопряженные с осуществлением террористической деятельности преступления, предусмотренные ст. 277, 278, 279 и 360 УК РФ,

Тенденция ужесточения уголовной ответственности проявляется, главным образом, в пенализации уголовно-наказуемых деяний. Это выражается, прежде всего, в повышении верхнего и (или) нижнего пределов санкций за отдельные преступления (линия на ужесточение уголовной репрессии в рамках общей превенции). При принятии УК РФ 1996 г. названная тенденция выразилась, в частности, не только в усилении наказания за отдельные преступления, но и в увеличении максимального срока лишения свободы до 20-ти лет (ч. 2 ст. 56 УК РФ)¹. Более того, в УК РФ

¹ Для сравнения: по УК РСФСР 1960 г. максимальный срок лишения свободы составлял 15 лет (в том числе по совокупности преступлений и совокупности приговоров). При замене в порядке помилования смертной казни лишением свободы оно могло быть назначено на срок более пятнадцати лет, но не свыше двадцати лет, а с декабря 1992 г. – пожизненно (ст. 26 УК в ред. Закона РФ от 17.12.92 № 4123-1).

была введена новелла – возможность осуждения к лишению свободы на более длительный срок, чем это предусмотрено в норме Общей части УК (при назначении наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров – соответственно, не свыше 25 и 30 лет) (ч. 4 ст. 56 УК РФ). В дальнейшем эта тенденция была усилена Федеральным Законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, закрепившем в ст. 69 УК правило, согласно которому окончательное наказание по совокупности преступлений не может превышать более чем наполовину максимальный срок или размер наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений. Наконец, Федеральный Закон 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ¹ увеличил максимальный срок лишения свободы за целый ряд преступлений террористического характера, а также некоторые преступления против основ конституционного строя и безопасности государства и против мира и безопасности человечества при назначении наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров – соответственно не свыше 30 и 35 лет (ч. 5 ст. 56 УК РФ).

Такие полномочия суда, связанные с возможностью выхода за верхний предел санкции относительно наиболее тяжкого из преступлений, существенно расширяют и без того широкие рамки судебного усмотрения при назначении наказания. Но большая неэффективность практики пенализации проявляется в диспропорциях уголовного закона, возникающих в результате резкого усиления наказуемости деяний, изначально не обладавших большой общественной опасностью. Так, в последние годы активизировалась тенденция усиления наказуемости отдельных «резонансных» преступлений на фоне их резкого осуждения большинством гражданами. Таковыми, в частности, являются деяния, предусмотренные ст. 134, 135 УК РФ, ранее относящиеся к преступлениям средней тяжести. Федеральными законами от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ и от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ в УК РФ были внесены изменения, направленные на усиление ответственности за указанные и другие преступления против половой неприкосновенности несовер-

¹ См.: Федеральный закон от 05.05.2014 № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2335.

шеннолетних¹. В новой редакции закона половое сношение и иные действия сексуального характера, совершенные, в частности, с лицом, достигшим 12-летнего возраста, но не достигшим 14-летнего возраста наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет (ч. 3 ст. 134 УК). Аналогичные деяния, предусмотренные ч. 1–3 ст. 134 УК РФ совершенные в отношении двух или более лиц, наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет (ч. 4 ст. 134 УК); такие же деяния, совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой - на срок от двенадцати до двадцати лет (ч. 5 ст. 134 УК РФ); деяния, предусмотренные ч. 3 ст. 134 УК, совершенные лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, наказываются лишением свободы - на срок от пятнадцати до двадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы (ч. 6 ст. 134 УК РФ). Аналогичным образом усилены санкции за развратные действия в отношении малолетних (ч. 2–5 ст. 135 УК РФ). В результате по сопоставимому виду наказания (лишению свободы на определенный срок) деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 134 УК наказывается так же, как и убийство двух и более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), а подобное деяние, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, наказываются более строго, чем убийство при указанных формах соучастия (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Полагаем, что столь резкое усиление уголовной репрессии за ненасильственные преступления сексуального характера, без выявления действительной криминологической природы данного негативного явления (педофилии), ведет к возрождению в общественном правосознании идеи возмездия за рассматриваемые преступления. Более того,

¹ См, Федеральный закон от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 31. Ст. 3921; Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 10. Ст. 1162.

подобная диспропорция наказания у некоторых лиц (особенно у соучастников) может вызвать мотив сокрытия совершенного преступления путем убийства жертвы.

Об отсутствии у законодателя реалистичных представлений о криминологической детерминации указанных преступлений свидетельствует и тот факт, что указанным выше Федеральным законом от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ ст. 47 УК РФ дополнена беспрецедентной новеллой – возможностью назначения в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания на срок до двадцати лет¹. То, что срок указанного дополнительного вида наказания может в несколько раз превышать срок такого наказания, назначаемого в качестве основного, уже свидетельствует о диспропорции в регламентации этого вида наказания. Однако в случае назначения данного наказания в качестве дополнительного к лишению свободы оно, согласно ч. 4 ст. 47 УК РФ, распространяется на все время отбывания указанного основного наказания, но при этом его срок исчисляется с момента его отбытия. По сути, это означает запрет на работу по профессии вообще, хотя, подобного рода запреты должны содержаться в трудовом законодательстве.

При рецидиве таких преступлений (а его уровень в стране довольно высок) уголовный закон с легкостью будет обвинен в неэффективности. В общественном правосознании это закономерно детерминирует притязания граждан к карательной стороне уголовного закона, формирует их представления о необходимости дальнейшего усиления наказания. В этом состоит другая негативная сторона социально не обусловленной пенализации преступлений, что негативно отрицательно сказывается на эффективности уголовно-правовых санкций и практике их применения.

Следует отметить, что при реформировании уголовного законодательства закономерно обнаруживается жесткая зависимость норм Общей и Особенной частей УК РФ. Например, исключение

¹ Лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания на срок до 15 лет содержится в санкциях ч. 3 ст. 134, ч. 2 ст. 135 УК; до 20 лет – в санкциях ч. 3–5 ст. 131, 132; ч. 4–6 ст. 134, ч. 3–5 ст. 135 УК РФ.

из Общей части УК РФ института неоднократности преступлений (ст. 16 УК) повлекло системное изменение всех норм Особенной части, содержащих соответствующий квалифицирующий признак. И наоборот, аналогичная зависимость проявляется (во всяком случае – должна иметь место) при совершенствовании норм и институтов Особенной части УК, функционально связанных с соответствующими родовыми институтами Общей части УК. Однако законодатель здесь не всегда последователен. Так, при конструировании некоторых составов преступлений, связанных с организованной преступной деятельностью (ст. 205.4, 210, 282.1 УК) законодатель существенно расширил общее понятие преступного сообщества (организации), закрепленное в ч. 4 ст. 35 УК. Тем самым создан прецедент на пути совершенствования дефиниции преступного сообщества, закрепленной в норме Общей части УК по принципу «от частного к общему». Хотя, логичным представляется законодательное закрепление, прежде всего, общих условий уголовной ответственности за соучастие в преступлении, в том числе, в организованных формах («от общего к частному»). Однако в результате подобного законотворчества возникли системные коллизии между общим понятием преступного сообщества (преступной организации), содержащимся в ч. 4 ст. 35 Общей части, и его трактовкой в некоторых специальных нормах Особенной части (ст. 205.4, 210, 282.1 УК), способные дестабилизировать правоприменительную практику. Например, неясно, распространяется ли такой признак преступного сообщества (преступной организации) как цель «получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды» на отдельные разновидности данной формы соучастия, предусмотренные нормами Особенной части УК РФ (ст. 209, 210 и др.). Другим примером правовой неопределенности в контексте оценки форм соучастия является состав бандализма (ст. 209 УК РФ). В литературе «бандитизм» (точнее – банда) зачастую рассматривается как разновидность организованной группы¹, что не вполне согласуется с природой данной формы соучастия и законодательной конструкцией состава ст. 209 УК РФ.

¹ См., например: Малиновский В.В. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика) : монография / В.В. Малиновский; Отв. ред. А.И. Чуцаев. – М. : Проспект, 2009. – С. 34; Прозументов Л.М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 96.

В связи с этим отдельные ученые обращают внимание на двойственность понятия «организованной группы», имеющего существенные различия в нормах Особенной части с соответствующим квалифицирующим признаком и нормах об ответственности за более опасные формы соучастия (преступное сообщество)¹. Представляется, что банда изначально (*de iure*) является преступным сообществом (организацией), хотя *de facto* рассматривается как организованная группа (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 г. № 1). По сути, юридическая природа банды не может быть точно определена на основе предписаний ч. 3, 4 ст. 35 УК РФ². Аналогичный вывод можно сделать и в отношении ст. 208 УК РФ, устанавливающей ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем³.

Отмеченные тенденции уголовно-правовой политики, проявляющиеся в модернизации институтов Общей части УК РФ, могут стать актуальными в рамках предстоящей реформы отечественного уголовного законодательства, связанной с разработкой и принятием нового Уголовного кодекса РФ.

¹ См.: Соболев В.В. Уголовная ответственность соучастников преступления: теоретико-методологические проблемы основания и дифференциации : монография. – М. : РАП, 2011. – С. 172–175.

² См.: Коняхин В. Рецензия на книгу: «В.В. Малиновский. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика) : монография / В. Коняхин, А. Грошев; Отв. ред. А.И. Чучаев. – М. : Проспект, 2009; Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 135–137.

³ См.: Агапов П.В. Проблемы противодействия организованной преступной деятельности. – Изд. 2-е, испр. и доп. / Под науч. ред. Н.А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2010. – С. 97–98.

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ

*Вишневецкий Кирилл Валерьевич,
начальник кафедры уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
полковник полиции
г. Краснодар*

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР КРИМИНАЛЬНОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Виктимность (виктимизм), является массовым явлением, в силу чего для виктимологического обеспечения национальной безопасности России, сегодня назрела необходимость создания единой базы научного анализа и, что тоже немаловажно, хранения информации о жертвах преступления и виктимологических процессах в обществе¹.

Изучение детерминации преступности предполагает, прежде всего, системный подход, то есть необходимость исследования всей совокупности факторов, детерминирующих преступность. Соответственно в процессе рефлексии феномена преступности, как массового, системного преступного (уголовно наказуемого) поведения части членов общества² должны учитываться все внешние (объективные) и внутренние (субъективные) факторы, определяющие его и влияющие на его содержание и динамику³. Кроме причин и условий в философской и юридической литературе сегодня указывается более чем на тридцать видов причинной и не причинные детерминации, что делает очевидным вывод о невозможности сведения детерминации преступности только к категориям причин и условий, игнорируя другие виды криминогенной

¹ Вишневецкий К.В. Виктимологическое обеспечение национальной безопасности России // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 3. – С. 352.

² Игнатов А.Н. Понятие общеуголовной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 1(39). – С. 6–10.

³ Игнатов А.Н. Методологические основы исследования преступности / А.Н. Игнатов, Е.Б. Ильичев // Общество и право. – 2015. – № 2(52). – С. 129–133.

детерминации. Детерминацию преступности следует представлять шире, включая в ее понятие все связи, опосредования и взаимодействия преступности с другими социальными явлениями и процессами. Именно поэтому совокупность всех видов криминогенной детерминации криминологи определяют, как «факторы», или «криминогенные факторы»¹. Указанное, на наш взгляд, в полной мере относится к виктимологическим факторам (от лат. *factor* – делающий, производящий), что означает движущую, действующую силу какого-либо процесса, явления, определяющую его характер или отдельные черты) преступности в целом и факторам криминальной виктимизации в частности.

Факторы виктимизации – это совокупность обстоятельств в жизни людей и общества, которые детерминируют процесс превращения данной личности в жертву преступления либо тем или иным образом способствуют содействию реализации этого процесса. Факторы виктимизации населения проявляются как на массовом (политические, социально-экономические, культурно-информационные), так и на индивидуально-групповом уровне². Качественно-количественными параметрами, определяющими характер виктимности и специфику виктимизации различных социальных страт, выступают следующие основные зависимости: процент мужчин и женщин в каждой страте, являющихся жертвами преступных посягательств; соответствующие показатели для числа преступников; процент лиц молодого и пожилого возраста, являющихся, соответственно, жертвами и преступниками в каждой из страт; мера соответствия стратовой виктимизации социально-демографической структуре региона. Дополнительно могут выступать такие параметры, как зависимость виктимности от пьянства и наркомании; родственных, соседских и т.п. отношений между жертвой и преступником; числом посягательств на незнакомых/знакомых лиц и т.п. При этом следует учитывать, что изменения социальной структуры российского общества происходят под воздействием качественных сдвигов, вызванных масштабными преобразованиями социального, экономического, политического,

¹ Игнатов А.Н. Факторы детерминации коррупционных преступлений сотрудников органов внутренних дел // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5. – № 3. – С. 342–351.

² Вишневецкий К.В. Виктимизация: факторы, условия, уровни // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 4. – С. 226–227.

правового характера, осуществлявшихся в ходе радикальных реформ девяностых годов. Другим мощным фактором этих изменений являются процессы глобализации, которые оказывают влияние на динамику стратификации во всех странах современного мира. Комплексным результатом этих разнонаправленных процессов оказывается углубление социального неравенства, резкий рост безработицы, активизация социальной миграции и пр.¹ Указанное свидетельствует об актуальности и необходимости выделения в качестве отдельного объекта виктимологического исследования географического фактора криминальной виктимизации населения.

Одним из перспективных направлений современной криминологической науки, изучающей закономерности распространения в пространстве и изменения во времени качественно-количественных показателей преступности, обусловленных взаимодействием компонентов социальных, природных и антропогенных подсистем на локальном, региональном и глобальном уровнях, является география преступности. С прикладной точки зрения, для разработки эффективных программ борьбы с преступностью необходимо обладать точным представлением о сложившейся качественно-количественной характеристике преступности исследуемой территории, знать ее тенденции и закономерности для осуществления прогнозирования².

География как наука представляет собой целую систему естественных и общественных наук о нашей планете, изучающих природные, производственно-территориальные и социально-территориальные комплексы и их компоненты, исследует законы (закономерности) их размещения и взаимодействия³. Рассматривая географические факторы криминализации и виктимизации общества, следует учитывать, что качественно-пространственные особенности преступности могут обуславливаться взаимосвязью совершения отдельных преступлений с характеристиками (географическими

¹ Вишневецкий К.В. К вопросу о виктимности социальных страт в современном российском обществе // Юристъ-Правоведъ. – 2004. – № 4(11). – С. 39–41.

² Яшенков В.О. Использование ГИС при анализе и прогнозировании состояния преступности на региональном и локальном уровнях // В сборнике: Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 547–550.

³ Богучарсков В.Т. История географии : учебное пособие. – Саратов : Вузовское образование, 2017. – 521 с.

и пространственно-геометрическими) определенных точек пространства, в пределах которых они совершаются¹.

На глобальном уровне социальных стран – на уровне всего населения следует учитывать, что географический фактор виктимизации населения необходимо рассматривать, прежде всего, в контексте виктимологических особенностей такого социального процесса, как миграция.

Помимо чисто экономических функций, миграция выполняет и социальные. В качестве социальных функций выделяются следующие: свободный выбор индивидуумом сферы деятельности в соответствии со способностями и склонностями, удовлетворение личных потребностей за счет изменения комплекса жизнеобеспечения, изменение социального статуса работника и возможности наиболее полной реализации его личностного потенциала. Если говорить о главной социальной функции миграции, то ее можно определить как стремление, благодаря изменению места проживания, более полно удовлетворить потребности мигранта. В сознании человека потребность в миграции формируется под влиянием такого противоречия, которое проявляется в соотношении реальной и желаемой ситуации. Начальным импульсом к миграции может служить желание улучшить сложившуюся жизненную ситуацию. Под причинами миграции следует понимать сочетание объективных и субъективных условий, взаимосвязь и взаимодействие которых непосредственно вызывают перемещение населения и рабочей силы. Социальной группой с наиболее повышенной степенью виктимности являются сами мигранты в первую очередь – незаконные. Стоит начать уже с того, что эти люди с самого начала оказываются в полной зависимости от транснациональной организованной преступности, сетевые элементы которой специализируются на данном виде «бизнеса». Мигранты являются лицами с повышенной степенью виктимности также из-за сложностей

¹ Игнатов А.Н. Влияние качественно-пространственных особенностей местности на выбор и реализацию способа совершения преступления / А.Н. Игнатов, С.В. Пахомов // Общество и право. – 2016. № 3(57). – С. 145–146; Игнатов А.Н. О необходимости исследования качественно-пространственных особенностей преступности / А.Н. Игнатов, С.В. Пахомов // В сборнике: Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию образования Дальневосточного юридического института МВД России). Сборник материалов международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 323–325.

интеграции в культурное пространство страны пребывания. Серьезные проблемы, связанные с внутренней миграцией, вызванной экономической неравномерностью развития регионов России, межнациональными проблемами и пр. Наряду с социально-политическими и экономическими факторами миграции в Российской Федерации, существуют и факторы экологического характера, которые несут в себе значительную угрозу дестабилизации общества¹. Как можем видеть на примере виктимологических особенностей миграции, полноценное исследование детерминации и процесса криминальной виктимизации населения невозможно без учета географической (причем не только в плане сугубо пространственно-территориальных характеристик, а в широком понимании) составляющей.

Именно география имеет существенный и необходимый методологический потенциал для исследования преступности: изучением природных комплексов занимаются отдельные отрасли физической географии; изучением производственно-территориальных и социально-территориальных комплексов занимается – социально-экономическая география; исследованием взаимодействия в системе «общество – природа – антропогенная среда» занимается геоэкология; отображением пространственно-распределенной информации – картография. Следовательно, нельзя сводить географию преступности к простому статистическому анализу пространственного распределения качественных и количественных показателей преступности. Методологически география преступности позволяет постичь сущность преступности, закономерности ее функционирования и трансформации. Исследование географии преступности позволяет на основе пространственного моделирования, не просто отражать и анализировать пространственно-временные характеристики преступности, но и прогнозировать перспективы дальнейшего развития криминальной

¹ Игнатов А.Н. Влияние качественно-пространственных особенностей местности на выбор и реализацию способа совершения преступления / А.Н. Игнатов, С.В. Пахомов // Общество и право. – 2016. – № 3(57). – С. 145–146; Игнатов А.Н. О необходимости исследования качественно-пространственных особенностей преступности / А.Н. Игнатов, С.В. Пахомов // В сборнике: Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию образования Дальневосточного юридического института МВД России). Сборник материалов международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 323–325.

ситуации на различных территориальных уровнях организации. С практической точки зрения, это способствует разработке соответствующих (глобальных, региональных, локальных) программ по подбору наиболее эффективных методов и средств, определению механизмов борьбы с преступностью, учитывающей специфику исследуемой территории¹.

Таким образом, учет географического фактора криминальной виктимизации населения позволяет исследовать виктимологический аспект преступности с учетом комплексного взаимодействия различных компонентов социальных, природных и производственных подсистем на локальном, региональном и глобальном уровнях. Это позволит не только глубже изучить проблему криминальной виктимизации населения, но дает возможность осуществлять эффективное виктимологическое моделирование и прогнозирование.

*Кашкаров Александр Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

*Кашкаров Алексей Александрович,
доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права и криминологии,
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России*

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ НЕДОНОСИТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Существование доноительства о преступлении как формы, которая характеризует прикосновенность к преступлению

¹ Яшенков В.О. География преступности как ее качественно-количественная характеристика // В сборнике: Уголовная политика и культура противодействия преступности. Материалы Международной научно-практической конференции : в 2-х томах. – 2018. – С. 290–292.

и как законодательно закреплённого основания уголовной ответственности имеет давнюю историю [1; 3, с. 154–158; 6], однако с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 году (далее – УК РФ) недоносительство о преступлении приобрело выражение теоретической конструкции и законодательно не закреплённой модели. Вместе с тем законодатель Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ возвращает в УК РФ недоносительство о преступлении в более политкорректной формулировке, а именно ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении» [10, с. 435]. Законодательное описание понятия «несообщение о преступлении» является достаточно дискуссионным, что обуславливает доктринальный интерес к раскрытию содержания и характеристики его. Указанные обстоятельства свидетельствуют о своевременности и актуальности проведения исследования недоносительства о преступлении.

Анализируя содержание диспозиции ст. 205.6 УК РФ следует согласиться с исследователями, которые отмечают, что действующая редакция недонесения (несообщения) о преступлении имеет ряд открытых вопросов, которые вызывают затруднения для правоприменителя, а также являются предметом полемики среди теоретиков уголовного права. Так, к такого рода вопросам относятся: определение круга органов, в которые лицо обязано сообщить о преступлении; срок, в течение которого лицо обязано сообщить о преступлении; своевременность сообщения о преступлении [7, с. 131–133].

Несообщение о преступлении, как законодательно закреплённая форма недонесения о преступлении, имеет свою уголовно-правовую характеристику, несообщение о преступлении распространяется на законодательно ограниченное количество составов преступлений, а именно: ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, как видно перечень составов преступлений по которым физическим лицам следует доносить (сообщать) в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении является исчерпывающим. С целью исключения излишней полемики такие вопросы, как: характеристика степени тяжести указанных в ст. 205.6 УК РФ составов преступлений, а также целесообразность включения в ст. 205.6 УК РФ вышеназванных составов; необходимость

добавления в несообщение о преступлении новых составов и перенос данной нормы в Главу 31 «Преступления против правосудия» УК РФ, будут вынесены за пределы данного исследования.

Отмечается, что появление ст. 205.6 УК РФ не является новеллой, её включение в УК РФ является своего рода законодательным регрессом, но на новом уровне развития общества и законодательства [11, с. 17].

Общественная опасность несообщения о преступлении выражается в затруднении деятельности органов власти по противодействию и борьбе с терроризмом, а также возникновения и создания реальной возможности уклонения преступника от уголовной ответственности.

Представляется, что законодательное установление уголовной ответственности за доноительство (в ныне действующем УК РФ – несообщение) в большей степени несёт превентивную задачу, направленную на предупреждение и пресечение преступлений террористического характера и иных преступлений, связанных с общественной и государственной безопасностью, миром и безопасностью человечества, вместе с тем, в литературе отмечается, что законодатель сформировал специальное самостоятельное правило, обязательное для учёта и соблюдения всеми, физическими лицами на территории Российской Федерации. Указанные правила позволяют обеспечить уголовно-правовую охрану вышеперечисленных объектов даже при отсутствии признаков соучастия [10, с. 437].

Анализ термина «недоительство» («несообщение») свидетельствует о том, что лицо воздерживается от доноительства (сообщения) либо сообщения, то есть бездействует, не выполняет действия, которые возложены на лицо действующим законодательством, а именно своевременно информировать, сообщать в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ. Иными словами, лицо бездействует в нарушение возложенных на него законом обязанностей, не осуществляет возложенных законодателем действий. Такого рода поведение лица может

представиться в первом приближении нейтральным и не являющимся общественно опасным, лицо не оказывает активного содействия преступнику, однако исходя из высокой степени общественной опасности преступлений, указанных в диспозиции ст. 205.6 УК РФ, несообщение о перечисленных преступлениях, указанных в ст. 205.6 УК РФ, объективно блокирует, нейтрализует и препятствует деятельности правоохранительных органов, таким образом недоноситель содействует преступнику, так как бездействия недоносителя содействуют реализации преступного замысла преступника, способствуют уклонению от уголовного преследования и наказания, предоставляют возможность продолжать преступную деятельность.

Именно пассивное поведение недоносителя даёт основание отграничивать недоносительство (несообщение) о преступлении от укрывательства преступления. Лицо, обеспечивающее укрывательство преступления помимо недоносительства (несообщения) выполняет активные действия, связанные с сокрытием следов преступления, орудий его совершения, преступника и т.п., таким образом укрывательство преступления включает в себя и недоносительство. Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путём, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы нельзя квалифицировать по ст. 205.6 УК РФ, а следует квалифицировать по соответствующей части ст. 205.1 УК РФ даже при условии, что данное обещание не было выполнено, так как данное обещание укрепило решимость исполнителя и иных соучастников в совершении преступления, а также действия лица, давшего обещание образовало причинную и виновную связь с действиями иных соучастников, чего не происходит при даче обещания о несообщении о преступлении.

Недонесение (несообщение) о преступлении исходя из характеристики объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ будет считаться оконченным с момента фактического получения лицом достоверной информации (сведений) о факте подготовки или совершения преступления другим лицом (лицами), указанном в диспозиции ст. 205.6 УК РФ. С момента получения достоверной информации (сведений) о готовящемся,

совершаемом либо совершённом преступлении лицо начинает находиться в так называемом преступном состоянии. Таким образом, следует однозначный вывод о том, что данное общественно опасное деяние следует относить к делящимся преступлениям. Преступное состояние лица может прекратиться в одном из трёх случаев, а именно: по инициативе лица при сообщении о факте о готовящемся, совершаемом либо совершённом преступлении в органы власти; по инициативе правоохранительных органов, в случае задержания лица, не сообщившего о преступлении, указанном в диспозиции ст. 205.6 УК РФ; по истечению сроков давности уголовной ответственности, однако следует понимать, что механизм исчисления сроков давности привлечения к уголовной ответственности по рассматриваемому составу преступления затруднён в силу отсылочной диспозиции ст. 205.6 УК РФ, а также прикосновенности указанного общественно опасного деяния к основным преступлениям, указанным в диспозиции ст. 205.6 УК РФ.

Вышеизложенное обуславливает то обстоятельство, что исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности по преступлению, предусмотренному ст. 205.6 УК РФ находится во взаимосвязи с общественно опасными деяниями, по которым возникает у лица обязанность сообщать в органы власти. По общему правилу, предусмотренному ч. 2 ст. 78 УК РФ, сроки давности исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу. Преступление, предусмотренное ст. 205.6 УК РФ, относится к преступлению небольшой тяжести, ч. 1 ст. 78 УК РФ определяет, что истечение сроков давности по преступлениям небольшой тяжести составляет два года, однако при недонесении о преступлении лицо находится в преступном состоянии постоянно, которое обусловлено основным преступлением. Представляется, что истечение сроков давности по ст. 205.6 УК РФ должно проходить исходя из порядка исчисления сроков давности основного преступления, по которому у недонесителя возникла обязанность сообщить о преступлении в органы власти. В ч. 5 ст. 78 УК РФ, указано по преступлениям, предусмотренным ст. ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5 УК РФ, ч. 3 и ч. 4 ст. 206 УК РФ, ч. 4 ст. 211 УК РФ, ст. 277-279 УК РФ, ст. 360–361 УК РФ сроки давности не применяются, что, в свою очередь, даёт основание утверждать о том, что несообщение в

органы власти о факте совершения вышеуказанных преступлений сроки давности также не применяются.

Справочно укажем, что примечание 1.1 ст. 205.1 УК РФ при характеристике «пособничества» в указанной статье УК РФ не использует термина «заведомо», который присущ «пособничеству», закреплённому в ч. 5 ст. 33 УК РФ, что свидетельствует о том, что пособничество, согласно ч. 3 ст. 205.1 УК РФ может возникнуть как до, так и после выполнения объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ, ч. 3 ст. 206 УК РФ, ч. 1 ст. 208 УК РФ.

Продолжая указанную мысль, отметим, что переросшее несообщение о преступлении в заранее не обещанное укрывательство преступлений, которые не подпадают под признаки ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, по нашему убеждению, следует квалифицировать по ст. 316 УК РФ. Кроме того, в литературе существует мнение, согласно которому действия, связанные с недонесением о преступлении, перерастающие в последующем в укрывательство, следует квалифицировать по совокупности. Так Г.Л. Москалев полагает, что «составы преступлений, предусмотренных ст. 205.6 и ст. 316 УК РФ, обладают взаимоисключающими друг друга признаками объективной стороны. Следовательно, ситуация, при которой лицо не сообщило о преступлении из числа указанных в диспозиции статьи 205.6 УК РФ, и одновременно совершило его укрывательство, полностью не охватывается ни ст. 205.6 УК РФ, ни ст. 316 УК РФ. Это значит, что конкуренция между данными нормами отсутствует, а деяние должно квалифицироваться по правилам совокупности преступлений» [8, с. 26], схожую позицию высказывает и Ю.А. Клименко, который указывает «... в судебном толковании несообщение о преступлении лежит за рамками такого деяния, как укрывательство. Несобщение и укрывательство являются самостоятельными понятиями, не пересекающимися и не конкурирующими друг с другом. Ключевой критерий их разграничения – форма деяния. Укрывательство совершается только в форме действия, тогда как несообщение возможно лишь в форме бездействия.

Таким образом, возможно вменение совокупности преступлений, предусмотренных нормами ст. 205.6 и 316 УК РФ, в случаях, когда виновный не сообщил об известном ему террористическом преступлении в правоохранительные органы, а также укрывл

данное преступление либо виновное в нем лицо» [5, с. 168]. Отметим, что квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205.6 УК РФ и ст. 316 УК РФ, возможна при условии несообщения и последующем укрывательстве об особо тяжких преступлениях, вместе с тем ряд преступлений, которые указаны в диспозиции ст. 205.6 УК РФ не являются особо тяжкими, а именно: ст. 205.2, ч. 1 ст. 211, ст. 220, ст. 221, ст. 360 УК РФ, что свидетельствует о том, что укрывательство этих преступлений не будет образовывать состава преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ.

Позиция о возможности квалификации переросшего несообщения о преступлении в укрывательство преступления подвергается критике, так В.А. Очередыко указывает, что «несообщение об особо тяжком преступлении из числа названных в ст. 205.6 УК РФ, завершившееся его укрывательством, подлежит квалификации только по ст. 316 УК РФ. По общему правилу, совокупность преступлений в данном случае отсутствует» [9], ссылаясь при этом на правило квалификации преступлений поглощения менее тяжкого более тяжким [4, с. 180–186]. Однако, представляется, что это правило применимо только для квалификации преступлений, имеющих общий непосредственный либо дополнительный объект преступления.

Исходя из того, что недоносительство о преступлении, в ныне действующей редакции УК РФ, сформулировано как преступление с формальным составом устанавливать психическое отношение к последствиям такого недонесения выходит за рамки уголовно-правовой квалификации и соответственно уголовно-правового значения не имеет.

Определяя субъективную сторону несообщения о преступлении, следует исходить из интеллектуального и волевого моментов, характеризующих отношение виновного лица к своему пассивному поведению.

В обязательном порядке лицо, виновное в несообщении о преступлении, должно быть достоверно осведомлено о том, что иное лицо (лица) готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, указанных в диспозиции ст. 205.6 УК РФ. Осведомленность о преступлении свидетельствует об осознании лицом обязанности сообщить в органы о готовящемся, совершаемом либо совершенном преступлении.

Воля характеризует его отношение к сообщению о преступлении, то есть лицо проявляет свою волю в пассивном поведении и воздержании от выполнения возложенных обязанностей по сообщению о факте преступления.

Цели и мотивы недонесения о преступлении могут быть различными, это может быть: страх и боязнь мести со стороны преступника; желание заработать авторитет в глазах преступника, тщедушие и малодушие, эгоизм и личный прагматизм и т.п.

Таким образом субъективная сторона несообщения о преступлении характеризуется прямым умыслом, хотя Г.И. Баймурзин, ещё в 1968 году, указывал о возможности характеристики недонесения о преступлении как с прямым, так и с косвенным умыслом [2, с. 126–127].

Раскрывая содержание недонесения о преступлении как форму, которая характеризует стечение нескольких лиц в преступлении, следует понимать, что недонесение о преступлении не имеет признаков соучастия в преступлении в отличие от попустительства в преступлении и укрывательства преступления, так как в соответствии со ст. 32 УК РФ заранее обещанное недонесение о преступлении не образует соучастия в преступлении. По этой причине дискуссии о том, что «... недонесение о готовящемся преступлении и заранее обещанное недонесение – это соучастие или прикосновенная деятельность и др., ...» [6], а также о том, что имеет ли существенное значение заранее обещанное и заранее не обещанное недонесение являются беспочвенными. Так как при заранее обещанном недоносительстве в отличие от заранее обещанного укрывательства отсутствует совместная деятельность и, следовательно, необходимые объективные признаки соучастия, заранее обещанное недонесение о преступлении является исключительно прикосновенностью к преступлению, и такого рода уголовно наказуемая прикосновенность к преступлению возникает только лишь при условии наличия соответствующей уголовно-правовой нормы, как это предусмотрено в ныне действующим УК РФ статьёй 205.6 УК РФ. Иными словами, недоносительство о преступлении не образует укрывательства преступления, выше по тексту мы отмечали, что недоносительство (несообщение), как заранее обещанное, так и не обещанное, это бездействие субъекта – то есть пассивное поведение лица, которому достоверно известно о преступлении, о лице (лицах), которое готовит, совершает или

совершило хотя бы одно из преступлений, указанных в диспозиции ст. 205.6 УК РФ. Также представляется, что заранее обещанное несообщение о преступлении не образует единства умысла недонесителя и исполнителя, а также иных соучастников. Недонесение о преступлении в отличие от укрывательства преступления возможно как до совершения преступления, так и после его совершения, в то время как заранее не обещанное укрывательство возможно только после совершения преступления, данное обещание об укрывательстве преступления до совершения преступления является соучастием в преступлении, а не прикосновенностью в преступлении, данное обещание укрыть до начала выполнения объективной стороны преступления приводит к невозможности говорить о прикосновенности к преступлению.

Положения данной публикации могут быть положены в основу дальнейшего научного анализа института прикосновенности к преступлению в целом и его субинститута недонесительства о преступлении.

*Игнатов Александр Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России*

*Торопов Сергей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России*

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА

В целях обеспечения национальной безопасности правоохранительные органы осуществляют деятельность (профилактические операции, оперативно-технические и оперативно-поисковые

мероприятия, расследование преступлений и пр.) направленную на предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности и террористического характера, прежде всего, международного и межрегионального уровня, а также имеющих большой общественный резонанс.

Терроризм и экстремизм тесно связаны с социальной напряженностью, с одной стороны существенно повышая ее уровень, с другой стороны, используя данный фактор для достижения своих преступных целей, а также в целях противодействия расследованию преступлений.

Социальная напряженность появляется с возникновением в обществе определенной ситуации, обостряется, усиливается, увеличивается вместе с ее развитием, пока не достигнет критического уровня, после чего, превысив определенный порог, приобретает взрывоопасный характер. При наличии соответствующих предпосылок, выступающих в роли социальных детонаторов, социальная напряженность критического уровня перерастает в социальный взрыв¹.

Таким образом, если детерминанты, которые привели к возникновению соответствующей кризисной ситуации, не устраняются, ситуация не исчерпывает себя или не меняется на другую, социальная напряженность приобретает деструктивные проявления. Чаще всего это происходит из-за агрессивного поведения членов (групп) социума, направленного на разрушение (устранение) реальных или мнимых препятствий на пути реализации заблокированных потребностей и целей. Наибольшая опасность деструктивности социальной напряженности заключается в трансформации девиантного, в том числе преступного, поведения людей в своеобразную социальную норму.

Криминальный элемент стремится использовать (умышленно создаваемую или фактически имеющуюся) социальную напряженность и общественный резонанс в целях интенсификации своей преступной деятельности и достижения преступных целей, а также в целях противодействия расследованию преступлений экстремистской направленности и террористического характера.

¹ Платонов Ю.В. Социальный конфликт на производстве // Социологические исследования. –1991. – № 11. – С. 20–25.

Неэффективность (недоступность) законных (легальных) средств и методов выражения населением протеста и влияния на социальные, экономические, политические и другие процессы в социуме, приводит к использованию незаконных, деструктивных и, как правило, насильственных средств и методов.

Таким образом, доступность и эффективность (что во многом зависит от позиции контрагента по их восприятию в качестве таковых) законных средств и методов протеста определяют готовность людей к выбору (переходу) незаконных средств и методов его выражения. Жесткое, радикальное ограничение возможности выражения населением социального протеста влечет за собой использование наиболее радикальных, крайних средств и методов его выражения.

В тоже время нельзя не учитывать, что сегодня экстремистская и террористическая деятельность поддерживается (организуется) и финансируется через различные «гуманитарные», «миссионерские» и «просветительские» религиозные, правозащитные, политические и иные организации, а учредителями и спонсорами таких организаций в большинстве случаев оказываются зарубежные «оппоненты» страны. Именно таким путем сегодня осуществляется пропагандистская деятельность экстремистского характера, насаждение идей шовинизма, национализма и сепаратизма, разжигание межэтнических и межконфессиональных конфликтов, создание предпосылок для массовых нарушений общественного порядка, вооруженных конфликтов и государственных переворотов¹.

Механизм развития ситуации социальной напряженности и ее переход в открытый конфликт включает в себя процесс оценки ситуации с позиции установления причинно-следственных связей, а также обнаружения и идентификации контрагентов (реальных или потенциальных) сложившегося состояния неудовлетворенности.

С целью провоцирования и доведения до критического порога уровня социальной напряженности, экстремисты и террористы реализуют разнообразные меры, направленные на возбуждение, тиражирование ненависти и вражды, а также иной стигматизации населения (индивидов, групп) на основании различных

¹ Игнатов А.Н. Современные угрозы криминологической безопасности Республики Крым / А.Н. Игнатов; Под общ. ред. С.А. Буткевича // Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 13 марта 2015 г. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2015. – С. 43–48.

признаков с целью его поляризации и «шельмования» неугодных и «неудобных».

Особенно необходимо учитывать, что в условиях «внешнего противостояния» такого рода деструктивная деятельность преимущественно имеет не ситуативный, спонтанный характер, а является, организованной, управляемой стимулируемой извне.

Устранение (минимизация) социальной напряженности как фактора экстремизма и терроризма возможно только при высоком уровне легитимности органов государственной власти, в том числе правоохранительных органов, и, соответственно, высокой степени доверия населения к ним. Низкий уровень легитимности власти, стимулируя создание и развитие оппозиционных идеологий, способствует росту социальной напряженности в обществе.

Одним из наиболее распространенных в последнее время способов дискредитации органов власти и политической системы управления в государстве в целом являются информационные атаки экстремистов и террористов, имеющие целью сеяние среди населения паники и неуверенности в состоятельности государства противостоять террористической угрозе, предотвратить террористические атаки, обеспечить целостность и суверенитет государства, а также безопасность населения¹.

Условия социальной напряженности, в том числе их умышленное использование криминальным элементом, являются одним из факторов возникновения кризисных ситуаций в деятельности правоохранительных органов по предупреждению и расследованию преступлений экстремистской направленности и террористического характера. Условия социальной напряженности усложняют работу по расследованию преступных фактов экстремистской направленности и террористического характера и создают необходимость корректировки стандартных алгоритмов расследования².

Понимание природы социального конфликта, мотивации его участников в контексте актуального социокультурного контину-

¹ Игнатов А.Н. Особенности производства отдельных следственных действий при расследовании преступлений экстремистской направленности и террористического характера в условиях социальной напряженности / А.Н. Игнатов, С.А. Торопов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 7(73). – № 3.

² Торопов С.А. Тактические особенности проведения обыска в условиях фактора социальной напряженности / С.А. Торопов, А.Н. Игнатов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 6. – С. 170–175.

ума, процесса его возникновения и развития, а также прочих особенностей возникновения и проявления социальной напряженности позволяет выработать эффективные меры по предупреждению и предотвращению проявлений экстремизма и терроризма, осуществлять правильную уголовно-правовую оценку фактически совершенных деяний и соблюдать принципы справедливости и неотвратимости наказания при реализации уголовно-правовых мер противодействия данным преступлениям¹, а также осуществлять расследование такого рода преступлений, вносить корректировки в типичные алгоритмы расследования для своевременного построения версий на первоначальном и последующем этапе расследования, оптимизации процесса планирования по делу, реализации следственных действий, тактических комбинаций и операций, в том числе в условиях противодействия заинтересованных лиц, использующих (создающих) условия социальной напряженности.

*Кашкаров Алексей Александрович,
доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права и криминологии,
Крымский филиал ФГКОУ ВО «КрУ МВД России»*

*Заброда Дмитрий Григорьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного права
и административной деятельности ОВД,
Крымский филиал ФГКОУ ВО «КрУ МВД России»*

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭФФЕКТИВНЫХ ПРАКТИК АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ЗА РУБЕЖОМ

Формирование правовых и организационных основ совершенствования механизма противодействия коррупции в Российской Федерации предусматривает изучения и оценку позитивного

¹ Игнатов А.Н. Уголовно-правовые меры противодействия преступлениям экстремистской направленности и террористического характера в условиях социальной напряженности / А.Н. Игнатов, С.А. Торопов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 5. – С. 188–195.

зарубежного опыта формирования системы антикоррупционного образования и просвещения с целью определения возможности его внедрения в отечественное законодательство и практику.

По нашему мнению, использование зарубежного опыта в этой области позволит сократить временные и ресурсные затраты на поиск оптимальной модели антикоррупционного образования, обогатит отечественную теорию и практику действенными антикоррупционными технологиями, расширит возможности воздействия на граждан с различным типом мировоззрения, в том числе и иностранных.

В ходе проведения нами комплексного исследования зарубежных практик антикоррупционного просвещения, нами обращено внимание на то, что в большинстве государств с низким уровнем коррумпированности:

- оказывается активное воздействие на правосознания граждан с целью формирования у них нетерпимости к этому негативному явлению, при этом предпочтение отдается применению нестандартных форм и методов профилактики коррупции, вовлечению широких слоев общественности в просветительскую деятельность;

- создаются условия для признания коррупционного поведения общественно и коммерчески не выгодным;

- используется влияния религии на общество путём усиления воздействия на правосознание граждан за счет признания коррупции «злом», «аморальностью», «грехом»;

- повсеместно задействуются возможности телевидения и радио, средств массовой информации, в том числе и электронных, как для сообщения правоохранительным органам о фактах коррупции, изобличения коррупционеров, так и информирования о мерах по её искоренению, проведению антикоррупционной агитации и пропаганды, а также обучения;

- обеспечивается материальное и другое преференционное стимулирование антикоррупционных образовательных и просветительских инициатив¹.

¹ Заброда Д.Г. Особенности международного и зарубежного нормативного регулирования антикоррупционного просвещения и формирования антикоррупционного стандарта поведения граждан / Д.Г. Заброда, А.А. Кашкаров // Общество и право. – 2020. – № 1(71). – С. 13–19.

В тоже время, национальные системы антикоррупционного образования в различных государствах имеют свои отличия, обусловленные спецификой нормативно-правового регулирования противодействия коррупции, особенностями населения и сложившимися образовательными традициями.

Например, в ряде стран учитывается потребность в раннем антикоррупционном просвещении детей и молодежи (Австралия, Болгария, Дания, Китай). Так, в Дании в 2012–2013 гг. был реализован образовательный проект, целью которого было формирование антикоррупционных установок у обучающихся старших классов и молодежи. Основным средством формирования соответствующих знаний стало внедрение специализированных модулей в школьные учебные планы.

С учетом большого числа сельских территорий, в Австралии практикуется проведение выездных «антикоррупционных» образовательных проектов в сельских и отдаленных населённых пунктах.

В Китае внедрена интерактивно-образовательная платформа, ориентированная на младших школьников (г. Макао), на ее основе ведется просветительская работа школы по антикоррупционному образованию; акцентируется внимание у молодых предпринимателей на принципах честного и прозрачного ведения бизнеса, возможности его развития без коррупционной составляющей.

Еще одним антикоррупционным инструментом является широкое использование современных телекоммуникационных технологий для расширения образовательной аудитории, в том числе и среди молодежи, наиболее активно использующей мобильные технологии.

В частности, приобрели широкое распространение онлайн-ресурсы с помощью которых создаются условия для: распространения антикоррупционных знаний; оперативного получения ответов на возможные вопросы (дилеммы), связанные с возникновением той или иной коррупционной ситуации; тестирования уровня знаний законодательства о противодействии коррупции, правах и обязанностях граждан в этой сфере; проведения самообследования и обследования других организаций на предмет добропорядочности; дискуссионных антикоррупционных платформ для общест-

венного обсуждения этой проблематики и др. (Болгария, Китай, Нидерланды, Швеция).

Наблюдается так же и широкое применение агитационных средств с привлечением масс-медиа. Это касается: выпуск в эфир телепрограмм, посвященных антикоррупционной тематике, в том числе и регулярному освещению результатов борьбы с коррупцией, хода заседаний судов и операций по задержанию коррупционеров (Гонконг, Китай, Мексика, Корейская Республика); создания рекламных роликов и их демонстрации в кинотеатрах перед просмотром кинофильмов или в телеэфире в прайм-тайм (Мексика); трансляции радиопрограмм, разъясняющих важность борьбы с коррупцией и необходимости обеспечения добросовестности, интервью с должностными лицами, антикоррупционными новостями (Гонконг, Корейская Республика, Малайзия, Филиппины); публикации материалов печатных и электронных СМИ (книг, брошюр), распространения рекламной продукции антикоррупционного содержания (в том числе, в публичных местах) (Корейская Республика, Филиппины, Сингапур, Гонконг, США, Великобритания и др.).

В странах, где значительную роль в формировании общественного сознания играет религия, используются её возможности и для антикоррупционного просвещения (Индонезия, Китай, Швеция)¹. В Китае используется, разработанный Ху Цзиньтао (видный китайский государственный деятель) моральный кодекс «Восьми славных и восьми позорных дел», которому должны следовать все граждане КНР, положения которого отражают основные религиозные постулаты и признанные обществом конфуцианские добродетели².

Интересным может быть и опыт Малайзии, в которой создана Академия борьбы с коррупцией, в рамках которой функционирует специальный центр развития корпоративной добросовестности,

¹ Кичева И.В. Антикоррупционное воспитание: мировой опыт и российская практика / И.В. Кичева, Л.О. Бродзели. – 2016. – № 12(23). – URL : //europeanresearch. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupsionnoe-vospitanie-mirovoy-opyt-i-rossiyskaya-praktika> (дата обращения 22.08.2020).

² Переломов Л.С. Конфуцианство в политической культуре стран Дальневосточного региона / Л.С. Переломов; Отв. ред. Б.Г. Доронин // Культурное наследие в современной политической и социальной практике стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Сборник статей. – СПб. : СПбГУ, Восточный ф-т; Изд-во РХГА, 2011. – С. 5–30.

отвечающий за разработку и внедрение учебного модуля – «Курс для сертифицированных уполномоченных сотрудников по добросовестности»¹.

Рассмотренные нами примеры зарубежного опыта антикоррупционного просвещения свидетельствуют о возможности их использования в Российской Федерации. В частности, это касается создания обучающих программ, учитывающих особенности различных категорий граждан России (возраст, социальную принадлежность, вовлеченность в интернет-пространство, религиозность), активизацию участия институтов гражданского общества в антикоррупционном образовании, в первую очередь, среди молодежи, привлечение средств наглядности и агитации для доведения информации антикоррупционного содержания до большего числа граждан.

*Буткевич Сергей Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России
(по учебной и научной работе),
заслуженный юрист Республики Крым*

СИСТЕМА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА: СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ РЕШЕНИЯ

В современных условиях разработка и внедрение инноваций в правоохранительную сферу становится необходимым элементом в области обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности, а также нивелирования причин диссеминации негативных тенденций в социуме и государстве. Именно поэтому руководство страны, осознавая необходимость перманентной модернизации деятельности правоохранительных органов, должно

¹ Бутков А.В. Зарубежный опыт повышения уровня антикоррупционного правосознания граждан // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 1(33). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-povysheniya-urovnya-antikorrupsionnogo-pravosoznaniya-grazhdan> (дата обращения 22.08.2020).

уделять особое внимание дальнейшему совершенствованию системы предупреждения преступлений, созданию необходимых условий для ее совершенствования на муниципальном, региональном и федеральном уровнях.

Масштабность и диверсификация террористической деятельности и неразборчивость в выборе приемов и способов ее осуществления в России и за рубежом наглядно подтверждают, что системы предупреждения преступлений террористического характера не в полной мере отвечают существующим вызовам и модифицирующимся угрозам. Несмотря на бытующие мнения о катагенезе терроризма (функционирование автономных и создание «спящих» террористических ячеек, использование взрывчатых устройств и БПЛА кустарного типа либо автотранспортных средств для совершения терактов, самообучение террористов-одиночек), говорить о примитивизации форм и методов осуществления террористической деятельности во всех их проявлениях и, соответственно, редукции системы криминологической превенции пока не приходится. Скорее, речь идет о гибридизации современных проявлений терроризма [1].

Полагаем, что одними из приоритетных направлений в этой сфере могут стать создание межведомственного банка данных и функционирование системы антитеррористического мониторинга. Основная их цель – заблаговременное выявление существующих и предвидение возможных терророгенных факторов с целью анализа, систематизации и определения конкретных путей их устранения. Такой мониторинг может осуществляться, например, для:

1) детерминации текущего состояния криминологической ситуации в государстве, отдельных регионах и тенденций ее развития (включая оптимистичный и пессимистичный прогнозы [2]);

2) анамнеза, диагностики и раннего прогнозирования (как утопический вариант – антиципации) террористических угроз на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, оценки рисков и последствий деструктивных процессов в обществе в этой области;

3) анализа эффективности реализации государственной и региональной политики в сфере противодействия терроризму, разработки предложений по ее усовершенствованию.

По нашему убеждению, первым вопросом на повестке дня правоохранителей должно стоять предупреждение кибертерроризма.

Это связано с тем, что бурное развитие информационных технологий привнесло метаморфозы во все без исключения сферы жизнедеятельности человека, общества и государства. Безусловно, открытое и общедоступное информационное пространство значительно расширило возможности для реализации прав, свобод и интересов граждан, создало глобальный интерактивный рынок идей, открытий, изобретений и новшеств. Вместе с тем преимущества эволюции киберпространства и интернет-площадок обусловили возникновение новых масштабных угроз и вызовов национальной и международной безопасности (кибер-инциденты и масштабные DDoS-атаки на электронные коммуникации и государственные электронные информационные ресурсы; пропаганда самоубийств в подростковой среде; вербовки неопитов в социальных сетях и на интернет (веб)-форумах благодаря распространению радикальной и деструктивной идеологии; незаконная обработка и распространение персональных данных; кибершпионаж; незаконные финансовые операции, хищения, мошенничество в сети Интернет и т.д. [3; 4]). Вследствие этой дилеммы, преступность активно использует достижения цифрового мира, постепенно переходя в виртуальное измерение и превращаясь в транснациональную, на порядок усиливая реальный и потенциальный вред от своей деятельности для прав и свобод граждан, интересов общества и государства.

Иными словами, нельзя оставлять без внимания тренды в виртуализации профессиональной преступности и омоложении причастных и вовлекаемых в нее лиц, в первую очередь в области террористической деятельности. Безусловно, с учетом гиперпопулярности социальных сетей, мессенджеров, гаджетов и приложений для них вопрос их использования системой предупреждения преступлений требует дальнейшего изучения криминологической наукой. Однако в отечественной и зарубежной антитеррористической практиках все большее распространение получает временное приостановление оказания услуг связи или ограничение использования сетей и средств связи (включая блокировку социальных сетей). Следовательно, исключается возможность своевременного информирования населения о террористических угрозах таким способом и обратной связи граждан с экстренными службами, своими родными и близкими. Поэтому грань между обеспечением антитеррористической безопасности, с одной стороны, и спокойствием близких и родных лиц, находящихся в зоне проведения

контртеррористических мероприятий, с другой, очень тонкая. И приоритетность первого, на наш взгляд, очевидна.

В то же время с учетом участвовавших случаев совершения террористических актов на критически важных объектах и потенциально опасных объектах инфраструктуры уверены в необходимости смещения акцентов именно на превентивные меры и в физическом мире. Прежде всего, речь идет о несовершенстве личного досмотра и досмотра багажа, даже с учетом высокой концентрации современных технологий у сотрудников правоохранительных органов. В качестве направлений дальнейшего инновационного развития в этой области, например, в некоторых аэропортах России уже устанавливаются новые сканеры, используемые для бесконтактного досмотра. Уверены, что использование таких инновационных технологий не только существенно снизит время досмотра и упростит работу правоохранителей, но и сможет значительно повысить эффективность системы предупреждения преступлений на таких объектах.

Считаем, что совершенствованию антитеррористической деятельности правоохранительных органов и воинских формирований должны сопутствовать не только совершенствование механизмов ведомственного взаимодействия и выставочно-демонстрационные мероприятия в целях широкомасштабного показа высокотехнологических, инновационных разработок и готовых решений [5; 6], но и ее одобрение и поддержка населением. Вместе с тем требуются конструктивный диалог, устойчивая обратная связь с бизнесом, образовательными учреждениями, религиозными организациями и массмедиа. При этом институты гражданского общества уже не остаются в стороне от нововведений. В качестве иллюстраций можно привести инициативы по созданию в регионах кибердружин, народных антитеррористических комитетов и т.д. Предложенные новшества, конечно же, интересные, но их реализация должна осуществляться исключительно с помощью юридического инструментария и в тесном взаимодействии с органами правопорядка.

Убеждены, что разработка и внедрение инноваций в исследуемой сфере – залог развития системы предупреждения преступлений террористического характера, инструмент, который должен быть высокоточным и эффективным оружием в противодействии

любым проявлениям терроризма и его гибридным модусам. Вместе с тем инновационное развитие данной системы должно основываться на принципах: верховенства права и законности; приоритетности превентивных мер; пропорциональности и адекватности инновационных разработок явным и скрытым угрозам; прерогативы развития и поддержки национального научно-технического и производственного потенциала; обеспечения межведомственного взаимодействия и международного сотрудничества.

Таким образом, дальнейшее усовершенствование системы предупреждения терроризма должно осуществляться комплексно, планомерно, рационально, последовательно, системно, наступательно и мотивированно, с учетом мониторинга реальных и потенциальных вызовов коллективной, национальной и региональной безопасности, составления криминологического портрета террористов, детального анализа тактики и методики подготовки и совершения террористических актов в России и зарубежных странах.

*Поштарук Дмитрий Алексеевич,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России
по работе с личным составом*

ПОПУСТИТЕЛЬСТВО В ПРЕСТУПЛЕНИИ, КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Стечение нескольких лиц в одном преступлении представляет определённые трудности для применения уголовно-правовых норм и как следствие затрудняет квалификацию общественно опасных деяний, совершение преступления несколькими лицами может выступать как соучастием в преступлении, так и прикосновенностью к преступлению.

Как отмечают современные исследователи, институт соучастия в преступлении и институт прикосновенности к преступлению достаточно долго в национальной доктрине уголовного права

развивались параллельно¹, однако в 90-е годы XX столетия, под влиянием различного рода либеральных идей, значимость института прикосновенности к преступлению, как одного из уголовно-правовых институтов обладающего уголовно-правовой превенцией была значительным образом нивелирована, также отметим, что некоторые исследователи вообще отрицают возможность существования указанного уголовно-правового института².

Традиционно к уголовно-правовому институту прикосновенности к преступлению относят попустительство в преступлении, недонесение о преступлении и укрывательство преступления. Однако в некоторых исследованиях авторы попустительство преступлению не относят к прикосновенности к преступлению, вследствие недостаточно четкого теоретического отграничения прикосновенности к преступлению от соучастия в преступлении³, также отметим, что руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. 1919 года попустительство относили к институту соучастия в преступлении⁴. Кроме того, в литературе отмечалось, что попустительство не имеет уголовно-правовую природу, что как следствие сказывается на разрешении уголовных дел, связанных с общественно опасными проявлениями попустительства преступлениям и иным противоправным деяниям⁵. Вышеизложенное свидетельствует о необходимости, актуальности и своевременности рассмотрения вопросов попустительства в преступлении.

Попустительство, в отличие от иных форм прикосновенности к преступлению, а именно укрывательство преступления и недонесение о преступлении, регламентировано в законе об уголовной ответственности менее четко. Следует согласиться с мнением

¹ Кустова Н.К. Институт прикосновенности к преступлению в законодательстве зарубежных государств // SciencesofEurope. – 2017. – № 14-3(14). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-prikosnovennosti-k-prestupleniyu-v-zakonodatelstve-zarubezhnyh-gosudarstv> (дата обращения 27.02.2020).

² Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М. : БЕК, 1996. – 560 с.

³ Васильев А.А. Уголовно-правовая характеристика прикосновенности к преступлению : автореф. дис. ... кан. юрид. наук. – Екатеринбург, 2009. – 29 с.

⁴ Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4859#08739920624870341> (дата обращения 27.02.2020).

⁵ Виттенберг Г.Б. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву : учебное пособие / Г.Б. Виттенберг, П.Н. Панченко; Отв. ред. Г.С. Гаверов; Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова. – Иркутск, 1976. – 52 с; С. 11.

М.А. Дворжицкой, которая указывает, что «о попустительстве как о самостоятельном составе в УК РФ не упоминается»¹, однако с небольшой оговоркой, что действующая редакция ст. 290 УК РФ предусматривает, что получение взятки может способствовать попустительству по службе либо в интересах взяткодателя, либо в интересах третьих лиц. Отметим, что попустительство, закреплённое в диспозиции ст. 290 УК РФ, является достаточно широкой характеристикой попустительства. Нам представляется, что попустительство по службе, которое закреплено в диспозиции ст. 290 УК РФ, в зависимости от объективных и субъективных характеристик деяния, может быть отнесено к соучастию в преступлении, к прикосновенности к преступлению, а также к противоправным действиям, которые вообще не связаны с совместной преступной деятельностью. В качестве примера попустительства по службе, которое не связано с преступной деятельностью можно привести следующее, должностное лицо органа публичной власти не составляет протокол об административном правонарушении, укрывает от регистрации факт нарушения административно-деликтного законодательства. В данном случае должностное лицо органа публичной власти попустительствует в нарушении административного законодательства, тем самым вводит себя в преступное состояние попустительства.

Если вести речь о попустительстве в преступлении, то следует отчасти согласиться с мнением Б.Т. Разгильдиева, который ещё в 1981 году отмечал, что «лицо попустительствует совершающемуся преступлению, то в этих случаях оно всегда причиняет ущерб объекту основного преступления»² Однако, нам представляется, что для характеристики попустительства в преступлении не целесообразно использовать формулировку «основное преступление», мы полагаем, что в случае попустительства следует говорить о попущенном преступлении. Такого рода тезис позволяет объяснить возникновение и существование (наличие) определённого рода генетической взаимосвязи между действиями

¹ Дворжицкая М.А. Теоретические и практические аспекты прикосновенности к преступлению // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 10. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty-prikosnovennosti-k-prestupleniyu> (дата обращения 27.02.2020).

² Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению / Б.Т. Разгильдиев; Под ред. Горшенев А.П. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1981. – 111 с.

попустителя в преступлении и действиями субъекта попустимого преступления. Таким образом, мы можем видеть, что взаимосвязь попустительства преступлению с попущенным преступлением намного выше, чем укрывательства преступления и недонесения о преступлении. Попустительство создаёт реальные условия, определенные предпосылки для совершения попущенного преступления. Однако, следует помнить, что попустительство, как преступление, может сопровождаться попустительством в противоправном поведении попустимого, которое не образует состава преступления, в таком случае отсутствует вред находящимся под уголовно-правовой охраной общественным отношениям.

Продолжая анализ причиняемого попустительством вреда следует отметить, что действия попустителя всегда причиняют вред авторитету органов публичной власти (преступления, предусмотренные ст. 285, 286, 290, 293 УК РФ) либо авторитету органам управления коммерческих структур (ст. 201, 204 УК РФ), это обусловлено тем, что попустительство в преступлении, так и иной противоправной деятельности может быть совершено только лишь специальным субъектом преступления.

Следует отметить, что в литературе бытует мнение о том, что попустительство в преступлении возможно также и в случае оставления в опасности, неоказании помощи, нарушении военнослужащими специальных правил воинской службы [5, с. 25], однако такого рода составы преступлений не образуют прикосновенности к преступлению, так как деяния, указанные в диспозициях ст. 124, 125, 340–344 УК РФ находятся в прямой и непосредственной взаимосвязи с общественно опасными последствиями, которые предусмотрены данными составами преступлений, кроме того попустительствовать самому себе, с точки зрения логики невозможно. Пояснить такого рода позицию следует тем, что обязательным признаком попустительства, как прикосновенности к преступлению, так и соучастия в преступлении является стечение в одном преступлении нескольких лиц.

Продолжая характеризовать общественную опасность попустительства в преступлении, следует отметить, что анализируемое общественно опасное деяние кроме всего приводит к правовому нигилизму, росту вседозволенности, активизации организованных форм преступности, утрате веры в силу закона и правового государства.

Изучение внешнего проявления попустительства преступлению свидетельствует, что оно выражается в воздержании от активных действий лицом, осведомленным о факте планируемого, совершаемого либо совершенного преступления лицом, на которое возложена обязанность действовать, в случае получения информации, о факте планируемого либо совершенного преступления. Попустительство в преступлении – это пассивное поведение специально уполномоченного лица, наделенного обязанностью действовать при установлении факт совершения преступления или иного противоправного деяния.

Попустительство в преступлении может выражаться в предоставлении покровительства иного протекционизма, предоставлении различного рода преференций, не регистрации фактов совершения преступлений либо правонарушений, оставление без рассмотрения заявлений о преступлении, обращений физических и/или юридических лиц о фактах совершения преступлений. Попустительство в преступлении может быть единичным поведенческим актом, но чаще попустительство в преступлении представляет совокупность тождественных деяний. В качестве примера можно привести факты не реагирования со стороны участкового уполномоченного полиции на заявления о семейном насилии, которое в последствии привело к смерти потерпевшей¹.

Момент окончания попустительства в преступлении в зависимости от характеристики объективной стороны попустительства в преступлении может выражаться как самим фактом не воспрепятствования со стороны должностного лица органа публичной власти, как например, при получении взятки (ст. 290 УК РФ), так и фактом наступления общественно опасных последствий, как это предусмотрено, например, ст. 285 УК РФ. Вред при попустительстве в преступлении может быть как моральным, так и материальным, так и физическим. Он может выражаться в виде: смерти человека, упущенной выгоды, утраты имущества, нарушении конституционных прав, свобод и законных интересов.

В томе шестом учебника «Курс советского уголовного права» профессор В.Ф. Кириченко отмечал, что попустительство

¹ Следствие довели. Бездействие полицейского привело к гибели молодой женщины
URL : https://news.rambler.ru/crime/41949703/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 05.03.2020).

в преступлении – это специальный вид умышленного бездействия должностного лица¹. Представляется, что данная позиция подходит только лишь для характеристики умышленных видов попустительства преступления, без учета неумышленного попустительства в совершении преступлений должностным лицом органа публичной власти, например, при халатности. Кроме этого, материальные составы попустительства в преступлении могут характеризоваться и «смешанной», «двойной» формой вины, однако в соответствии со ст. 27 УК РФ они признаются умышленными преступлениями.

В случае, если не воспрепятствование осуществлённое корыстной либо иной личной заинтересованностью, действия образуют злоупотребление должностным положением, а если сопряжено с получением взятки, то действия попустителя образуют получение взятки.

Цель и мотив попустительства в преступлении могут быть различными, за исключением попустительства, сопряженного со злоупотреблением должностным положением и получением взятки. Отмечается, что как правило, она выражается в желании попустителя избежать действительных или мнимых неприятностей, затруднений, опасности, возможность чего связывается виновным с воспрепятствованием преступлению [5, с. 34].

Исходя из вышеизложенного, представляется, что субъектом попустительства в преступлении, в отличие от недонесения о преступлении и укрывательства преступления, выступает лицо, на которое служебным регламентом (должностной инструкцией) возложены обязанности по пресечению, предупреждению, регистрированию, документированию, расследованию фактов совершения преступлений либо иных противоправных действий иными лицами.

В качестве вывода можно отметить, что попустительство – соучастие в преступлении – это всегда умышленная и осознанная деятельность, в то время как попустительство – прикосновенность к преступлению – это может быть как умышленная, так и

¹ Курс советского уголовного права: Преступления против государственного аппарата и общественного порядка. Военские преступления : в 6-ти томах: Часть особенная / А.Н. Игнатов, В.Ф. Кириченко, Ш.С. Рашковская, Н.А. Стручков и [др.]. – М. : Наука, 1971. – Т. 6. – 560 с.

неосторожная деятельность попустителя, кроме того уголовно наказуемое попустительство возможно и в противоправной деятельности, которая не признаётся преступлением, однако причиняет вред, либо ущерб общественным отношениям, находящимся под уголовно-правовой охраной. Указанная характеристика свидетельствует, что попустительство в преступлении является наиболее сложной формой прикосновенности к преступлению, в отличие от недонесения о преступлении либо укрывательстве преступления.

Также полагаем, что положения данной публикации могут быть использованы в дальнейшем научном исследовании институтов соучастия в преступлении и прикосновенности к преступлению, некоторые из положений статьи могут заложить основу научной дискуссии.

*Заброда Дмитрий Григорьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного права
и административной деятельности ОВД,
Крымский филиал ФГКОУ ВО «КрУ МВД России»*

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ»

Обеспечение структурных изменений в экономике страны и реализация задач по вхождению России в группу государств с высокими темпами прироста валового внутреннего продукта, требуют оптимизации правового механизма противодействия коррупции.

Потребность в совершенствовании системы противодействия коррупции в Российской Федерации обусловлена её существенным негативным влиянием на развитие внутренних и внешних экономических процессов, эффективность расходования государственных бюджетных средств, вовлечения инвестиций в развитие отечественной экономики и др.

В частности, выступая на коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 17 марта 2020 г. В. Путин в очередной раз

отметил актуальность и крайнюю значимость противодействия коррупции для обеспечения сохранности и эффективного использования ресурсов, выделяемых на решение общенациональных задач и достижение общенациональных целей развития России¹.

Среди актуальных вопросов в области противодействия коррупции нами предлагается выделять и проблематику выявления и оказания воздействия на поведение лиц, являющихся потенциальными участниками «коррупционных» отношений путем применения средств правового стимулирования².

Целью этих средств является выявление подлинных мотивов поведения личности, а также поиск наиболее действенных средств усиления мотивации и непосредственно стимулирования общественно полезного, активного и законопослушного антикоррупционного поведения субъектов права, и подавления, сдерживания, ограничения – социально вредного, запрещенного, противоправного коррупционного поведения.

Несмотря на довольно частое использование в юридической лексике термина «антикоррупционное поведение», в научной литературе он не имеет однозначного определения и толкования. Зачастую его рассматривают через признаки других понятий «коррупционное поведение», «коррумпирующее поведение», «антикоррупционная устойчивость», либо путем описания различных наборов этических стандартов, правил и норм поведения государственных и муниципальных служащих.

В данной статье предлагается сформулировать и раскрыть понятие «антикоррупционное поведение» наиболее часто используемых аспектах (психологическом, педагогическом и юридическом).

Так, под антикоррупционным поведением в психологическом смысле понимают набор поведенческих реакций, направленных на чёткое соблюдение законности и неприятие коррупции во всех ее многочисленных проявлениях [3, с. 14–17; 4, с. 120; 5, с. 71–74].

О.В. Ванновская предполагает, что «...основной детерминантой формирования антикоррупционного поведения, по данным

¹ Путин В. призвал бороться коррупцией на всех направлениях. 17.03.2020. – URL : <https://ria.ru/20200317/1568724491.html>

² Заброда Д.Г. Антикоррупционное стимулирование: теория, правовая основа и процессуальное обеспечение : учебное пособие. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2019. – 120 с.

исследований психологов, может считаться такое личностное образование, как антикоррупционная устойчивость, сущность которой – системное качество личности, проявляющееся в способности противостоять коррупционному давлению и осуществлять выбор между криминальным и законопослушным поведением в пользу последнего». При этом коррупционное давление, по ее мнению, – это «...совокупность социальных и психологических факторов воздействия на должностное лицо, приводящих к ситуации выбора между злоупотреблением властными полномочиями для получения личной выгоды или отказу от него» [6].

Структура антикоррупционной устойчивости следующая: общая стрессоустойчивость к конкретным эпизодам коррупционного давления; сбалансированный профиль характера, зрелые, позитивные стратегии совладания; этически ориентированное мировоззрение, смыслы, ценности личности; профессиональная, гражданская позиция специалиста, руководителя, чувство собственного достоинства, понимание задачи конкретной деятельности и способов ее реализации; высокий уровень развития социальных, профессиональных, аутопсихологических компетенций [7, с. 219].

Также необходимо обратить внимание и на готовность личности к противодействию коррупции как части антикоррупционного опыта.

В одном из изданий готовность противодействовать коррупции определена как «...осознанное совершение нравственного выбора стратегии и тактики поведения и признание готовности нести за него ответственность в условиях коррупционной ситуации» [8].

В педагогике выделяют такие компоненты готовности противодействовать коррупции: мотивационно-ценностный – наличие личностного смысла, мотивов в противостоянии и противодействии коррупции; когнитивный – знание о причинах коррупционного поведения, о способах противостояния и противодействия коррупции в правовом поле; практический – подготовленность к деятельности по противодействию коррупции; рефлексивный – проявление осознания нравственной основы выбора отношения, стратегии и тактики поведения как в условиях воображаемой, так и реальной коррупционной ситуации; осознание себя ответственным за процесс и результат участия в ситуации проявления коррупции [9].

С юридической точки зрения, антикоррупционное поведение необходимо рассматривать как вид правомерного поведения,

выделяя его общие и специальные признаки, отражающие суть рассматриваемой нами категории [10; 11, с.181; 12].

В отдельных работах они определяются как: предотвращение и преодоление коррупционно-опасных ситуаций; поведение людей (должностных лиц, государственных служащих, граждан), препятствующее формированию коррупциогенных факторов и коррупционной деятельности [13; 14].

Необходимо отметить, что этот термин используется и в антикоррупционном законодательстве. Например, в Указе Президента РФ от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» среди мер по предупреждению коррупции называются и «...повышение эффективности просветительских, образовательных и иных мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного поведения (курсив наш) государственных и муниципальных служащих...» [15]; в законе Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V ЗРК «О государственной службе Республики Казахстан» ст. 52 носит название «Антикоррупционное поведение государственных служащих» [16].

Анализ научных публикаций, текстов нормативных правовых актов, позволяет выделить следующие признаки антикоррупционного поведения: соответствие правовым предписаниям и осуществление в установленных основным антикоррупционным законом рамках; опосредованность реализацией правовых норм, субъективных прав и обязанностей; социально-полезный характер (осуществление в интересах государства, общества или личности); осознанность; высокая степень социальной активности (систематическое выполнение возложенных на соответствующих лиц обязанностей, не уклонение от реализации предоставленных прав, дисциплинированность, понимание и принятие возможных негативных последствий нарушений закона, самостоятельность и настойчивость в поиске средств противодействия коррупционным рискам); возможность позитивного стимулирования как результата активного поведения, и негативного - как реакции на нарушение антикоррупционных правил.

Учитывая изложенное, предлагается следующая дефиниция «антикоррупционного поведения» – это систематическое, осознанное и целенаправленное, преимущественно активное, социально

полезное поведение, соответствующее нормам права, реализуемое в форме исполнения обязанностей, использования прав и соблюдения правовых запретов и ограничений, предусмотренных законодательством и иными нормативными актами о противодействии коррупции.

*Евтушенко Инна Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России
г. Симферополь*

СИСТЕМА ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА

К сожалению, действующая система правовых норм как уголовного, административного, так и гражданского, финансового права, а также практика их применения, не обеспечивают безопасность граждан, которые массово становятся жертвами мошенников.

По данным Прокуратуры Республики Крым, количество зарегистрированных мошеннических действий возросло почти в четыре раза за последние пять лет. Среди всех разновидностей мошенничества наиболее часто встречающимися на практике стали мошенничества с электронными средствами платежа, в кредитной сфере и при получении выплат, но самым распространенным по-прежнему является общий состав мошенничества.

Приведенные данные официальной статистики свидетельствуют о лавинообразном росте как фактов совершения мошеннических действий, так и лиц, потерпевших от них. При этом изменение редакции ст. 159.3 УК РФ с «Мошенничество с пластиковыми картами» на «Мошенничество с электронными средствами платежа» привело к беспрецедентному росту такого вида мошенничеств, при одновременном увеличении почти в два раза фактов мошенничества по основному составу ст. 159 УК РФ.

По данным Центробанка России, риски стать жертвой мошенничества существует не столько из-за технической или программной уязвимости, а больше именно из-за неосторожности, финансовой, правовой и кибер-безграмотности граждан.

На первое место вышли методы психологического воздействия, социальной инженерии. «По данным компаний, специализирующихся на цифровой безопасности, до 80 % таких преступлений совершается именно с помощью социальной инженерии, а не использования пробелов в защищенности гаджетов»¹.

Нами было проведено изучение статистических данных о потерпевших, имевшихся в распоряжении МВД России по РК, а также конкретно-виктимологическое исследование. Статистические данные изучались как по годам, начиная с 2014 года и заканчивая 2018 годом, так по статьям и частям статей. Такой подход позволил проследить динамику с одной стороны, и выявить характерные особенности личности потерпевшего от отдельных разновидностей мошенничества, с другой стороны. Анализ проводился по следующим показателям: пол, возраст, социальное положение, гражданство, сумма материального ущерба, место совершения преступления, поведение самого потерпевшего².

Таким образом, профилактическая работа должна строиться с учетом полученных данных среди самых виктимных групп населения.

Эффективность предупреждения мошенничеств как специфического вида преступлений зависит от многих факторов.

Традиционно система предупредительного (профилактического) воздействия проводится по трем направлениям (уровням воздействия или объектам воздействия):

- общем;
- специальном;
- индивидуальном.

¹ Каледина А. «Ну и гаджеты: россияне стали самой легкой добычей для кибермошенников». – URL : https://iz.ru/897320/anna-kaledina/nu-i-gadzhety-rossiiane-stali-samoi-legkoi-dobychei-dlia-kibermoshennikov?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 20.08.2019).

² См. также: Евтушенко И.И. Виктимологические особенности потерпевших от мошеннических действий (по материалам Республики Крым) Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2018. – Т. 4(70). – № 4. – С. 193–199.

Особая роль отводится такой профилактической мере как повышение уровня финансовой грамотности населения как среди молодежи, так и среди пенсионеров – государством финансируются обучающие программы, курсы и информирование через средства массовой информации.

Специальная профилактика направлена на устранение непосредственных виктимогенных факторов.

В частности, на законодательном уровне были реализованы такие специальные меры профилактики как запрет негосударственных лотерей, обмена валюты в пунктах обмена или «с рук», запрет азартных игр вне игорных зон. Поэтому такие характерные виды мошенничества 90-х – 2000-х годов как «лохотрон», «катание», «меняло» практически ушли в небытие.

Однако, как показывает анализ подаваемых заявлений, на сегодняшний день в лидеры вышли такие виды мошенничества как «дистанционное лечение или снятие порчи», «дистанционное мошенничество с помощью телефона», Интернет-мошенничество, мошенничество с ОСАГО, предпринимательское мошенничество.

Недостатки государственного контроля в этих сферах и привели к росту таких видов мошенничеств, а значит на законодательном уровне требуется:

- запрет рекламы всевозможных оккультных услуг и целителей, экстрасенсов, телепередач подобного рода;
- техническая блокировка сайтов-двойников, расширение применения программных средств предупреждения преступлений;
- использование автоматической блокировки сомнительных переводов денежных средств с банковского счета кредитными организациями;
- повсеместное введение биометрической верификации всех транзакций денежных средств с помощью мобильных приложений и дистанционных платежных систем;
- расширение доступа правоохранительных органов к базам данных Интернет-провайдеров и операторов сотовой связи в целях оперативного выявления IP-адресов мошенников и места нахождения сотовых номеров, с помощью которых осуществлено мошенничество;
- информирование граждан в общественных местах с помощью радиопередач и видеосюжетов, по месту жительства – с

помощью листовок, а социальных сетях – с помощью распространения «социальной рекламы»;

- программное блокирование взломов аккаунтов в социальных сетях и спам-рассылки с просьбами перечисления денег;

- блокирование функции перевода денег через социальные сети, через сайты с объявлениями о купле-продаже имущества, или создание механизма задержки денежных средств на промежуточном счете финансовой организации-партнера;

- персонализация электронных кошельков и других электронных средств платежа;

- создание специализированного подразделения полиции, включающего в себя оперативных сотрудников, следователей и сотрудников административной практики, сотрудников подразделения «К» по немедленному реагированию по заявлениям граждан, в том числе если сумма причиненного или возможного ущерба менее 2500 рублей.

Положителен опыт совместной профилактической деятельности МВД по Республике Крым и курсантов КФ КрУ МВД России: в марте 2019 года личный состав 5 курса совместно с практическими работниками полиции раздавали в общественных местах листовки с описанием самых распространенных способов мошеннического обмана населения с конкретными рекомендациями как поступать в данном случае. Такие листовки размещались на остановках, подъездах жилых домов, информационных стендах магазинов, поликлиник, аптек, то есть местах с большой проходимость самых виктимных групп населения.

Индивидуальная профилактика мошенничества предполагает адресную работу с представителями виктимных групп населения.

Это, пожалуй, самый кропотливый, но полагаем, и самый эффективный способ предупреждения преступлений. Такая работа предполагает:

- 1) создание базы данных граждан, находящихся в группе риска;

- 2) поддержание данной базы данных в актуальном состоянии и ее обновление;

- 3) устранение индивидуальных факторов виктимизации (в одних случаях – разъяснение особенностей проведения определенных

финансовых или хозяйственных операций, в других – налаживание оперативной связи с одиноким пенсионером, в-третьих – проведение коллективных собраний и бесед с виктимными группами населения в местах их массовой виктимизации – во дворах жилых домов, по месту работы и учебы);

4) оказание помощи пострадавшим в восстановлении их прав, убеждение в необходимости обращения в правоохранительные органы даже если сумма ущерба невелика.

В настоящий момент, в деятельности ОВД и других правоохранительных органов виктимологическая профилактика не названа как самостоятельное направление их работы. Полагаем, что профилактическое воздействие на потерпевших в целях повышения его эффективности должно осуществляться комплексно, с участием как государственных органов власти, так и структур гражданского общества на всех трех уровнях предупредительного воздействия – общем, специальном и индивидуальном.

*Цындра Владимир Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
специальных дисциплин,
Крымский филиал ФГКОУ ВО
«КрУ МВД России»*

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СУБЪЕКТОВ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Формирование государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний осуществляется субъектами государственной и политической деятельности.

В связи с этим, в данной публикации предлагается понятие и классификацию субъектов этой составляющей административно-деликтной политики.

Изучение научных публикаций показывает, что самостоятельное изучения субъектов административно-деликтной политики не

проводились. В тоже же время, характеристика субъектов политики в целом, и государственной политики в частности, осуществлялась в основном политологами.

Ими сформулировано понятие субъектов (актеров) политики, осуществлена их классификация и охарактеризована система взаимосвязей.

Например, под «субъектами политики» понимают конкретных политических носителей различной политической деятельности, направленной на завоевание, защита или использования власти для реализации своих коренных интересов. В их роли могут выступать как индивиды, так и социальные сообщества, которые самостоятельно производят и реализуют программы действия, направленные на достижение определенных политических целей с помощью сознательной деятельности. К субъектам политики относятся также и социально-политические институты как непосредственные носители властных функций в обществе¹.

Политологическая классификации субъектов политики позволяет углубить представление о разнообразии подходов к пониманию их разновидностей. В частности, в одном из учебных изданий приведена следующая их классификация:

- 1) по количественному признаку:
 - а) единичные (отдельные граждане, иностранцы, лица без гражданства и т.п.) и коллективные (крупные, средние и малые социальные группы: классы, этносы, сословия, элиты, фракции и т.п.);
- 2) по правовому статусу:
 - а) физические лица (граждане, политические лидеры);
 - б) юридические лица (общественно-политические организации);
- 3) по направлениям политики субъекты:
 - а) внутренней политики (граждане, руководители, партии);
 - б) внешней политики (народы, государства, их специализированные органы, межгосударственные объединения);
- 4) по признаку первичности или вторичности их политического участия:

¹ Субъекты политики. URL : <http://rudocs.exdat.com/download/docs-96262/96262.doc> (дата обращения 16 июля 2020).

а) граждан (с различным политико-юридическим статусом) и социальные сообщества (классы, нации, политические элиты, другие социальные группы);

б) другие политические институты (государства, общественно-политические организации и движения и межгосударственные объединения).

Так же политологическая наука оперирует и зарубежными концепциями классификации субъектов политики: политико-философской, организационно-институциональной (связана с пониманием субъектов политики как государственных и негосударственных институтов), социально-редуктивных (анализирует политические процессы в контексте поведения индивидов и групповой динамики, изучения взаимодействий общества, групп и личности); бихевиористской (рассматривает как «первичного», «выходного» субъекта политики личность, или индивида)¹.

Современная зарубежная и отечественная политология активно использует и категорию «политический актер» – это участник политического процесса, который обладает теми или иными политическими ресурсами, позволяющими влиять на процесс принятия политических решений. Политическим актором может выступать политический лидер, политический институт, социальная общность (правлящие элиты, массовые социальные движения)².

Такая трактовка участников политических процессов может быть использована и в контексте анализа государственной политики в области административных наказаний.

Наукой государственного управления к субъектам государственной политической деятельности относят: государственные и негосударственные институты. Так, С.С. Сулакшин, утверждает, что государственная политика осуществляется как субъектами государственной власти, так и негосударственными единицами в режиме государственного и частного партнерства³.

В правовой теории, так же выделяют субъектов формирования и субъектов реализации политики.

¹ Дегтярев А.А. Основы политической теории : учеб.пособие. – М : Высш. шк., 1998. – 239 с.

² Тургаев А.С. Политология в схемах и комментариях: учебное пособие для среднего профессионального образования / А.С. Тургаев и [др.]; Под ред. А.С. Тургаева, А.Е. Хренова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – 57 с.

³ Сулакшин С. С. Современная государственная политика и управление. Курс лекций. – М. : Директ-Медиа, 2013. – 386 с.

Например, П.А. Давыдов указывает, что «...субъекты правовой политики – это органы государственной власти, их должностные лица, а также граждане и (или) институты гражданского общества, которые, применяя правовые методы и охватывая правовую сферу деятельности, публично участвуют в формировании и осуществлении правовой политики в целях обеспечения прав и свобод личности и становления правовой государственности»¹.

Другой автор, Р.С. Саркисов, отмечает, что правовая политика выступает в качестве ориентира для «...государства и различных структур гражданского общества, участвующих в формировании и реальном её осуществлении»².

Наиболее полно система субъектов правовой политики представлена в Проекте концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года, разработанной авторским коллективом под руководством А.В. Малько. К ним предлагается относить:

1) негосударственные институты: граждане Российской Федерации, общественные объединения, негосударственные юридические организации, средства массовой информации;

2) Президент России и созданные при нем органы (Государственный Совет, другие совещательные и консультативные органы);

3) Федеральное Собрание Российской Федерации;

4) Правительство Российской Федерации;

4) Министерство юстиции Российской Федерации и другие федеральные органы исполнительной власти, в том числе и правоохранительные и контрольно-надзорные;

5) судебные органы (Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, другие органы судебной власти);

6) прокуратура Российской Федерации;

7) Органы законодательной (представительной) и исполнительной власти субъектов Российской Федерации;

¹ Давыдов П.А. Субъекты правовой политики в Российской Федерации: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2011. – 28 с.

² Давыдов П.А. Субъекты правовой политики в Российской Федерации: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2011. – 28 с.

8) муниципальные органы власти и управления в Российской Федерации;

9) организации, учреждения и предприятия государственной, муниципальной, частной и иных форм собственности¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что специалисты, как правило, рассматривают субъектов формирования и реализации государственной политики в общем, без учета особенностей каждой фазы её развития.

По нашему мнению, к особенностям субъектов формирования государственной политики в области административных наказаний можно отнести направленность их деятельности на:

а) выработку системы ценностей, идей, взглядов о сущности административных наказаний, порядке их назначения и исполнения;

б) определение и разработку соответствующих теоретико-концептуальных и нормативно-правовых способов их закрепления;

в) государственную, экспертную и общественную оценку содержания новаций в политике;

г) обеспечение публичного доведения окончательно оформленного политико-правового решения².

Что касается общих подходов к классификации субъектов, то специалистами предлагается выделять субъекты:

а) для которых формирование (выработка) государственной политики является частью их полномочий и является одной из обязанностей;

б) которые принимают участие в процессах формирования (выработки) государственной политики, реализуя предоставленное им право³.

Обобщая указанные и другие критерии и классификации, нами предлагается следующая систематизация субъектов формирования административно-наказательной политики:

¹ Саркисов Р.С. Российская правовая политика как концепция и реальность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пятигорский государственный технологический университет. – Пятигорск, 2008. – 23 с.

² Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / Под ред. А.В. Малько. – Саратов, 2010. – 49 с.

³ Фрис П.Л. Уголовно-правовая политика Украины : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нац. акад. внутр. дел Украины. – К., 2005. – 35 с.

1) государственные органы, которые наделены полномочиями по выработке политики в области административных наказаний:

а) высшие органы государственной власти (Президент Российской Федерации, парламент России, Правительство России);

б) федеральные министерства и другие центральные органы исполнительной власти;

в) органы государственной власти субъектов Российской Федерации;

г) судебные органы;

д) органы прокуратуры;

е) уполномоченные Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации по правам человека (предпринимателей, детей);

2) институты гражданского общества, оказывающие влияние на идеологию и общественное мнение:

а) политические партии и их лидеры;

б) общественные движения, гражданские инициативы и профессиональные сообщества;

в) общественные советы при государственных органах;

г) негосударственные средства массовой информации, в том числе и электронные;

3) отдельные граждане:

а) участвующие политической или правозащитной деятельностью, в том числе ходе волеизъявления;

б) входящие в экспертное сообщество (ученые, специалисты-практики);

в) привлекаемые в качестве участников социологических опросов, фокус-групп и др.

*Деревянская Татьяна Павловна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России
г. Симферополь*

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБРАЩЕНИЕМ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ И МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Законодательное определение субъекта преступления содержится в ст. 19 УК РФ, которая гласит, что уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного Уголовным кодексом.

Исследуемые преступления не содержат признаков специального субъекта, однако, несмотря на то что субъект данных преступлений является общим, совершение ряда преступлений с лекарственными средствами возможно только в связи с определенной деятельностью лица.

Нередко преступления, связанные с незаконным обращением лекарственных средств, совершаются настоящими или бывшими работниками фармацевтической сферы, т.е. людьми, которые знают специфику обращения лекарственных средств, установленные правила производства, особенности сбыта и ввоза. Наличие таких знаний существенно облегчает совершение незаконных действий с лекарственными средствами, повышает уровень качества незаконно произведенных лекарственных средств, их схожесть с легально произведенными лекарственными средствами, что еще более повышает общественную опасность, так как такие лекарства невозможно отличить от оригинальных, а последствия применения могут быть опасными для здоровья потребителей.

Кроме того, у лиц, осуществляющих незаконное обращение лекарственных средств, часто имеются личные связи в фармацевтической сфере, которые можно использовать для осуществления

производства и сбыта фальсифицированных лекарственных средств. Так, сотрудниками Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России и Управления экономической безопасности и противодействия коррупции Главного управления МВД России по Ростовской области пресечена деятельность организованной группы, участники которой подозреваются в изготовлении и реализации фальсифицированных лекарственных средств. Один из фигурантов данного преступления работал представителем фармацевтической компании в Ростовской области и использовал личные связи для реализации контрафактных лекарств через аптечную сеть и медицинские учреждения Москвы, Нальчика и Ростова-на-Дону¹.

Нередко производство фальсифицированных лекарственных средств осуществляется легальными фармацевтическими предприятиями, соответственно субъектом преступлений, связанных с незаконным обращением лекарственных средств, в таких случаях выступает руководитель легального фармацевтического предприятия. Например, прокуратура Куединского района Пермского края совместно с территориальным управлением Росздравнадзора провела проверку соблюдения законодательства в сфере оборота лекарственных средств в ООО «АСБА». Проверка показала, что указанная коммерческая организация, зарегистрированная в г. Оса Пермского края, в сентябре 2009 г. создала на территории Куединского района промышленный цех по серийному производству лекарственных инфузионных препаратов для инъекций. В частности, ООО «АСБА» изготавливало растворы глюкозы и натрия хлорида, которые впоследствии поставлялись в лечебные учреждения края, в том числе г. Перми². Совершение подобных преступлений руководителем легального фармацевтического предприятия несет наибольшую опасность, так как качество упаковки и внешних признаков незаконно произведенных лекарственных средств возрастает настолько, что их невозможно отличить от легальных. Кроме того, при производстве фальсифицированных лекарственных средств увеличиваются объемы производства таких лекарств и

¹ В Ростовской области пресечено производство фальсифицированных лекарственных препаратов [Электронный ресурс].

² В Пермском крае ООО «АСБА» прекратило незаконное производство лекарств. – 2010. URL : <http://www.pharmvestnik.ru/publs/lenta/v-rossii/19527.html#.UmfgiWLcTkU>

практически невозможно контролировать распространение фальсифицированных лекарственных средств.

Важно, что именно указанные выше субъекты в силу наличия определенных навыков и знаний, обладания авторитетом и связями в фармацевтической сфере способны добывать больше прибыли за счет облегчения процесса производства и распространения незаконно произведенных лекарственных средств, что, несомненно, повышает общественную опасность таких преступлений.

Несмотря на то, что субъект преступлений, связанных с незаконным обращением лекарственных средств, нередко обладает дополнительными признаками по отношению к общему субъекту, не всегда можно говорить о специальном субъекте. В теории уголовного права традиционно под специальным субъектом понимают лицо, которому наряду с общими признаками субъекта присущи и дополнительные качества. Мы исходим из того, что для признания субъекта специальным недостаточно, чтобы лицо просто обладало какими-либо дополнительными качествами или конкретными особенностями: наличие специального субъекта должно иметь уголовно-правовое значение. Такое уголовно-правовое значение должно выражаться в том, что без наличия признаков специального субъекта вообще не может существовать конкретного преступления либо наличие специального субъекта должно быть признаком повышенной общественной опасности преступления, может выступать квалифицирующим признаком, образующим состав преступления при отягчающих обстоятельствах.

При незаконном обращении лекарственных средств наделение субъекта, рядом отмеченных выше дополнительных признаков не несет необходимого уголовно-правового значения, а может лишь указывать на наличие таких признаков. Так, невозможно в качестве специального субъекта рассматривать лиц, имеющих фармацевтическое или медицинское образование, а также лиц, имеющих личные связи в фармацевтической сфере. Наличие специальных знаний или личных связей в фармацевтической сфере не является признаком повышенной общественной опасности преступления, а только может свидетельствовать об облегчении совершения преступлений, связанных с незаконным обращением лекарственных средств. Лицу, не обладающему специальными знаниями или не имеющему личных связей в сфере обращения лекарственных средств, будет сложнее произвести фальсифицированные лекарственные средства, слабо отличающиеся от оригинальных,

необходимо будет приложить больше усилий при перевозке и реализации таких лекарств. Возникающие дополнительные трудности не исключают возможности совершения рассматриваемых преступлений.

Преступления, связанные с незаконным обращением лекарственных средств, могут быть совершены и лицом, которое не обладает специальными знаниями и не имеет опыта работы в фармацевтической сфере. Например, не обязательно наличие специальных знаний при подделке путем переупаковки лекарственных средств с истекшим сроком годности, помещения дешевых в упаковки дорогих лекарственных средств.

При совершении преступлений руководителем легальных фармацевтических предприятий или работником фармацевтического предприятия, организации или аптечного учреждения, необходимо говорить о том, что данные лица являются специальными субъектами преступлений, связанных с незаконным обращением лекарственных средств. Наличие таких признаков субъекта, как должность руководителя фармацевтического предприятия либо иная должность, несомненно, свидетельствует о повышенной общественной опасности, и такие особенности должны выступать в качестве обязательных признаков субъекта преступлений, связанных с незаконным обращением лекарственных средств. Принимая во внимание распространенность использования служебного положения при совершении преступлений в сфере обращения лекарственных средств, а также повышенную общественную опасность данных преступлений, считаем обязательным предусмотреть в ст. 2351 и 2381 УК РФ такой квалифицирующий признак, как «совершение указанных деяний с использованием своего служебного положения». Таким образом, ч. 2 ст. ст. 2351 и 2381 УК РФ можно дополнить фразой: «...лицом с использованием своего служебного положения».

При определении признаков субъекта данных преступлений важно учитывать, что «преступление следует считать совершенным лицом с использованием своего служебного положения только тогда, когда статус служащего явился обязательным условием совершения этого преступления, так как служащий может совершить преступление и как частное лицо»¹.

¹ Рясов А.В. Понятие и сущность признака «использование служебного положения» в российском уголовном праве // Юрист-Правоведъ. – 2007. – № 6. – С. 25.

Таким образом, считаем, что субъект рассматриваемых преступлений общий, и им следует считать, как лицо, не обладающие какими-либо специальными знаниями или личными связями в фармацевтической сфере, так и лицо, имеющее фармацевтическое либо медицинское образование, лицо, имеющее личные связи в фармацевтической деятельности, а также бывших работников фармацевтической сферы.

*Петровский Антон Владимирович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет*

ПРОБЛЕМНЫЕ МОМЕНТЫ ОБЩЕПРЕВЕНТИВНОЙ ФУНКЦИИ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА

Превентивные функциональные проблемы нормативных уголовно-правовых институтов на современном этапе, явственно просматриваются в ограниченности доступа социума к участию в процессе уголовно-правового правотворчества, реализации общепревентивной функции, в том числе посредством уголовного наказания¹. Необходимо признать наличие коллизии между общественным запросом на социальные перемены в области предупреждения преступлений и желанием публичных групп (союзов), поддерживаемых государством (властью) сохранить ряд консервативных институтов властных полномочий. Ассимилировав идеи А.Э. Жалинского, можно утверждать, что реализация предупредительной сущности уголовно-правовых норм тесно связана:

- 1) со способностью законодателя перевести социальную материю в правовую форму, а потом в юридические решения;
- 2) наличием баланса между социальным и политическим (социальным и юридическим), т.е. когда интересы общества учитываются при создании профилактических форм воздействия;

¹ Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. – М., 2005. – С. 274–293.

3) единой позицией общества и государства по наиболее общим вопросам применения принуждения (наказательного и превентивного воздействия)¹.

Изначально необходимо отметить, что нормативная уголовно-правовая защита жизни, достоинство личности, психической, физической неприкосновенности индивида не соответствует социальным ожиданиям.

Начало было положено после утраты статьями 129 и 130 УК РФ их силы, не смотря на важное профилактическое содержание защиты чести и достоинства карательными средствами². Далее, произошла декриминализация побоев, повлекшая рост безнаказанного насилия со стороны склонных к агрессивному поведению лиц. Законодатель отказался от внесения квалифицирующего признака – совершение деяния в отношении двух и более лиц в соответствующие части ст. 115, 116, 119 УК РФ. Сложилась ситуация, когда в обществе сформировались разные режимы уголовно-правовой охраны жизни, здоровья, физической неприкосновенности, чести и достоинства для представителей различных социально-профессиональных групп, когда степень защиты представителей власти, военнослужащих (317, 318, 333–335, 336 УК РФ) значительно выше, чем у «обычных» жертв преступных посягательств против личности³. Анализируя результаты опросов и информацию СМИ, необходимо обратить внимание на системные проблемы реализации общепрофилактической составляющей уголовно-правового запрета посягательств на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны⁴. Крайне затрудняет возможность нейтрализовать преступные последствия, отнесение к

¹ Жалинский А.Э. Уголовная политика: актуальные задачи, субъекты и механизмы реализации // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 01 июня 2012 г.). – М., 2012. – С. 67–72.

² Лобанова Л.В. О некоторых новеллах уголовного законодательства и балансе форм и методов уголовно-правовой политики // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 01 июня 2012 г.). – М., 2012. – С. 145–150.

³ Рахманова Е.Н. Об оптимизации уголовно-правовой охраны личности // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 01 июня 2012 г.). – М., 2012. – С. 239–244.

⁴ Папеева К.О. Некоторые проблемы уголовно-правовой охраны права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы Российского конгресса уголовного права (31 мая – 01 июня 2012 г.). – М., 2012. – С. 214–218.

делам частного и частно-публичного обвинения (ч. 2, 3 ст. 20 УПК РФ) следующих уголовно-правовых норм – ч. 1 ст. 115; 116.1; ч. 1 ст. 128.1; 116; ч. 1 ст. 131 и 132; ч. 1 ст. 137; ч. 1 ст. 138; ч. 1 ст. 139. Сложно обстоит дело с нормами Особенной части УК РФ с так называемой двойной превенцией (ст. 112; 115; 116; 119; 128,1; 137; 138; 139; 145.1; 151.1; 151.2; 213; 222; 222.1; 223; 228; 228.3; 228.4; 230 УК РФ), которые должны устранять условия и обстановку совершения более тяжких преступлений¹.

Неоднозначно воспринимается обществом складывающаяся ситуация в сфере либерализации экономической преступной деятельности, которая выражается в динамике правовых иммунитетов, классовом подходе при назначении наказания и смягчении уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности². Население не понимает всю казуистичную проблематику криминализации (декриминализации) противоправного поведения субъектов экономической деятельности, но постоянно сталкивается с обманом, обвешиванием, обсчетом, введением в заблуждение, злоупотреблением правом со стороны лиц, оказывающих коммерческие услуги и поставляющие товары. Государство равнодушно смотрит на массово распространяющееся ростовщичество, неисполнение договорных обязательств, присвоение имущества и не может предложить эффективные легальные способы защиты нарушенных прав гражданам, либо предупреждения таких деяний, иезуитски предлагая населению разрешать возникшие «споры» в гражданском судопроизводстве.

Нормативные положения института уголовного наказания наименее важны в системе предупреждения преступного поведения.

¹ Побегайло Э.Ф. Проблема гуманизации российского уголовного законодательства в современных условиях // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 г.). – М., 2011. – С. 407–411.

² Клейменов И.М. Сравнительно-исторический анализ условий перехода к устойчивому развитию уголовного законодательства в России // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 г.). – М., 2011. – С. 434–436; Милуков С.Ф. Возможно ли устойчивое развитие Российского уголовного права? // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 г.). – М., 2011. – С. 576–580; Соловьев О.Г. Либерализация уголовно-правовых запретов в сфере экономической деятельности: противоречия законодательной техники // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 г.). – М., 2011. – С. 338–341.

Собственно уголовное наказание есть идеальное средство достижения возмездия одновременно индивидуального и государственного. Уголовное наказание является мерилем справедливого правосудия в глазах общества, не погруженного в казуистические новации УК РФ последних 17 лет. Общественное мнение регулярно оценивает опасность деяния и меры уголовно-правового воздействия, которые были применены к виновным за совершенное преступление. Но, начиная с момента вступления в силу с 01 января 1997 года Уголовного кодекса РФ, возникла проблема отложенных наказаний – ограничение свободы, обязательные работы, арест, к слову, последний вид наказания до сих пор не применяется. Федеральный закон № 26-ФЗ от 07.03.2011 года, исключивший нижний предел лишения свободы в таких преступных деяниях, как ч. 1, 2, 3 ст. 111, 112, 119, 158, 159, ч. 1, 2 ст. 161, ч. 1, 2 ст. 162 УК РФ предоставил общественности широкие возможности для толкования справедливости выносимых судами приговоров лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие общеуголовные преступления¹. Казуальная нормативность, присутствующая в системе уголовных наказаний, создает сложности для легального уголовного судопроизводства, порождая факты «неформальной юстиции» и самосуда². Ослабляет превентивный эффект нормативная неурегулированность вопросов индивидуализации назначения наказания, требующая дополнения или конкретизации субъективных оснований применения норм, предусмотренных ст. 62, 64, 68, 72.1, 73, 75, 79, 80, 80.1, 90, 92, 93 УК РФ путем указания в этих статьях оценки исправимости и криминальной зараженности личности³. Серьезно подрывает принцип законности практика применения дифференцированной уголовной ответственности по идентичным преступлениям, когда за одни и те же преступные деяния, совершенные при сходных условиях и обстоятельствах, но разными субъектами, к одним лицам уголовный закон

¹ Милюков С.Ф. Российская уголовная политика: перманентная революция? // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 01 июня 2012 года). – М., 2012. – С. 160–164.

² Милюков С.Ф. Бессистемность как неотъемлемое свойство отечественной уголовно-правовой политики // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права (31 мая – 01 июня 2007 г.). – М., 2007. – С. 271–273.

³ Бурлаков В.Н. Некоторые вопросы совершенствования уголовной политики в аспекте современного состояния преступности в России // Научные основы уголовного права и процессы глобализации: материалы V Российского конгресса уголовного права (27–28 мая 2010 г.). – М., 2010. – С. 480–482.

применяется со всей строгостью, в то время как другим достаточно снисходительно¹.

Отмечаемый на современном этапе кризис «уголовного наказания» в России в первую очередь связан с не достижением тех целей, которые определяют УК и УИК РФ. Идея о том, что система уголовного наказания есть совокупность предусмотренных уголовным законом видов государственного принуждения, находящихся в отношениях взаимосвязи, взаимозависимости, способна обеспечить достижение целей – восстановления социальной справедливости, общего и специального предупреждения, исправления пока труднодостижима². Рассогласованность конституционного положения запрещающего принудительный труд (ч. 2 ст. 37) с содержанием отдельных видов наказаний в которых такой труд предусмотрен (обязательные работы, исправительные, принудительные работы) порождает смысловую коллизию требующую ее исправления³. Аналогичная ситуация складывается с вопросом о виде наказания – смертная казнь, которая присутствует в Уголовном кодексе согласно Конституции РФ, может устанавливаться федеральным законом до ее отмены. В Постановлении Конституционного Суда РФ № 1344-О-Р от 19.11.2009 г. указано, что возможности применять смертную казнь на территории страны нет, мораторий на ее применение сохраняется⁴. Но если почитать текст Постановления, можно обратить внимание, что в основу принятия

¹ Иванов С.А. Единообразие при применении уголовного права как главная гарантия соблюдения принципа законности // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 г.). – М., 2011. – С. 62–65.

² Милюков С.Ф. Российская система наказаний. – СПб., 1998. – С. 7.

³ Козлов А.П. Уголовная политика: ее некоторые просчеты применительно к действующему УК // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 01 июня 2012). – М., 2012. – С. 99–108.

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р г. Санкт-Петербург «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 02 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Российская газета. – 27.11.2009. – № 226(5050).

решения положены нормы международного права и договоры, ратифицированные Россией в области уголовного правосудия. Исходя из смысла поправок внесенных в Конституцию РФ (ч. 4 ст. 15) можно сделать вывод, что Россия будет применять правила, установленные международным договором¹. Но вопрос об исключении смертной казни (ч. 2 ст. 20) на референдуме не поднимался, Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, в ее тексте есть упоминание о смертной казни и о возможности ее применения. Все это оставляет открытым вопрос о применении смертной казни за особо тяжкие преступления против жизни.

Важнейшим нормативным криминологическим институтом является – институт помощи лицам, пострадавшим от преступлений (правонарушений) или подверженным риску стать таковыми. Констатация проблемы вытекает из анализа Конституции РФ, где защите прав преступника посвящены шесть статей (ст. 47–51, 54), а жертвы преступления одна (ст. 52). Уголовно-правовые отношения, сформированные на формате: государство–преступник, исключают потерпевшего из данной системы, нарушая гарантированные Конституцией условия по возмещению причиненного вреда². На сегодняшний день возмещение вреда не является безусловной обязанностью виновного лица, тысячи потерпевших не могут добиться выполнения судебных решений в части возмещения причиненного ущерба³. Современное российское уголовное законодательство полностью повернуто лицом к преступнику, а не к жертве преступления, все изменения и дополнения направлены

¹ Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни; Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни; Протокол к Американской конвенции о правах человека об отмене смертной казни; Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 62/149 от 18 декабря 2007 года и Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 63/168 от 18 декабря 2008 года.

² Винокуров С.И. Приоритетный вектор современной уголовной политики: защита прав потерпевшего // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 01 июня 2012 г.). – М., 2012. – С. 31–36; Побегайло Э.Ф. О серьезных перекосах в осуществлении российской уголовной политик // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 01 июня 2012 г.). – М., 2012. – С. 222–228.

³ Шувалов Д.Н. Об эффективности возмещения вреда, причиненного преступлением / Д.Н. Шувалов, И.Н. Демидович, А.М. Широков // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2017. – № 3(42). – С. 124–129.

на улучшение положения виновного лица¹. Возмещение ущерба жертве преступления в настоящее время возможно только по решению суда в случаях если преступник установлен и приговор вступил в законную силу. Если преступник не установлен, или установлен, но скрывается от органов правосудия, либо у осужденного отсутствует возможность работать во время отбытия наказания (либо он не желает работать), то потерпевший фактически утрачивает возможности возмещения вреда преступным деянием².

В заключение необходимо отметить, что растянувшейся на десятилетия процесс конструирования уголовных запретов, к сожалению, не происходил за счет естественного отбора тех социальных норм, которые позволяли эффективно обеспечивать общую превенцию за счет страха уголовного наказания, веры в справедливый результат уголовного судопроизводства и реализации установки социального возмездия за содеянное. Основной проблемой общепревентивной функции уголовного законодательства и наказания видятся в проблемах реализации неотвратимости и соразмерности уголовной ответственности, которая проявляется в несовершенстве конструирования уголовно-правовых норм.

*Клюев Андрей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
СКФ ФГБОУВО РГУП*

НЕКОТОРЫЕ СЛОЖНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

В процессе правоприменения, в том числе и при установлении обстоятельств, исключающих преступность деяния, важное

¹ Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая защита потерпевшего // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 г.). – М., 2011. – С. 615–620; Козлов А.П. Уголовная политика: ее некоторые просчёты применительно к действующему УК // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 01 июня 2012 г.). – М., 2012. – С. 99–108.

² Шикула И.Р. Антикриминальная безопасность потерпевших в условиях глобализации // Научные основы уголовного права и процессы глобализации: материалы V Российского конгресса уголовного права (27–28 мая 2010 г.). – М., 2010. – С. 587–591.

значение имеет законодательное описание конкретных условий, которые должны быть установлены. Суды при вынесении процессуальных актов обязаны четко использовать формулировки, заложенные в уголовном законе.

Изучение судебной практики показывает, что суды в мотивировочной части приговоров, постановлений и определений во всех случаях применения положений об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в полном объеме воспроизводят необходимую норму уголовного закона, регламентирующую то или иное из рассматриваемых обстоятельств. После использования формулировки закона в процессуальных документах обсуждаются те или иные условия правомерности причинения вреда, связанные с особенностями того или иного обстоятельства, исключающего преступность деяния, с указанием на конкретные факты, установленные в процессе доказывания.

Следует отметить, что практически всегда судами используются положения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»¹, применительно к необходимой обороне и причинению вреда при задержании лица, совершившего преступление.

В зависимости от вида обстоятельства, исключающего преступность деяния, первоначально указываются те условия правомерности, которые необходимы для исключения совершенного лицом деяния из числа преступных, с учетом формальных моментов, которые непосредственно указаны в уголовном законе, а затем тех, которые разъясняются в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19. После этого указываются те фактические обстоятельства, которые имеются в материалах уголовного дела. Суды обязаны связывать отраженные в процессуальных документах фактически установленные обстоятельства с законодательными формулировками.

Такой подход часто и реализуется на практике. Например, в приговоре Ашинского городского суда Челябинской области от 30 декабря 2013 года указано:

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. 2012. 03 октября.

«Данные выводы суда, сделанные на основе анализа показаний свидетелей ФИО35, ФИО119, ФИО116, полностью опровергают доводы подсудимого С.В. Кутькова и стороны защиты, приведенные в судебном заседании о том, что С.В. Кутьков находился в состоянии необходимой обороны, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Условиями правомерности необходимой обороны, относящимися к посягательству, от которого осуществляется защита, являются:

- а) общественная опасность посягательства;
- б) действительность посягательства;
- в) наличность посягательства.

К общественно опасным посягательствам относятся действия, которые немедленно по их совершении и неотвратимо вызывают наступление реальных серьезных вредных последствий для личности, общества или государства, причинение которых в принципе уголовно наказуемо.

Действительность посягательства означает, что посягательство происходит в реальной действительности, в реальной жизни, а не в воображении обороняющегося.

Нарушение рассматриваемого условия правомерности, то есть предположение обороняющегося о существовании посягательства при его фактическом отсутствии, является мнимой обороной. При этом мнимая оборона имеет место тогда, когда посягательства не существовало в реальности и обстоятельства не давали лицу абсолютно никаких оснований полагать, что оно происходит.

Наличие посягательства означает временной интервал существования посягательства, в течение которого действия рассматриваются как посягательство и дают возможность обороняющемуся лицу защищаться от него.

У суда не вызывает сомнений, что С.В. Кутьков при отсутствии действительного посягательства со стороны потерпевшего, осознавая, что потерпевший какой-либо угрозы для него не

представляет в силу его физического состояния и отсутствия ножа нанес множественные удары ножом потерпевшему, от которых наступила смерть потерпевшего»¹.

В данном приговоре используется как указание на содержание уголовного закона, регламентирующего необходимую оборону, так и положения, которые использует судебная практика и наука уголовного права. Такое широкое их применение, необходимое для уголовно-правовой оценки содеянного, делает приговор суда не только законным, так как принятое судом решение базируется на содержании уголовного закона, но и обоснованным, что отражается в указании на фактические обстоятельства конкретного уголовного дела и существующую судебную практику.

При этом следует учитывать, что формулировки уголовного закона используются не только в части признания наличия того или иного из обстоятельств, исключающих преступность деяния, но и для констатации их отсутствия. Для исключения обстоятельств, предусмотренных в главе 8 УК РФ, суд должен указать, какие конкретно условия позволяют признать деяние правомерным и, исходя из фактических данных, обосновать, что в рассматриваемом уголовном деле эти условия отсутствуют, в связи с чем оценка поведения осуществляется на общих основаниях.

Такая же ситуация возникает и при оценке деяния лица как совершенного при превышении условий правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, когда требуется признание деяния преступлением. При этом суды правильно применяют нормы, предусматривающие привилегированные составы (ст. 108 и ст. 114 УК РФ), либо учитывают соответствующие обстоятельства как смягчающие при назначении наказания (п. «е», «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Так, в апелляционном постановлении Карталинского городского суда Челябинской области от 14 апреля 2014 г. указано: «Суд не может согласиться с доводами осужденного А.Е. Замараева о том, что он действовал в состоянии необходимой обороны. Так как, согласно ст. 37 УК РФ, не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других

¹ Приговор № 1-222/2013 Ашинского городского суда Челябинской области. – URL : <https://rospravosudie.com/vidpr-ugolovnoe>

лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Как установлено, именно А.Е. Замараев напал на потерпевшего и первым начал наносить ему удары, то есть являлся инициатором конфликта. Какого-либо насилия, опасного для жизни, не применял. Данные обстоятельства следуют из исследованных судом и указанных выше доказательств»¹.

Таким образом, мы видим, что суды указывают на объективно установленные обстоятельства, затем анализируют положения уголовного закона об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, после чего на основании доказательств делают вывод о правомерности или неправомерности совершенного лицом деяния.

Помимо детального указания на положения уголовного закона, на что уже обращено внимание, используются и формулировки из актов судебного толкования. Показателен в этом смысле приговор мирового судьи судебного участка № 59 Наинского района Хабаровского края, где указано следующее:

«Вместе с тем, согласно ст. 38 УК РФ, не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным, и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер. В действиях К.В. Кутчер не усматривается превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, поскольку они соответствовали характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, при этом О.В. Воронову не был причинен явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред, поскольку фактически, как было установлено в судебном заседании, К.В. Кутчер причинил ему только физическую боль. Иных доказательств умышленного причинения вреда подсудимым К.В. Кутчер потерпевшему О.В. Воронову стороной обвинения суду представ-

¹ Апелляционное постановление № 10-4/2014 Карталинского городского суда Челябинской области. – URL : <https://rospravosudie.com/vidpr-ugolovnoe>

лено не было. В судебном заседании из пояснений потерпевшего О.В. Воронова установлено, что обвинительный приговор, вынесенный в отношении него по ч. 4 ст. 111 УК РФ, не вступил в законную силу, так как он его обжаловал. Как следует из п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», наличие вступившего в законную силу обвинительного приговора в отношении лица, совершившего преступление, не является обязательным условием при решении вопроса о правомерности причинения им вреда в ходе задержания. Таким образом, суд не находит оснований для квалификации действий К.В. Кутчер по ч. 1 ст. 116 УК РФ как нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ»¹.

В данном приговоре детально рассмотрены как законодательные положения в применении к конкретному уголовному делу, так и руководящие разъяснения Верховного Суда РФ, что должно осуществляться во всех подобных случаях.

Очень важно в процессе правоприменения при установлении обстоятельств, исключающих преступность деяния, указывать, что вред, причиненный деянием, является правомерным, и деяние не признается преступлением. Суды обязаны установить, что совершенное лицом деяние на самом деле было, так как это является важным моментом. При недоказанности участия лица в совершении деяния не допускается сам факт применения общей уголовно-правовой нормы о совершении преступления, и исключение поведения из числа преступных невозможно как таковое.

Кроме того, очень важно, чтоб в результате деяния лицом был причинен вред. Если вред был причинен иным лицом, то вопроса о применении положений гл. 8 УК РФ также не возникает, если, конечно, соответствующее лицо не являлось организатором, подстрекателем или пособником преступления. Только установление факта участия виновного в причинении вреда интересам, охраняемым уголовным законом, выступает основанием для его оценки с точки зрения преступности или неправомерности.

¹ Приговор мирового судьи судебного участка № 59 Нанайского района Хабаровского края в отношении А.Н. Шатилова. – URL : <https://rospravosudie.com/vidpr-ugolovnoe>

Важным моментом для признания наличия обстоятельств, исключающих преступность деяния, является установление причинной связи между совершенным лицом деянием и причинением вреда, охраняемым уголовным законом интересам, когда состав преступления сформулирован как материальный. Отсутствие причинной связи, как и отсутствие деяния, не позволяет оценивать поступок с точки зрения преступности или не преступности. Это вытекает как из самого названия гл. 8 УК РФ, где указывается именно на деяние, которое не признается преступлением, так и общих оснований уголовной ответственности.

При применении любого из обстоятельств, исключающих преступность деяния, важно установить общие основания уголовной ответственности, предусмотренные в ст. 19 УК РФ. Требования к возрасту и вменяемости субъекта обязательны не только для того, чтобы можно было привлечь лицо, совершившее общественно опасное деяние к уголовной ответственности, но и для признания его поведения правомерным поступком с учетом обстоятельств, предусмотренных в гл. 8 УК РФ.

Рассматриваемые обстоятельства выступают в качестве исключения из общего правила признания деяния преступным в случаях причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам. При отсутствии же признаков субъекта преступления (недостижение возраста и невменяемость) само по себе причинение вреда интересам, охраняемым уголовным законом, не признается преступлением в силу общего основания – отсутствия субъекта преступления как элемента состава преступления, что является общим правилом признания деяния хотя и общественно опасным, но не преступным. Таким образом, в этих случаях даже на общих основаниях общественно опасное деяние, которым причиняется вред, нельзя признавать преступлением, а следовательно, ставить вопрос об уголовной ответственности, что и предполагает невозможность ее исключения при установлении обстоятельств, предусмотренных в гл. 8 УК РФ.

Лица, которые осуществляют сопротивление посягательству при необходимой обороне, задерживают лиц, совершивших преступление, устраняют грозящую опасность при крайней необходимости, осуществляют рискованные действия, совершают деяния при физическом или психическом принуждении, а также исполняют приказ или распоряжение, должны обладать признаками субъекта уголовной ответственности. Только в этом случае можно

ставить вопрос и об обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

Если вменяемость является универсальным признаком, который не зависит от того, какой именно вред причиняет физическое лицо, главное, чтобы оно сознавало фактический характер и общественную опасность своего деяния и руководило им, то возраст субъекта имеет определенные особенности. Законодатель дифференцирует возрастные границы в зависимости от состава преступления, в рамках которого причиняется вред интересам, охраняемым уголовным законом.

Возможность привлечения к уголовной ответственности, как известно, связывается с достижением лицом к моменту совершения общественно опасного деяния шестнадцатилетнего возраста, а за ряд преступлений – четырнадцатилетнего возраста (за умышленное причинение тяжкого, средней тяжести вреда здоровью и другие, предусмотренные в ч. 2 ст. 20 УК РФ). Для установления обстоятельств, исключающих преступность деяния, необходимо, чтобы лицо достигло возраста, с которого возможно привлечение его к уголовной ответственности, в зависимости от того вреда, который им фактически был причинен. Например, если лицо в связи с необходимой обороной причиняет смерть нападающему при соблюдении условий правомерности, то оно должно достигнуть к моменту совершения деяния четырнадцатилетнего возраста, если же, например, вред средней тяжести, то – шестнадцатилетнего. Таким образом, для признания обстоятельств, исключающих преступность деяния, необходимо достижение лицом возраста, с которого может возникать уголовная ответственность за причинение конкретного вреда интересам, охраняемым уголовным законом.

Однако следует помнить, что для признания лица субъектом преступления при превышении пределов необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление, оно должно достичь 16-летнего возраста. Недостижение этого возраста исключает ответственность даже при превышении соответствующих пределов.

Важным условием для признания наличия обстоятельств, исключающих преступность деяния, является и установление признаков субъективной стороны преступления, в частности вины, при наличии которой лицо, причинившее вред интересам, охраняемым уголовным законом, подлежит уголовной ответственности. Если в результате деяния вред наступает, но он причинен невиновно, то и вопрос о наличии обстоятельств, исключающих

преступность деяния, возникать не должен. Как возраст и вменяемость являются общими признаками для возникновения уголовной ответственности, так и вина – такой же признак, но применительно к субъективной стороне.

Таким образом, важность применения формулировок уголовного закона при решении вопросов о признании (непризнании) обстоятельств, исключających преступность деяния, несомненна.

*Карчевский Кирилл Александрович,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России*

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПОДПАДАЮЩЕЙ ПОД ПРИЗНАКИ ФИНАНСОВОЙ ПИРАМИДЫ

В ходе развития рыночной экономики Российской Федерации деятельность «финансовых пирамид» на её территории получила широкое распространение. Данное суждение подтверждается мониторингом за 2019 год, который проводил Центральный банк Российской Федерации, согласно которому зафиксирован рост числа «финансовых пирамид» в России: в 2019 году выявлено на 41 % больше по сравнению с 2018 годом финансовых пирамид (всего 237 субъектов с подобными признаками, за 2018 год – 168). При этом из указанных 237 случаев 55 финансовых пирамид было создано в виде интернет-проектов, 88 – в организационно-правовой форме обществ с ограниченной ответственностью, 39 – в форме кредитно-потребительских кооперативов, 21 – в форме потребительских кооперативов, 8 – в форме потребительских обществ, 26 – действовали в иных формах¹.

¹ Годовой отчет Банка России за 2019 год. – URL : https://cbr.ru/about_br/publ/god/ (дата обращения 24.06.2020).

В правоприменительной практике встречаются различные виды «финансовых пирамид», которые условно можно разделить на: «финансовые пирамиды» в чистом виде (денежные или товарные), скрывающиеся за «вывеской» многоуровневого, а также сетевого маркетинга; функционирующие под видом международных закрытых клубов и организаций, вуалирующие свою деятельность под кредитные потребительские кооперативы и другие формы кооперации, функционирующие в сети интернет, а также «финансовые пирамиды», которые открыто заявляют о том, что они являются таковыми. Однако для всех перечисленных видов «финансовых пирамид» обязательен признак пирамидальности, то есть привлечение активов участников с осуществлением последующих выплат денег либо в иной форме процентов за счет поступления новых активов, а не как следствие экономической деятельности или использования собственного имущества.

Последовательной мерой по реализации уголовной политики по противодействию такому явлению как «финансовая пирамида», стало принятие 30 марта 2016 Федерального закона № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым в Уголовный кодекс РФ введена ст. 172.2, предусматривающая ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества.

Таким образом, законодателем дано понятие «финансовой пирамиды», которая определяется как организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в крупном размере, при которой выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества¹. Данное нововведение является безусловно положительным и долгожданным, так как упрощает

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020). – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 20.06.2020).

задачу по юридической идентификации и правильной квалификации действий преступников на финансовом рынке.

Конструкция объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ, описана не как активное действие по привлечению средств, а как организация деятельности по такому привлечению. Введенная законодателем конструкция создаёт некоторые затруднения в даче юридической оценки действиям соучастников данного преступления, который не является организатором.

При расследовании уголовных дел, связанных с деятельностью «финансовых пирамид», у следователей возникают трудности с доказыванием, которые вызваны тем, что деятельность «финансовых пирамид» маскируется злоумышленниками под легальную финансово-хозяйственную деятельность. Один из наиболее действенных способов разрешения возникающих трудностей деятельности «финансовых пирамид» является использование материалов оперативно-розыскной деятельности, легализованных в установленном порядке.

Как пример хорошего взаимодействия можно привести расследование в 2015 году уголовного дела Главным следственным управлением МВД по Республике Татарстан в отношении организаторов и участников ООО КПК «РОСТ» по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 210 УК РФ. В ходе следствия установлено, что ООО КПК «РОСТ» имеет признаки многоуровневой «финансовой пирамиды» и для вовлечения в её деятельность максимального количества людей, подозреваемые учредили порядка 40 дополнительных филиалов на территории 23 субъектов Российской Федерации. Один из филиалов ООО КПК «РОСТ» располагался на территории Республики Крым, где по поручению органов предварительного следствия проводились следственные действия по изъятию документации и носителей информации.

Подводя итоги проведенной работы, можно отметить, что органы предварительного следствия системы МВД имеют достаточный потенциал для эффективного противодействия, профилактики и расследования деятельности «финансовых пирамид». Законодателем введена в действие новая прогрессивная норма, предусматривающая уголовную ответственность за деятельность «финансовых пирамид», которая потенциально должна упростить процесс доказывания по уголовным делам данной категории и

достижения целей уголовного правосудия. Для преодоления возникающих трудностей в доказывании по данной категории уголовных дел и имеющихся недостатках в работе по данному направлению необходимо наладить и поддерживать тесное взаимодействие по совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел РФ. Активно использовать при расследовании деятельности «финансовых пирамид» возможности оперативных подразделений, уполномоченных на проведение оперативно-розыскной деятельности, легализованные материалы которой возможно использовать как основу доказательств обвинения. Тесно взаимодействовать с экспертными учреждениями, без заключения которых, установить объективную сторону ст. 172.2 УК РФ, выражающаяся в выплате дохода лицам, чьи денежные активы привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных активов иных лиц при отсутствии законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных, представляет значительную сложность.

*Киселев Сергей Сергеевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
СКФ ФГБОУВО РГУП*

САМОИЗОЛЯЦИЯ И НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

За несколько месяцев самоизоляции количество обращений по поводу жестокого обращения с детьми в правоохранительные органы, органы опеки и попечительства увеличилось кратно. Вновь стал актуален вопрос применения ст. 156 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), отграничения ее от ст. 5.35 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (Далее – КоАП РФ). А также вопросы реализации концепции ювенальной юстиции в России.

Уголовным законом наказывается неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего если эти деяния сопряжены с жестоким обращением. В ст. 156 УК РФ определяется круг специальных субъектов,

подлежащих уголовной ответственности. Таковыми могут выступать родители, педагоги, медики и иные лица, обязанные осуществлять надзор за несовершеннолетними. Эта обязанность должна подтверждаться документально.

При отсутствии признака жестокого обращения перечисленные виновные лица подлежат административной ответственности.

В доктрине уголовного права и судебной практике нет единого подхода к отнесению того либо иного обращения с несовершеннолетними к жестокому. Так оценивается: любое физическое и психическое насилие над детьми, частные случаи физического насилия над детьми, различного рода пренебрежения их нуждами (чаще всего гигиеной и питанием) и т.д. Отсутствие даже примерного перечня деяний, которые могут быть признаны жестоким обращением делают этот оценочный признак основанием для злоупотреблений как со стороны родителей и педагогов, так и со стороны правоохранительных органов. Об этом свидетельствует и общероссийская обстановка в семейно-бытовых отношениях с апреля по июнь 2020 года.

Примечательно, что внесение изменений в ст. 156 УК РФ в виде примечания с разъяснением признака «жестокое обращение с несовершеннолетним» рассматривается на различных уровнях законодательной власти уже четыре года. Два года назад законопроект № 14296-7 прошел первое чтение и был отправлен на доработку.

В законопроекте предлагается под жестоким обращением с несовершеннолетним понимать сопряженное с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего применение физического или психического насилия в отношении несовершеннолетнего, покушение на его половую неприкосновенность, пренебрежение жизненными потребностями несовершеннолетнего, если эти действия (бездействие) создают реальную угрозу причинения вреда жизни или здоровью несовершеннолетнего либо направлены на причинение вреда жизни или здоровью несовершеннолетнего¹. На наш взгляд данное

¹ Паспорт законопроекта № 14296-7 «О внесении изменения в статью 156 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части введения легального понятия «жестокое обращение с несовершеннолетним»). – URL : <http://sozd.duma.gov.ru/bill/14296-7> (дата обращения 10.05.2020).

определение, закрепленное легально в уголовном законе, позволит правоприменителю оперативно устанавливать границы между опасным и вредным неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетних и включаться в ситуации опасные для жизни и здоровья детей.

В связи с этим параллельно с вопросами квалификации ст. 156 УК РФ и ст. 5.35 КоАП РФ должны решаться и вопросы реализации концепции ювенальной юстиции в России. Когда в вопросы воспитания должны внедряться правоохранительные органы? Что делать с жестокими родителями, опекунами и пострадавшими детьми? Какие органы должны незамедлительно включаться в опасную для здоровья и жизни ребенка ситуацию?

Уже 10 лет в России на различных уровнях имеет место противоборство сторонников и противников ювенальной юстиции. Юристы доказывают эффективность и своевременность внедрения этого института в нашей стране. Общественные организации, напротив разрабатывают программы «борьбы» с органами опеки и попечительства¹.

Представляется, что в основе такого мнения находится общее непонимание населением границ правового регулирования семейных отношений и защиты несовершеннолетних, в том числе уголовно-правовыми нормами через институт ювенальной юстиции.

Это естественно, так как до XVIII в. человечество являлось «цивилизацией взрослых» и детство полноценным этапом жизни не рассматривалось.

Самостоятельный статус несовершеннолетние приобретают только в XX в.: в 1959 году принимается Декларация прав ребенка, в 1989 году Конвенция прав ребенка².

В этих международных актах описывается множество прав, которые ребенок имеет с момента рождения. Утверждается и раскрывается сущность обязанностей взрослых, которые призваны обеспечить ребенку «счастливое детство», гарантируя ему стабильность и безопасность с момента появления на свет.

¹ Родительское всероссийское сопротивление. – URL : <https://rvs.su> (дата обращения 10.05.2020).

² Автомонов А.С. Ювенальная юстиция. – М., 2009. – С. 17.

Однако сегодняшние реалии в России и во многих европейских странах таковы, что права ребенка далеко не всегда соблюдаются. В связи с этим практически во всех развитых странах в настоящий момент действуют специальные суды и существуют органы опеки и попечительства, обеспечивающие безопасность детей. В процессе правоприменения не обходится без перекосов в сторону тотального контроля над родителями и педагогами, что, по сути, лишает взрослых права выбора способа воспитания детей, коррекции их девиантного поведения.

Ребенка могут изъять из семьи если: не созданы требуемые жилищные условия, у родителей низкий доход (экономическое насилие), имеет место излишний контроль над детьми (эмоциональное насилие), присутствуют любые формы психологического и физического насилия и т.д.

Создается впечатление, что родители и педагоги находятся в рамках презумпции виновности ювенальной юстиции. Любое принуждение или призыв к какому-либо действию ребенка со стороны родителей и педагогов классифицируется службами социальной опеки как проявление насилия.

Представляется, что для адекватного развития этого института в России требуется серьезная просветительская работа по вопросам соотношения норм права и морали в области семейного права, формирование качественного аппарата опеки.

Негативный аспект защиты прав детей во всех сферах должен измениться на созидательный. А ст. 156 УК РФ в ближайшее время должна быть дополнена примечанием с легальным разъяснением признака «жестокое обращение с несовершеннолетним». Полагаем, что это послужит определенным ориентиром и гарантией как для родителей и педагогов, так и для правоохранительных органов.

*Аведян Ирина Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ)

Анализируя материалы судебной и следственной практики России по делам об уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, мы столкнулись с неоднозначностью применения уголовно-правовых норм, в части признания лица субъектом вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность.

По мнению Э.Ф. Габдрахмановой, «...этому способствуют различные научные подходы при решении вопросов квалификации действий лиц, лишенных родительских прав, осуществляющих педагогические функции, и др. Трудности в работе органов предварительного расследования обусловлены меняющимся законодательством в области законного представительства образования, осуществления воспитательных функций сочетанием федерального и регионального законодательства регулирующего вопросы детей оставшихся без попечения родителей»¹.

Законодатель придает повышенную общественную опасность вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления родителем, педагогическим работником либо иным лицом

¹ Проблемы признания места лица специальным обеспечивающие субъектом вовлечения обеспечивающие несовершеннолетнего в совершение уходящие преступления // разделении Евразийский юридический внешней портал. 2010–2017 гг. – URL : http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=4629%3A2015-07-07-06-57-07&catid=38%3A2010-12-22-07-41-07&Itemid=1 (дата обращения 18.12.2017).

предусмотренном законом. В основе отнесения лиц к квалифицированному составу (ч. 2 ст. 150 УК элемент РФ)¹ и усиления ответственности лежит только выполнение воспитательных функций в отношении вовлекаемого в преступление несовершеннолетнего.

В уголовном праве России нет единого мнения на процесс непосредственного привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 150 УК РФ родителей лишенных родительских прав или ограниченных в родительских правах. В следствии чего, сложились две позиции. Согласно первой не могу быть квалифицированы по ч. 2 ст. 150 УК РФ действия лица, лишенного родительских прав. Другие исследователи к родителям относят отца и мать вовлекающих в преступление несовершеннолетнего, в том числе лишённых родительских прав при условии что они не утратили своего влияния на несовершеннолетнего².

По нашему мнению родители, которые лишены родительских прав или ограничены в правах, могут нести уголовную ответственность только в качестве общих субъектов вовлечения несовершеннолетнего в процесс совершения преступления, поскольку теряют правовой статус родителей и, соответственно функцию непосредственного воспитания несовершеннолетнего. Это следует из положений ст. 71, 74 Семейного кодекса РФ, п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. «О применении судами законодательства при разрешении споров связанных с воспитанием детей»³, согласно которым родители утрачивают все права, основанные на факте родства с ребенком в том числе право на личное воспитание.

На наш взгляд, уголовная ответственность непосредственно по ч. 2 ст. 150 УК РФ должна наступать и в случае малолетнего возраста вовлекаемого. Социальная и психологическая незрелость ребенка, обусловленная его возрастом только, усиливает

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2015 № 441-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 18.12.2017).

² Кудрявцев В.Н., Наумов А.В. Курс российского уголовного права. Особенная часть : учебник. – М. : Спарк, 2012. – С. 292.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (с изменениями и дополнениями). – URL : <http://base.garant.ru/12111896/#ixzz5GJwoRxGn>

общественную опасность совершенного преступления. Конструкция ст. 150 УК РФ использует слова «преступление» и «деяние» как синонимы. Это подтверждает и судебно-следственная практика. Процессуальные документы должны непосредственно отражать все установленные по делу квалифицирующие признаки преступления, вне зависимости от части статьи 150 УК РФ, по которой предъявлено обвинение.

Так, суд обоснованно переквалифицировал действия матери вовлекшей несовершеннолетних дочь и ее друга в совершении кражи из помещения, с ч. 4 ст. 150 УК РФ на ч. 1 ст. 150 УК РФ. В приговоре было указано что суд также не может перейти на ч. 2 ст. 150 УК РФ и вменить ей признак вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем уговоров и угроз совершенное родителем на которого законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего поскольку органами предварительного следствия такой признак при предъявлении обвинения ей не вменялся¹.

К специальным субъектам вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления относится и непосредственно педагогический работник. Подтверждающими документами в уголовном деле являются заверенные копии трудового договора, приказа (распоряжения) работодателя о приеме на работу, должностные (служебные) обязанности и др.

Понятие педагогического работника раскрыто в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с изм. от спроса 02.05.2015) «Об образовании в Российской Федерации»². Педагогический работник должен выполнять определенные законом и трудовым договором воспитательные функции в отношении вовлекаемого ребенка. Авторы комментария к Уголовному кодексу РФ отмечают, что ответственность по ч. 2 ст. 150 УК РФ должен нести не только педагог, но и иной педагогический работник, который «в

¹ Габдрахманова Э.Ф. Проблемы признания лица специальным субъектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. – URL : http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=4629%3A2015-07-07-06-57-07&catid=38%3A2010-12-22-07-41-07&Itemid=1

² Федеральный Закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Редакция от 29.12.2017 (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.03.2018)) «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 18.12.2017).

отношении подростка, вовлеченного в совершение преступления, выполняет воспитательные функции (например, тренер подростка, занимающегося в спортивной секции, руководитель художественного кружка и в досуговом центре услуг и т.д.)»¹.

К третьей группе специальных субъектов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления относятся иные лица. В научной литературе понятие иного лица, для применения его к рассматриваемому составу преступления, имеет расширительное толкование.

В качестве иных лиц могут быть признаны опекуны (попечители), приемные родители и т.п. Определяющим для таких лиц является непосредственное закрепление в законе функции воспитания несовершеннолетнего.

В юридической литературе к иным лицам нередко относят фактических воспитателей несовершеннолетнего (опекуна, попечителя, отчима, мачеху, дедушку, бабушку, взрослых братьев и сестер). Констатируется, что ответственность в данном случае может наступить для указанных лиц только тогда, когда у несовершеннолетнего отсутствуют родители или если родители лишены родительских прав, а законом на них возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних или взявших несовершеннолетнего на постоянное воспитание и содержание и вовлекающих его в совершение преступления².

Иными лицами, ответственными за воспитание, непосредственно являются педагогические, медицинские, социальные работники, психологи и другие специалисты.

Виновный по отношению к вовлекаемому в совершение преступления несовершеннолетнему является не посторонним человеком, а лицом, на котором лежит юридическая, установленная законодательством о семье или другими нормативными актами, обязанность по воспитанию подростка. Научное толкование понятия «иное лицо» дано и в научно-практическом пособии под ред. А.В. Галаховой. При всем многообразии подходов в раскрытии

¹ Смолева Е.О. Преступность несовершеннолетних: состояние и тенденции // Вопросы территориального развития. – 2013. – № 10. – С. 3–10.

² Пономарев П.Г. Уголовная ответственность за преступные посягательства на семью и несовершеннолетних // Российский следователь. – 2011. – № 8. – С. 37.

понятия «иное лицо», все они объединены одной главной функцией – функцией воспитания¹.

Итак, специальными субъектами применительно ст. 150 УК РФ являются непосредственно родители, педагогические работники и иные лица, на которые законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. В отношении каждого из группы специальных субъектов необходимо устанавливать их конкретный правовой статус на момент совершения преступления. В качестве подтверждающих документов могут рассматриваться непосредственно надлежаще заверенные копии записи акта о рождении ребенка, трудового договора, решения органа опеки и попечительства об устройстве ребенка, должностных обязанностей и т.п. Мы разделяем точку зрения о том, что педагогический работник должен находиться в трудовых отношениях с организацией, в которой находится или определен на воспитание несовершеннолетний. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления виновным в случае его лишения родительских прав, ограничения в родительских правах, не установления факта отцовства исключает квалификацию вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления как совершенного специальным субъектом. Обязательным условием квалификации по анализируемой части статьи 150 УК РФ действий педагогического работника или иного лица, установление возложение законом обязанности воспитания только в отношении непосредственно вовлеченного в преступление несовершеннолетнего.

На основании рассмотренных позиций, на наш взгляд, диспозиция части 2 статьи 150 УК РФ нуждается в дополнении словами: «фактическим воспитателем».

¹ Научно-практическое пособие / Ю.И. Антонов, В.Б. Боровиков, А.В. Галахова и [др.]; Под ред. А.В. Галаховой. – М. : Норма, 2014. – 736 с.

*Рудик Михаил Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал
Краснодарского университета
МВД России*

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 207 УК РФ

Общественная безопасность как объект уголовно-правовой охраны представляет собой полную совокупность ценностей, благ, регулирующих безопасные условия жизни общества. Надлежащее состояние безопасности в обществе обеспечивает, прежде всего, государство. Именно оно должно формировать систему обеспечения общественной безопасности, то есть совокупность мер политического, правового, экономического, организационного, информационного и иного характера. Эта система своей основной задачей поддержку социально приемлемого уровня общественной безопасности.

Однако, некоторые лица, руководствуясь хулиганскими мотивами ставят своими действиями безопасные условия жизни общества под угрозу, и общественную безопасность в целом, путем распространения заведомо ложных сообщений об акте терроризма. В связи с чем существует необходимость уяснения какого рода общественные отношения страдают от такого рода действий.

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации, человек, его права и свободы, здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в государстве наивысшей ценностью [1]¹.

¹ Конституция Российской Федерации (официальный текст с внесенными 01.07.2020 г. поправками). Российская газета, 2020 г. № 144. Ст. 8198.

Общая безопасность как условие функционирования и развития общества имеет две составляющие, которые оцениваются объективными и субъективными критериями индекса безопасности. Объективный критерий – это уровень реальной защищенности системой законодательного регулирования, организационными мерами для использования материальных средств, реализацией этих мер правоохранительными и другими органами. Субъективный критерий – часть общественной психологии: ощущение состояния защищенности, общественное спокойствие, ощущение своей безопасности и безопасности других, неприкосновенности имущества, уверенность в нормальной работе государственных и общественных институтов и т.д. [2, с. 17]¹.

Категория «общая безопасность» бесспорно, имеет важное значение. Ученые в области права выделяют особую роль для этой категории, подчеркивая, что она отражает реальную картину, независимо от того, обеспечивается безопасность и защита публичного или частного интереса. Тем самым подчеркивается, что такое благо, как безопасность – это не что иное, как состояние защищенности интересов всего общества, всех его структурных подразделений. В то же время общественную безопасность следует рассматривать как самостоятельное благо, которое в свою очередь призвано обеспечить безопасное существование других благ в контексте ценностного подхода.

Адаптируя категорию «общественная безопасность» к теории «объект преступления – общественные отношения», сторонники этой теории, связывая понятие общественной безопасности с нарушением определенных правил, которые необходимо соблюдать при взаимодействии людей с техническими системами, механизмами и химическими веществами. Или если это связано с нарушением правил обращения с опасными предметами (легковоспламеняющиеся вещества), так же рассматривают общественную безопасность через призму общественных отношений. Так, А. Туманов и В. Фризько определяют это явление как совокупность косвенных источников повышенной опасности, которые способны

¹ Овчинникова Г.В. Терроризм. – СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ. – 1998. – 36 с.

причинить вред отношениям, урегулированным юридическими, техническими и организационными нормами. Целью такого взаимодействия является предотвращение и устранение угрозы жизни и здоровью людей, обеспечение безопасности материальных ценностей и окружающей среды [3, с. 21]¹.

Находя свое место, как в общественной психологии, так и в психологии отдельного индивида, общественная безопасность образует такое состояние общественного сознания, такой общественной настроение, которое характеризуется чувством отсутствия угрозы жизни и здоровью, свободе и неприкосновенности людей, собственности и другим ценностям, граждане чувствуют себя в безопасности, свободны от страха. Кроме этого, общественная безопасность создает атмосферу общественного спокойствия, уверенности в надежности и эффективности защиты граждан от возможных посягательств, в ожидании этого соответствующих гарантий, вызывает чувство безопасности, на которую можно положиться, в которой уверены, которая успокаивает. Обратной же стороной ощущения общественной безопасности, является состояние общественного беспокойства, озабоченности в ненадежной охране общества, ощущение наличия опасности, угрозы для жизни, здоровья, имущества и других ценностей, ощущение потери безопасности.

Учитывая изложенное, считаем, что непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 207 УК, является общественная безопасность, которая рассматривается как ценность, которая утрачивается от заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Кроме общественной безопасности указанное преступление наносит ущерб или ставит под угрозу и другие социальные ценности, которые являются дополнительными непосредственными объектами ст. 207 УК. Сюда можно отнести такие социальные ценности, как жизнь и здоровье граждан, собственность, порядок управления. Однако жизнь и здоровье граждан будут дополнительными объектами преступления только в том случае, когда в

¹ Туманов Г.А. Общественная безопасность и ее обеспечение в экстремальных условиях / Г.А. Туманов, В.И. Фризко // Советское государство и право. – 1989. – № 8. – С. 21. – URL : <http://lawlibrary.ru/article1008867.html> (дата обращения 10.03.2020).

действиях виновного лица отсутствует умысел на лишение жизни и причинение вреда здоровью граждан. Дополнительный объект рассматриваемого преступления является по сути дела факультативным, поскольку ценности, его образующие, испытывают вред не во всех случаях. Терминологически это понятие совпадает с понятием общей безопасности. Однако, по объему, содержанию, сущности они не соотносятся, поскольку общая безопасность как объект – это та ценность, которая страдает не только от одного преступления, а от целого вида тождественных преступлений, перечисленных в разделе IX главе 24 УК РФ.

*Эфрикян Рубен Альбертович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
СКФ ФГБОУВО РГУП*

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА ПО БОРЬБЕ С ХИЩЕНИЯМИ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ОБЪЕКТАХ ДО 40-х ГОДОВ 20 ВЕКА

Проблема борьбы с хищениями на железнодорожном транспорте как самостоятельный предмет деятельности правоохранительных органов возникла после появления этого вида транспорта, который, как известно, способствовал промышленной революции в Западной Европе начала XIX в.¹ Однако в контексте нашего исследования важнее отметить то обстоятельство, что этот вид сухопутного транспорта (в отличие от гужевого) приобрел такую социально-экономическую и техническую специфику, что сразу привлек внимание преступников-расхитителей чужого имущества, причем в таких масштабах, что потребовалось корректировать законодательство, а также создавать специализированные органы по охране перевозимых грузов и безопасности пассажиров. Данный

¹ История экономических отношений / Под ред. В.А. Новикова. – Л., 1989. – С. 43–47.

процесс происходил по мере совершенствования железнодорожного транспорта.

К моменту начала эксплуатации железных дорог в России действовал Свод законов уголовных 1832 г.¹, однако в нем, разумеется, упоминаний о железной дороге еще не было. То же касается и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.², которое, собственно, заменило Свод законов уголовных. И лишь в новой редакции Уложения (эта редакция 1885 г. в своей основе действовала до 1917 г.)³ появляются составы преступлений, связанных с железнодорожным транспортом. К тому моменту законодатель довольно подробно уже отрегулировал составы хищений чужого имущества.

Так, если говорить о краже, то Уложение о наказаниях к отличительным признакам этой формы хищения отнесло тайность и ненасильственный характер. В этом законе различались кражи, совершенные при «особо увеличивающих вину обстоятельствах», а также при смягчающих обстоятельствах. Составители не смогли избежать чрезмерной сложности и дробности в классификации кражи на виды. Так, тайное похищение имущества распалось на множество видов, выделяемых с учетом особенностей предмета, обстановки, способа действия, субъекты преступления, например, кражу на сумму не свыше 300 руб., кражу предмета ценою свыше 300 руб. (ст. 1655, 1656); кражу заведомо необходимого для пропитания обокраденного (п. 4 ст. 1659); кражу документов заведомо для виновного принадлежащих к делам какого-либо суда или управления (ст. 1658); кражу частных документов, удостоверяющих какие-либо имущественные или личные права (ст. 1657). По обстановке деяния выделялись: кража из повозки, принадлежащей частому лицу или из повозки публичной (ст. 1651); кража в присутственном месте или многолюдном собрании (п. 1 ст. 1659); кража ночью (п. 2 ст. 1659); кража во время общественных бедствий (пожара, наводнения и т.п. – ст. 1646).

¹ Свод законов уголовных 1832 г. // Свод законов Российской империи. – СПб., 1835. – Т. 14.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Свод законов Российской империи. – СПб., 1847. – Т. 14.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. // Свод законов Российской империи. – СПб., 1910. – Т. 14.

Подобные составы определялись также для других видов хищений – грабежа, разбоя, мошенничества, присвоения и растраты чужого имущества. В контексте нашего исследования интерес представляет ряд статей Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Так, согласно ст. 1652 установлена уголовная ответственность «за кражу сундуков, чемоданов или тюков с почтовых повозок, дилижансов или других, учрежденных правительством, обществами или частными лицами, для путешественников или перевоза клади, транспортов». Как видно, здесь законодатель употребляет слово «транспорты» в множественном числе, но при этом не называет конкретно железнодорожный транспорт, хотя, на наш взгляд, совершенно очевидно, что этот вид транспорта подпадает под действие данной статьи Уложения.

Если иметь в виду санкции, то указанное деяние без квалифицирующих признаков наказывалось лишением всех прав особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения по третьей степени ст. 31 данного Уложения (то есть по сути лишение свободы в этих учреждениях на срок от 2,5 до 3 лет). При совершении такого же преступления повторно срок увеличивался – от 4 до 5 лет, при совершении преступления в третий раз – срок составлял от 5 до 6 лет. Четвертое такое же преступление каралось уже каторжными работами на срок от 4 до 6 лет.

В ст. 1652 Уложения предусматривается ответственность за те же действия, но совершенные в отношении тех же предметов, но принадлежащих «частным людям». Санкция менее строгая – исправительные арестантские отделения на срок от 1 до 1,5 года. В отличие от предыдущей статьи, здесь предусматривается случай пятикратной такой кражи, и тогда максимальная санкция – каторжные работы на срок от 4 до 6 лет, то есть эта мера наказания по предельному параметру такая же, как и в ст. 1651 Уложения.

Отношение к хищениям на железнодорожном транспорте имеет и ст. 1659 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, согласно которой наказание за кражу может быть по усмотрению суда «возвышено одной или двумя степенями» в определенных в этой статье случаях. В частности, речь идет том, что, если

кража совершена «из запертых хранилищ движимого имущества, посредством разрушения или повреждения, на месте преступления, сих хранилищ или же препятствующих доступу в оные заповоры». Другой случай касается кражи, совершенной, если использовать современную терминологию, с проникновением в «обитаемое или необитаемое строение», в том числе «движимого имущества». Как нам представляется, такой подход законодателя может быть полезен для современного состояния правового регулирования ответственности за хищения на железнодорожном транспорте.

В целом, как видно, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных нет норм об ответственности за хищения именно из объектов железнодорожного транспорта, хотя это в нескольких статьях совершенно очевидно подразумевается. Вместе с тем в главе 10 Уложения («О нарушении правил, установленных для сохранения путей сообщения») железная дорога упоминается. Так, в ст. 1080-1 (принята в 1906 г.) предусмотрена ответственность тех, «кто неумышленно, по неосторожности или даже случайно повредит или загромоздит путь железной дороги и не доведет об этом до сведения железнодорожного сторожа ... или, по крайней мере, не примет тотчас всех зависящих от него мер к предотвращению опасности», подвергается заключению в тюрьме от 2 до 4 месяцев¹. Довольно строгое наказание предусматривалось за умышленное повреждение железной дороги «когда оно может подвергнуть опасности следующий по сей дороге транспорт, и виновный знал, что последствием сего должно быть несчастье» (ст. 1080 Уложения)². Здесь мера наказания (максимальная) – каторжные работы на срок от 8 до 12 лет.

Если же преступник указанные действия совершал «с намерением подвергнуть опасности следующий по железной дороге транспорт», то согласно ст. 1082 Уложения ответственность должна была быть такой же, как и за умышленное убийство (каторжные работы на срок от 12 до 20 лет или без срока). Именно по ст. 1081 Уложения предъявлял обвинение следователь в известном

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. // Свод законов Российской империи. – СПб., 1910. – Т. 14. – С. 139.

² Там же. – С. 142.

рассказе А.П. Чехова¹. Вместе с тем здесь, на наш взгляд, возникает конкуренция норм, связанная с тем, какой умысел имел правонарушитель. Так, в случае с героем рассказа Чехова умысел был направлен на похищение гайки от рельсового крепления, но фактически имело место повреждение железной дороги, что также не могло не охватываться умыслом виновного, и по силе санкций квалификация имела место не за хищение, а за повреждение. Здесь возникает вопрос о квалификации в случае, если происходит хищение с отягчающими обстоятельствами, санкция за которое строже, чем за повреждение, однако этот вопрос мы рассмотрим в заключительной главе настоящей работы.

В Уголовном уложении 1903 г.² нашел определенное отражение процесс развития железнодорожного транспорта как социально-экономической структуры, равно как сказалось и развитие правовых наук, а также законодательной техники. Во всяком случае, составы преступлений о хищениях здесь сконструированы принципиально по-иному, и прежде всего это касается значительно более высокого уровня обобщения и соответственно уменьшения объема законодательного текста. Обращает на себя внимание, что «кража» в Уголовном уложении именуется как «воровство», грабеж как самостоятельный состав преступления исключен вообще. Вместе с тем перечень отягчающих и смягчающих обстоятельств в целом принципиально не изменился.

Здесь интерес представляет ст. 581 Уголовного уложения, согласно которой виновный в похищении, тайно или открыто (как видно, состав грабежа включен в состав данного преступления), чужого движимого имущества с целью присвоения этого имущества мог быть дополнительно наказан судом тюремным заключением на срок 2 года в определенных законодателем случаях, в том числе «если воровство учинено во время хода железнодорожного поезда или при его остановке». Тем самым российской законодатель впервые выделяет хищение на железнодорожном транспорте как отягчающее обстоятельство. Однако следует заметить, что

¹ Чехов А.П. Злоумышленник // Собр. соч. – М., 1959. – Т. 2. – С. 122–123.

² Уголовное уложение 1903 г. // Свод законов Российской империи. Дополнительный том. – СПб., 1910.

указанные нормы, равно как и другие главы Уголовного уложения (за исключением первых двух глав), как известно, так и не были объявлены действующими.

После Октябрьской революции 1917 г. новая советская власть, укрепившись после Гражданской войны, предприняла активные меры по дальнейшему развитию железнодорожного транспорта, не изменяя созданной до этого инфраструктуры, но несколько по-иному формируя органы управления железнодорожным транспортом – в соответствии с фундаментальным принципом огосударствления собственности. Уже 08 ноября 1917 г. был создан Народный комиссариат путей сообщения. В 1918 г. железные дороги, принадлежавшие до этого казне Российской империи, акционерным обществам и частным владельцам, были национализированы и переданы в ведение НКПС. Казённые дороги были национализированы в апреле 1918 г., а частные в сентябре. Учитывая важность нормализации работы железных дорог II Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов 26 октября 1917 г. принял обращение «Ко всем железнодорожникам»¹, в котором призывал их принять меры по сохранению полного порядка на железных дорогах, обеспечению беспрепятственного пропуска продовольствия в города и на фронт. В условиях Гражданской войны на железных дорогах страны было разрушено 86 железнодорожных мостов, выведено из строя до 70 % паровозов, 15 тысяч вагонов. Движение было дезорганизовано, так как телефонные и телеграфные линии связи были нарушены, аппараты для связи сломаны или украдены. С целью нормализации положения на железнодорожном транспорте, для обеспечения продвижения воинских эшелонов, подвоза топлива и продовольствия к городам, 28 ноября 1918 года было введено военное положение. На железные дороги были назначены чрезвычайные комиссары, имеющие особые полномочия. Комиссары подчинялись наркому путей сообщения. Железнодорожники на время действия положения считались призванными на военную службу.

¹ Обращение II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов к железнодорожникам о сохранении порядка на железных дорогах от 26 октября 1917 г. // Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сборник документов / Под ред. А.Ф. Бутенко и Д.А. Чугаева. – М. : Госполитиздат, 1957. – С. 416–417.

В начале 1919 г. положение на транспорте всё ещё оставалось угрожающим. Для усиления влияния партии большевиков на массы железнодорожных рабочих, ЦК РКП(б) решил направить 5000 коммунистов на транспорт. Ущерб, нанесённый железнодорожному транспорту в годы Гражданской войны, заставил разместить в 1920 г. заказ на производство 1200 паровозов за рубежом, главным образом на заводах Германии и Швеции. Организацией заказа паровозов за границей ведала Российская железнодорожная миссия во главе с Ю.В. Ломоносовым. В 1932 г. было принято решение СНК о реконструкции железных дорог. Этим решением предусматривалось: усиление пути за счёт укладки более тяжёлых рельсов, широкое использование щебёночного балласта, создание мощных паровозов, большегрузных 4-осных вагонов, перевод подвижного состава на автотормоза и автосцепку, создание систем полуавтоматической и автоматической блокировки, внедрение механической и электрической централизации стрелок и сигналов и др. В 1940 г. эксплуатационная длина сети достигла 106,1 тыс. км, перевозки грузов составили 592,6 млн т. Во время Великой Отечественной войны европейская часть сети железных дорог была полностью разрушена, потеряно 40 % вагонов и 50 % локомотивов¹. Несмотря на это, железнодорожный транспорт полностью обеспечил военные перевозки и доставку грузов на фронт.

В 1946 г. Народный комиссариат путей сообщения был преобразован в МПС СССР. В 1954 г. из состава МПС выделилось Министерство транспортного строительства СССР (с 1992 г. преобразовано в концерн «Трансстрой»). В послевоенное время, завершив восстановление разрушенного хозяйства, МПС выступило с инициативой перспективного (на 20 лет) развития и модернизации железнодорожного транспорта. Программой предусматривалась дальнейшая электрификация, внедрение тепловозной тяги, автоматизация и механизация производств, процессов, реконструкция заводов транспортного машиностроения. Благодаря реализации программы в 1975 г. протяжённость сети увеличилась на 17,6 тыс. км, объёмы перевозок выросли в 3 раза (3621,1 млн т); 51,7 % перевозок осуществлялось электровозами и 47,9 %

¹ Железнодорожный транспорт XX века. – М., 2000. – С. 32–35.

тепловозами; 38,9 тыс. км были электрифицированы; 62,4 тыс. км оснащены автоблокировкой. В 1982 г. был предложен план развития железнодорожной отрасли, в основу которого положена стратегия внедрения во все звенья транспортного конвейера интенсивных технологий на базе автоматизации производства и более широкой механизации ручного труда. В 1988 г. был достигнут самый высокий уровень объёма перевозок (4116 млн т. груза и 4395,9 млн пассажиров) при увеличении сети только на 3,4 тыс. км.

Советский законодатель, регулируя ответственность за хищения, предельно упрощал составы преступлений. Так, в первом советском УК РСФСР 1922 г.¹ кража определена как тайное похищение имущества, находящегося в обладании, пользовании или ведении другого лица или учреждения (ст. 180). Ответственность за совершение кражи определялась на следующих основаниях:

а) кража у частного лица без применения каких-либо технических приемов (простая кража) – карается принудительными работами на срок до шести месяцев или лишением свободы на шесть месяцев;

б) кража с применением орудий или инструментов, или других технических приспособлений и приемов, или когда она совершена лицом занимающимся кражами как профессией, или когда похищенное было заведомо необходимым средством существования потерпевшего, или же когда она совершена по предварительному соглашению с другими лицами (квалифицированная кража) – карается лишением свободы со строгой изоляцией на срок до двух лет;

в) кража лошадей или крупного рогатого скота у трудового земледельческого населения – карается лишением свободы на срок не ниже двух лет;

г) простая кража из государственных или общественных складов и учреждений – карается лишением свободы на срок до одного года или принудительными работами на тот же срок;

д) простая кража из государственных или общественных учреждений и складов или из вагонов, парашедов, барж и других

¹ УК РСФСР 1922 г. // История уголовного законодательства советского государства (1917–1991 гг.). Сб. правовых актов / Сост. И.В. Упоров и [др.]. – Краснодар, 2000. – С. 28–73.

судов и совершенная лицом, имеющим в силу своего служебного положения доступ в таковые, – карается лишением свободы на срок не ниже одного года;

е) простая кража из государственных или общественных учреждений и складов, из вагонов и судов, совершаемая лицом, которому поручено заведование таковыми или их охрана – карается лишением свободы на срок не ниже двух лет со строгой изоляцией;

ж) квалифицированная кража, совершенная из государственных учреждений, складов и других хранилищ, – карается лишением на срок не ниже двух лет со строгой изоляцией;

з) хищение из государственных складов, вагонов, судов и др. хранилищ, производившееся систематически или совершенное ответственными должностными лицами или в особо крупных размерах похищенного, – карается лишением свободы на срок не ниже 3 лет или высшей мерой наказания Составы грабежа, разбоя, мошенничества и присвоения также упрощены.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что советский законодатель определяет хищение из вагонов как квалифицирующий признак, при этом совершенно очевидно, что имеются в виду вагоны железнодорожного транспорта. Как видно, в первом советском уголовном законе учитывается специфика, определяемая особенностью железнодорожного транспорта.

Принятый после образования СССР УК РСФСР 1926 г.¹ принципиальных изменений в указанные диспозиции составов хищений не внес. При этом выделяются два обстоятельства. Во-первых, достаточно четко прослеживается разделение имущества на личное и государственное. Во-вторых, на содержание диспозиций влияет новая стратификация общества, в которой приоритет отдается трудящимся.

Вместе с тем законодатель привнес нюансы, которые имеют отношение к проблеме законодательного регулирования уголовной ответственности за хищения на железнодорожном транспорте.

¹ УК РСФСР 1926 г. // История уголовного законодательства советского государства (1917–1991 гг.). Сб. правовых актов / Сост. И.В. Упоров и [др.]. – Краснодар, 2000. – С. 74–133.

Так, в ст. 162 УК РСФСР указывается, что отягчающим обстоятельством при совершении кражи является хищение из вагонов, совершенное частным лицом, путем применения технических средств или по сговору с другими лицами, или неоднократно, а равно лицом, имеющим специальный доступ к этим хранилищам (помимо вагонов указаны также склады, суда и иные хранилища)¹. Как видно, хищение без применения технических средств из хранилища (а вагон – это «иное хранилище») уже не являлось квалифицирующим признаком.

В дальнейшем в советском государстве принимались отдельные законы, направленные на усиление наказания за хищения, и прежде всего государственного имущества. Так, 07 августа 1932 г. по инициативе Сталина ЦИК и СНК СССР принимают Постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»², известное в народе как «закон от седьмого-восьмого» (седьмого числа восьмого месяца) и как «закон о пяти колосках». Это Постановление ЦИК и СНК СССР поражает своей жестокостью. Люди, покушавшиеся на общественную собственность, объявлялись врагами народа. За такие преступления предусматривались длительные сроки лишения свободы и расстрел. Так, в ст. 2 первого раздела этого закона указывалось: «Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже десяти лет с конфискацией имущества». Указывалось также, что к преступникам, осужденным за деяния, сформулированные в данном законе, амнистию не применять.

Этот закон, как свидетельствуют исторические источники, был принят по инициативе Сталина. 20 июля 1932 г. он направил

¹ УК РСФСР 1926 г. // История уголовного законодательства советского государства (1917–1991 гг.). Сб. правовых актов / Сост. И.В. Упоров и [др.]. – Краснодар, 2000. – С. 120.

² Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 07 августа 1932 г. // СЗ СССР. – 1932. – № 62.

Кагановичу письмо следующего содержания: «За последнее время участились, во-первых, хищения грузов на железнодорожном транспорте (расхищают на десятки миллионов рублей); во-вторых, хищения кооперативного и колхозного имущества. Хищения организуются главным образом кулаками (раскулаченными) и другими антисоветскими элементами, которые стремятся расшатать наш новый строй. По закону эти господа рассматриваются как обычные воры, получают 2–3 года тюрьмы (формальной), а на деле через 6–8 месяцев амнистируются. Подобный режим для этих господ... только поощряет их по сути дела настоящую контрреволюционную работу. Терпеть такое положение невыносимо. Предлагаю издать закон (в изъятие или отмену существующих законов), который позволял бы:

а) приравнивать по своему значению железнодорожные грузы, колхозное имущество и кооперативное имущество к имуществу государственному;

б) карать за расхищение (воровство) имущества указанных категорий минимум 10 годами заключения, а, как правило, – смертной казнью;

в) отменить применение амнистии к преступникам такой «профессии» (эти формулировки и составили основу соответствующего правового акта).

В заключение письма указывалось: «Без этих (и подобных им) драконовских социалистических мер невозможно установить новую общественную дисциплину, а без такой дисциплины – невозможно отстоять и укрепить наш новый строй. Я думаю, что с изданием такого закона нельзя медлить»¹. Мы оставляем в стороне морально-политическую оценку этого акта.

На важно заметить, что на высшем властном уровне констатируется проблема хищений на железнодорожном транспорте. Не случайно в первом же пункте постановления указывается: «Приравнивать по своему значению грузы на железнодорожном и водном транспорте к имуществу государственному и всемерно

¹ Цит. по кн.: Зеленин И.Е. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. – 1999. – № 1. – С. 115.

усилить охрану этих грузов»¹. В марте 1933 г. Президиум ЦИК СССР принял закрытое постановление об итогах применения закона. В этом документе, в частности, говорилось о том, что «дела о мелких единичных кражах общественной собственности, совершенных трудящимися из нужды, по несознательности и при наличии других смягчающих обстоятельств, разрешать на основании соответствующих статей УК союзных республик (ст. 51 УК РСФСР) и соответствующих статей других союзных республик». Кроме того, Верховный суд СССР вынес решение, по которому все жалобы в отношении лиц, осужденных по закону от 07 августа 1932 г., не должны «приниматься Верховным Судом СССР и его коллегиями и должны быть немедленно отосланы в адрес начальника мест лишения свободы для дальнейшего направления в комиссию» (в исправительно-трудовых учреждениях были созданы специальные комиссии для рассмотрения таких жалоб). Такой же порядок был распространен на все другие кассационно-надзорные инстанции². В 1933–1934 гг. издаются новые законы, направленные на усиление уголовно-правовой ответственности за хищения. Так, 16 февраля 1933 г. СНК СССР принимает постановление «О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в государственных и кооперативных торговых предприятиях»³. В июле следующего года ЦИК и СНК СССР принимает постановление «О дополнении уголовных кодексов союзных республик статьей об ответственности за обворовывание потребителя и обман советского государства»⁴, а СНК СССР – постановление «О борьбе с расхищениями денежных доходов на железнодорожном транспорте»⁵. Как видно, вновь акцентируется внимание на проблеме хищений в сфере железнодорожного транспорта, но теперь уже речь идет не о кражах и грабежах, а о мошенничестве и злоупотреблении служебным положением.

¹ Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 07 августа 1932 г. // СЗ СССР. – 1932. – № 62.

² Зеленин И.Е. Указ. работа. – С. 117.

³ СЗ СССР. 1933. № 13. Ст. 176.

⁴ Известия ВЦИК СССР. – 1934. – 06 августа.

⁵ СЗ СССР. 1934. № 40. Ст. 320.

*Абисова Кристина Сергеевна,
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
преподаватель-методист группы
профессионального обучения
учебного отдела Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России*

РЕЛИГИОЗНАЯ РАДИКАЛИЗАЦИЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Сегодня экстремизм и терроризм являются одной из основных угроз национальной безопасности нашего государства. При этом, одной из наиболее массовых форм проявления данных деструктивных явлений выступает, так называемый, религиозный экстремизм и терроризм.

Как известно, «именно кризисные явления в духовной сфере современного общества ... являются одной из основных актуальных проблем, несущих сегодня наибольший криминогенный потенциал, который все чаще проявляется в преступлениях экстремистской направленности и терроризме»¹. Используя псевдорелигиозные ценности, идеологи экстремизма и терроризма манипулируют как отдельными индивидами, так и массовым сознанием людей.

При этом наибольшую опасность несут в себе радикальные течения, возникающие в границах различных религиозных традиций и отделившиеся от них через критику и противопоставления основному вероучению. Религиозные радикалы стремятся бескомпромиссно доводить свои взгляды до логических и практических выводов².

¹ Игнатов А.Н. Кризис духовной сферы как фактор детерминации экстремизма, терроризма и криминального насилия в целом // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 3(41). – С. 48–49.

² Игнатов А.Н. Латентность преступлений, совершаемых на почве ненависти / Под общей ред. А.Н. Игнатова // В сборнике: Противодействие ксенофобии, экстремизму и терроризму в современном обществе. Научные труды Международной научно-практической конференции. – 2012. – С. 151–156.

Религиозный радикализм таит в себе большой деструктивный потенциал, поскольку ставит под сомнение значимые для общества ценности и отношения, и служит питательной средой для социального и религиозного фанатизма. Религиозный фанатизм в свою очередь приводит людей к совершению противоправных, прежде всего, экстремистских действий¹. Религиозные организации или организации с отдельными чертами религиозности, ориентированные на религиозно мотивированный политический радикализм, ставят своей целью силовое изменение основ конституционного строя, разжигание национальной и религиозной ненависти и вражды и иную экстремистскую деятельность.

Религиозную радикализацию можно определить как процесс, в ходе которого лицо приобретает экстремистские взгляды, основываясь на радикальном вероучении, предполагающем коренное деструктивное изменение сознания человека, сопровождающееся идеей о необходимости совершения противоправных актов насильственного характера, оправдываемых верой.

Религиозные радикалы осуществляют свою деятельность по образу и подобию адептов сект и используют самые разнообразные психологические приемы. Например, активное подкрепление, яркое одобрение нужных суждений, поступков – и осуждение нежелательных. Предугадывание реакций, «чтение мыслей», необыкновенная убедительность могут достигаться типичными методами нейролингвистического программирования. Дело в том, что установления, законы и заповеди, данные в Торе, а следом, в Новом Завете и Коране, со временем перестали удовлетворять запросам и велениям новых условий жизнедеятельности. И поэтому появилось множество толкований тех или иных норм Священных Писаний, направленных на их приспособление к изменившимся запросам общества, политической и геополитической надобности. А любое толкование предполагает наличие разномыслия, которое отнюдь не способствует единству общественного сознания. И этим вполне закономерным процессом не могли столь же

¹ Игнатов А.Н. Криминологический анализ угроз экстремистского характера в Крымском федеральном округе : монография / А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров, Д.В. Новиков. – Симферополь : Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2016.

закономерно не воспользоваться в отнюдь не в поисках духовных истин самые различные личности, политические, государственные и религиозные деятели, которые обещанием справедливости и благоденствия увлекали за собой массы людей на борьбу с «неверными».

Факт отсутствия фундаментального образования в религии, или не качественного образования приводит к отходу от религиозной культуры и приводит к фанатизму, что не позволяет религиозному человеку критично обратиться в свой духовный мир, даже напротив предполагает критичное обращение к реальному миру. Данное положение со временем предполагает радикальные взгляды. Радикальные взгляды в свою очередь имеют возможность превращения в лозунги и призывы экстремистского толка. На основе этих призывов и лозунгов нередко осуществляются террористическая деятельность. Важно отметить, что разница между этими ступенями находится не в религии, а в идеологии, которая использует религию в качестве оружия для достижения определенных целей. Необходимо также отметить, что разница между ними зависит от индивидуального психического восприятия, и переход от одного уровня на другой уровень может длиться от нескольких дней до нескольких лет.

Опасной тенденцией современности является религиозная радикализация в местах лишения свободы. В целом за последние годы мы можем наблюдать рост количества лиц, осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности. При этом, как уже отмечалось, в большинстве случаев совершение данных преступлений имеет религиозную мотивацию. Находясь (преимущественно длительные сроки) же в местах лишения свободы (и иных местах принудительного содержания) данные лица, как правило, не только не отказываются от своих взглядов, а продолжают псевдорелигиозное обучение и самообучение, и втягивают в орбиту своей преступной деятельности все больше количество новых лиц.

В своей сущности религия должна играть роль средства исправления осужденных, их дерадикализации, однако данный механизм сегодня, к сожалению, не работает. Говорят, в местах

лишения свободы на самом деле нет атеистов. И с этим, наверняка, стоит согласиться, учитывая потребность человека в вере, прямо пропорционально возрастающую в условиях ограничения свободы и воли человека.

Цель религиозной радикализации лиц, находящихся в местах лишения свободы – не только увеличение количества адептов радикального вероучения, но и вовлечение их в дальнейшем, после освобождения (а также и во время отбывания наказания, путем использование материальных ресурсов, служебного положения и прочих возможностей их родственников и близких), в экстремистскую и террористическую деятельность.

Опасность религиозной радикализации заключенных также состоит в возможности дестабилизации ими ситуации в местах лишения свободы.

Следует учитывать, что активная «проповедническая» деятельность может начинаться ещё в следственном изоляторе, где большое количество подследственных по различным статьям находятся в одной камере и завербовавши определённое количество людей на этапе нахождения в СИЗО радикал делает большую часть своей работы, ведь в последующем уже осужденные распределяются по разным учреждениям, где они будут продолжать деятельность по вербовке новых последователей радикальных религиозных идей.

Детерминанты религиозной радикализации лиц, находящихся в местах лишения свободы, находятся в прямой зависимости от состояния пенитенциарной системы каждого государства¹.

К объективным детерминантам, связанным с особенностями функционирования отечественной пенитенциарной системы, на наш взгляд, следует отнести, прежде всего, следующие:

– разнородные социальные группы лиц, находящиеся в местах лишения свободы. Наличие обширного, разнородного контингента в местах лишения свободы весьма в числе которых немало людей, считающих себя незаслуженно осужденными и

¹ Игнатов А.Н. Религиозная радикализация мест принудительного содержания как фактор экстремизма и терроризма / А.Н. Игнатов, К.С. Абисова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5. – № 3. – С. 136–144.

обиженными, униженными и оскорбленными обществом, властью и социальным устройством страны, обеспечивает благоприятна для вербовочной деятельности;

- «отрядные» условия содержания осужденных, создающих возможность постоянного контакта большого количества лиц;

- отсутствие надлежащего мониторинга религиозного и идеологического критериев количественно-качественного состава лиц, находящихся в местах принудительного содержания, их распределения по соответствующим учреждениям ФСИН России и дальнейшего оперативного сопровождения;

- недостаточная работа по выявлению радикально настроенных лиц в местах лишения свободы, недостаточная квалификация и подготовка оперативных сотрудников ФСИН России и штатных психологов, отсутствие научных и методических разработок по профилактике, предотвращению и пресечению религиозной радикализации спецконтингента со стороны экстремистов и террористов и пр.

К субъективным детерминантам религиозной радикализации лиц, находящихся в местах лишения свободы, следует отнести следующие:

- нарушение критического мировосприятия в связи с нахождением в условиях изоляции, лёгкая внушаемость осужденного, невозможность оказания психологического противостояния;

- повышенная подверженность психологическому заражению в силу угнетенного психического состояния лица, длительного, изолированного от внешнего воздействия, контакта с определенным кругом лиц;

- низкий уровень образованности, отсутствие общего образовательного знания о вере и религии;

- правовой нигилизм, установка на отрицательное отношение к законодательству, правоохранительным органам и государству;

- духовный и информационный «голод»;

- возможность оправдания преступного образа жизни, прежде всего, экстремисткой и террористической деятельности, верой, в том числе посредством «недоступного» большинству «правильного» толкования Священного Писания;

– заманчивость идеологической и духовной составляющей жизни адептов того или иного радикального вероучения, возможность моментально стать членом единого «духовного братства», где существуют взаимовыручка, поддержка, четкий порядок и справедливость, причем, справедливость не по человеческому разумению, а по Божественному закону, данному в Священных Писаниях;

– поиск защиты в принятии радикального вероучения для заключенных с низким социальным статусом. Отличительной чертой религиозных радикалов в пенитенциарных учреждениях является возможность принятия в свои ряды лиц с низким социальным статусом. С одной стороны это не приемлемо для традиционного криминального сообщества, с другой это единственная возможность для таких осуждённых обрести защиту;

– необходимость в психологической разгрузке лица, который находит такую возможность в религии и пр.

Подводя итог вышеизложенному, следует констатировать, что религиозная радикализация это глобальная проблема для нашей страны, и сегодня данное явление не обошло стороной и пенитенциарные учреждения.

Остро стоит вопрос о необходимости усовершенствования деятельности ФСИН России в части изучения радикальных религиозных течений, выработке методик выявления радикально настроенных лиц в местах лишения свободы, предотвращения и пресечения религиозной радикализации спецконтингента со стороны экстремистов и террористов.

Обоснованной является необходимость введения в штат теологов, с целью квалифицированного анализа деятельности приверженцев тех или иных религиозных воззрений, повышения эффективности выявления лиц, исповедующих радикальные религиозные взгляды, обличению ошибочности их мировоззренческих позиций, а также выработке адресных мер по их дерадикализации.

*Наумов Семен Николаевич,
судья Апшеронского районного суда
Краснодарского края*

*Клюев Андрей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
СКФ ФГБОУВО РГУП*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АВТОТРАНСПОРТНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Изменения условий жизни общества и государства всегда в той или иной части отражаются в нормах права. Законодатель подстраивается как под вновь возникающие, так и изменяющиеся общественные отношения. Все это затрагивает каждую отрасль российского законодательства, в том числе и уголовного.

С момента принятия УК РФ 1996 года в него было внесено около пятисот изменений и дополнений. При этом не все они положительно оцениваются российскими учеными¹. Порой законодатель принимается диаметрально противоположные решения в части вопросов уголовно-правового регулирования. Например, факт декриминализации клеветы, осуществлённый Федеральным законом от 07 декабря 2011 года № 420 ФЗ², долго не просуществовал и она через пол года вновь была введена Федеральным законом от 28 июля 2012 года № 141-ФЗ³. Именно такие, до конца не спрогнозированные решения, и приводят к сложностям как законодательного, так и правоприменительного характера.

¹ Побегайло Э.Ф. О бессистемности и криминологической необоснованности современного правотворчества // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Преступность, уголовная политика, закон». – М., 2016. – С. 135–140.

² Федеральный закон от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

³ Федеральный закон от 28.07.2012 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4330.

В этой связи хотелось бы остановиться на одних из последних изменений, которые были внесены в УК РФ Федеральным законом от 17 июня 2019 года №146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹. Сразу следует заметить, что данный закон по объему весьма незначителен, но в содержательной части серьезно изменил некоторые, ранее имеющиеся подходы к уголовно-правовым институтам.

Первое, что поменял законодатель – это категории преступлений. Это коснулось не всех их, а лишь преступлений небольшой или средней тяжести. К преступления средней тяжести стали относиться: «Умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы».

Фактически изменения связываются только с неосторожными деяниями, у которых появился максимальный предел в десять лет лишения свободы. До данных изменений неосторожные деяния, относящиеся к средней тяжести имели свои пределы лишь в первоначальной редакции части 3 статьи 15 УК РФ, которая действовала до принятия Федерального закона № 25-ФЗ от 09 марта 2001 года². К преступлениям средней тяжести относились деяния, за совершение которых максимально предусмотренное в санкции статьи Особенной части УК РФ наказание не превышало пяти лет лишения свободы, но при этом нижний предел в виде лишения свободы должен был превышать два года лишения свободы. Фактически разница между верхним пределом лишения свободы в первоначальной и в действующей редакции части 3 статьи 15 УК РФ существенно отличается. При этом упомянутым законом

¹ Федеральный закон от 17.06.2019 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 25. Ст. 3166.

² Федеральный закон от 09.03.2001 № 25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 11. Ст. 1002.

от 09 марта 2001 года из числа тяжких преступлений неосторожные преступления были полностью исключены.

Законодатель счел, что несмотря на весьма негативные последствия, которые касались важных охраняемых уголовным законом общественных отношений, но совершенные по неосторожности, не могут свидетельствовать о высокой общественной опасности всего преступного поведения. Именно это и послужило основанием для снижения категории неосторожных преступлений с тяжких на преступления средней тяжести, независимо от предельного срока лишения свободы, предусмотренного в санкции статьи Особенной части УК РФ. Такой подход был обусловлен общей гуманизацией уголовного законодательства, которая прослеживалась в течении многих лет.

Подобный подход был продолжен и 08 декабря 2003 года был принят Федеральный закон № 162-ФЗ, которым было расширено количество преступлений, относящихся к средней тяжести за счет умышленных и неосторожных деяний, верхний предел лишения свободы за которые не превышал три года¹.

Фактически мы видим вполне логичное и поэтапное изменение категорий в сторону гуманизации, что подтверждается дальнейшим включением в УК РФ части 6 статьи 15 УК РФ, позволяющей изменять судом категории на менее строгие. При этом следует учитывать, что в науке уголовного права ученые идут уже дальше, предлагая расширить категории средней тяжести за счет увеличения максимально предусмотренного срока лишения свободы за умышленные деяния до семи лет, а за тяжкие – до двенадцати лет². Принятие же новых изменений выбивается из этого ряда и предполагает вернуться к первоначальному положению об отнесении неосторожных преступлений к категории не только небольшой или средней тяжести, но и тяжких преступлений (единственно, что произошло так увеличение сроков лишения свободы, максимально предусмотренных в санкции УК РФ). Хотя даже такое узкое отнесение неосторожных преступлений некоторыми

¹ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

² Шахкелдов Ф.Г. Категории преступлений: анализ и необходимость совершенствования // Российская юстиция. – 2012. – № 8. – С. 63–64.

учеными признавалось неправомерным. В частности, В.А. Нерсесян ранее писал: «Неосторожные деяния, на мой взгляд, достаточно искусственно «пристегнуты» к умышленным деяниям небольшой и средней тяжести, а также тяжким лишь на том основании, что верхние границы санкций, установленных за их совершение, совпадают с верхними границами санкций последних, отнесенных законодателем к соответствующим категориям»¹.

Все вышесказанное вызывает определенные недоумения в такой резкой смене курса законодателя применительно к определению общественной опасности неосторожных преступлений и определения их категории.

Если рассмотреть вторую часть изменений, которые были введены в УК РФ Федеральным законом от 17 июня 2019 года № 146-ФЗ, то становится ясно, что категории преступлений были изменены в угоду только двум составам преступлений, которые стали «выбиваться» из привычного распределения составов преступлений по категориям в виду существенного увеличения санкций в виде лишения свободы. К таким составам относятся нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена (ст. 262 УК РФ) и нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (статья 264 УК РФ). При достаточно внушительном числе неосторожных преступлений, предусмотренных в УК РФ изменять категории для целей предупреждения двух противоправных деяний, к тому же совершаемых по неосторожности, представляется не вполне оправданным.

Определенные возражения вызывает и сам подход законодателя к построению санкций в названных выше нормах, которые, при наличии особо отягчающих обстоятельства, позволили отнести эти два вида неосторожного преступного поведения к числу тяжких преступлений. В качестве квалифицирующего и особо квалифицирующего обстоятельства, свидетельствующего об особой опасности преступного поведения, выступает состояние опьянения, причем к любому их возможному последствию (тяжкий вред,

¹ Нерсесян В. Требуется категоризация неосторожных преступлений // Российская юстиция. – 2000. – № 12.

смерть человека, смерть двух или более лиц), которое существенным образом влияет на усиление уголовно-правовых санкций.

Если рассмотреть санкции статей 263 и 264 УК РФ без учета состояния опьянения (в статье 263 УК РФ – это части 1, 1.1, 2, 3, а в статье 264 УК РФ – части 1, 3, 5), то мы увидим согласованность с иными неосторожными преступлениями, связанными как с самим по себе вредом здоровью и смертью (статьи 109 и 118 УК РФ), так и нарушением специальных правил, повлекших данные последствия (статьи 143, 215, 217, 219 УК РФ и другие). У всех этих санкций отсутствует нижний порог, а верхний применительно к тяжкому вреду здоровью не превышает двух лет лишения свободы, смерти – пяти лет лишения свободы, смерти двух или более лиц – семи лет лишения свободы. При этом закон не исключает совершения преступления в состоянии опьянения, которое будет рассматриваться лишь как возможное обстоятельство, отягчающее наказание (часть 1.1 статьи 63 УК РФ).

Применительно же к скорректированным санкциям статьей 263 и 264 УК РФ, появляется нижний порог санкции в виде лишения свободы. Так, в части 1.2 статьи 263 и части 2 статьи 264 он составляет три года лишения свободы¹, что превышает на один год лишения свободы даже верхний порог санкции за причинение такого же вреда, но при отсутствии состояния опьянения (части 1, 1.1 статьи 263 и часть 1 статьи 264 УК РФ), который на сегодняшний момент составляет два года лишения свободы. Фактически имеет место разрыв в части верхнего предела предыдущей части с нижним порогом следующей части, что нарушает требования к построению уголовно-правовых санкций, которые выработаны теорией уголовного права. Подобное наблюдается и применительно к особо квалифицированным составам рассматриваемых преступлений. В части 4 статьи 263 и части 6 статьи 264 УК РФ он составляет восемь лет, хотя в предыдущих частях последствие в виде смерти двух и более лиц максимально наказывалось семью годами лишения свободы.

При этом получилась определенная нестыковка в последовательности частей статьей Особой части УК РФ, при которых

¹ Следует заметить, что нижний порог лишения свободы отсутствует даже в санкции статьи 111 УК РФ, предусматривающей умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, которое также возможно в состоянии опьянения.

каждая последующая (если только она не представляет собой основной состав преступления – часть 4 статьи 222 УК РФ) является более опасной по отношению к предыдущей и влечет постепенное увеличение верхнего предела санкции. Так, часть 3 статьи 264 УК РФ оказалась менее строгой (лишение свободы до пяти лет) по отношению к части 2 статьи 264 УК РФ (лишение свободы от трех до семи лет), хотя в ней предусмотрено более опасное последствие – смерть человека (в предыдущей тяжкий вред здоровью), а часть 5 статьи 264 УК РФ (лишение свободы до семи лет), предусматривающая смерть двух и более лиц, менее строгая чем часть 4 статьи 264 УК РФ (лишение свободы от пяти до двенадцати лет), предусматривающая причинение смерти только одному человеку.

Учет новых санкций статьями 263 и 264 УК РФ позволяет ставить их в один ряд с умышленными преступлениями против личности, где предусмотрены такие последствия как тяжкий вред здоровью и убийство, в которых, отсутствует такой квалифицирующий признак как состояние опьянения. Так, в части 1 статьи 111 УК РФ за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью предусматривается наказание в виде лишения свободы от двух месяцев до восьми лет, в то время как неосторожное причинение такого же вреда здоровью в состоянии опьянения, но в связи с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, наказывается от трех до семи лет (часть 2 статьи 264 УК РФ). Убийство, предусмотренное частью 1 статьи 105 УК РФ наказывается лишением свободы от шести до пятнадцати лет, а неосторожное причинение смерти в состоянии опьянения, но в связи с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств – от пяти до двенадцати лет лишения свободы (часть 4 статьи 264 УК РФ). Убийство двух и более лиц (пункт «а» части 2 статьи 105 УК РФ) наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет или пожизненным лишением свободы (смертная казнь), а неосторожное причинение смерти двум и более лицам в состоянии опьянения, но в связи с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, наказывается лишением свободы от восьми до пятнадцати лет (часть 2 статьи 265 УК РФ).

Фактически мы видим во многом сопоставимые сроки лишения свободы в части умышленного и неосторожного причинения одних и тех же последствий. Такое положение никак не может признаваться справедливым и верным. Законодатель «ломает» как уже устоявшиеся теоретические подходы, так и сложившуюся правоприменительную практику.

*Легостаев Вячеслав Петрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
СКФ ФГБОУВО РГУП*

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ И ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА

Система мер по противодействию попыток легализации преступных доходов и финансирования терроризма регулируется законодательными, иными нормативно-правовыми актами, которые отражают современный комплекс организационных и правовых мер предупреждения и пресечения рассматриваемых деяний.

Как мы видим, на эффективность борьбы с легализацией доходов, добытых преступным путем и финансирования терроризма какое-то влияние все-таки, оказывают своевременные меры государственного контроля по выявлению финансовых и иных экономических учреждений по «отмыванию» денежных средств. Так, по мнению Г.М. Меретукова эффект борьбы с данным вселенским злом возможен в условиях тесной интеграции всех заинтересованных государств, задачей которых жесткое противодействие легализации доходов, полученных преступным путем и финансирования терроризма¹.

Нельзя сказать, что противодействие с легализацией «отмыванием» преступных доходов, это есть проблема только

¹ Меретуков Г.М. Методика расследования незаконного получения кредита : монография. – Краснодар : КубГАУ, 2014. – С. 25.

Российской Федерации. Так, страны Западной Европы, а также США в 1989 году, организовали межправительственную организацию Financial Action Task Force (FATF). Данная организация была создана для выработки мировых стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Кроме того, она занималась и проведением оценки соответствия национальных систем этим стандартам. По мнению экспертов FATF и Международного валютного фонда, в мире ежегодно отмывается от 500 млрд до 1,5 трлн долл. США. В результате нарушений законодательства из России ежегодно вывозятся миллиарды долларов¹.

Кроме того, впервые нормативное определение «финансирование терроризма» было дано в Международной конвенции «О борьбе с финансированием терроризма», которая была принята в г. Нью-Йорке 09.декабря 1999 года на 76-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН Резолюцией 54/109. Еще до этого, в международном праве определение легализации («отмывания») доходов от преступной деятельности было дано в Венской конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 19 декабря 1988 года, оказавшей большое влияние на развитие соответствующего законодательства западных стран, в том числе и Российской Федерации. Данные международные предписания определили понятия легализации (отмывания) доходов, как деятельности по приданию правомерного вида доходам, полученным преступным путем, и финансирования терроризма.

Нормативно-правовые предписания противодействию данным преступным проявлениям, отразилось и в Российском законодательстве. По действующему уголовному законодательству ответственность за легализацию денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем и финансирования терроризма предусмотрена ст. 174, ст. 174.1, 205.1 УК РФ. Объектом данных преступных посягательств будут являться экономическая деятельность и общественная безопасность. Предметом анализи-

¹ Конвенция Организаций Объединенных наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Заключена в г. Вене 20.12.1988 года) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. – Вып. XLVII. – М., 1994. – С. 133–157.

руемого преступления являются деньги (наличные и безналичные) и иное имущество, приобретенные заведомо преступным путем.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 18.11.2004 года № 23 при постановлении обвинительного приговора по ст. 174 и 174.1, 205.1 УК РФ следствию необходимо достоверно определить, что лицо совершило указанные финансовые операции и другие сделки с денежными средствами или иным имуществом в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом. В деле должны быть «доказательства, свидетельствующие о том, что лицу, совершившему финансовые операции и другие сделки, было достоверно известно, что денежные средства или иное имущество приобретены или получены преступным путем. Если лицо получило денежные средства или приобрело иное имущество в результате совершения преступления, а затем использовало их для совершения финансовых операций и других сделок, в этом случае содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений»¹.

Исходя из вышеизложенного можно с уверенностью отметить, что Россия наряду с другими государствами встала на путь борьбы с легализацией преступных доходов. В 2001 году посредством ратификации Страсбургской Конвенции «Об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности», Россия взяла на себя обязательства по международному сотрудничеству в борьбе с происхождением незаконных доходов. Тем самым присоединившись к основным принципам и приняв их за основу, начала работу в этом направлении. Так, например, 07 августа 2001 года в комитетах Государственной Думы был разработан и принят Федеральный закон № 115-ФЗ, «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Как справедливо подчеркивают А.Н. Королев и О.В. Плешакова, действующая в настоящее время в России система противодействия легализации (отмыванию) доходов от преступной

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмытии) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» // Российская газета. – 07.12.2004. – № 271.

деятельности и финансированию терроризма создавалась с учетом требований рекомендаций Международной рабочей группы по борьбе с отмыванием денежных средств (ФАТФ). Она имеет в своей основе принцип приоритетного использования банковской структуры для целей борьбы с отмыванием преступных доходов. Эксперты ФАТФ исходят из того, что именно банковская система, особенно в эпоху глобализации финансовых услуг, наиболее подвержена рискам, связанным с отмыванием преступных доходов¹. В связи с чем, для идентификации и выявления подозрительных финансовых сделок кредитные организации располагают широким кругом полномочий и возможностей. Ведущие специалисты делают всё, чтобы предотвратить данные нарушения. Согласно статье 4 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» к мерам, направленным на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, относятся: обязательные процедуры внутреннего контроля; запрет на информирование клиентов и иных лиц о принимаемых мерах противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем².

Так, например, в редакции Федерального закона № 115-ФЗ до 2013 г. отечественным законодателем были исключены из числа легализации преступных доходов такие преступления, как – налоговые, некоторые таможенные и валютные преступления. Этим самым фактически были расширены возможности преступников в данных сферах и, с другой стороны, ограничены возможности правоохранительных органов в борьбе с ними. С целью признания преступлением любых действий по легализации (отмыванию) денежных средств, полученных преступным путем, а также с установлением соответствующей ответственности и конфискацией таких средств, в 2013 г. с принятием Федерального закона от 28 июня

¹ Королев А.Н. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма / А.Н. Королев, О.В. Плешакова. – М. : Юстиц Информ, 2012. – С. 81.

² Софронова Ю.И. Проблемы правового обеспечения идентификации кредитными организациями клиентов в целях противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Молодой ученый. – 2018. – № 20. – С. 329–332. – URL : <https://moluch.ru/archive/206/50229/> (дата обращения 15.04.2019).

2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям», данное исключение было устранено, и в настоящее время Федеральный закон № 115-ФЗ полностью соответствует тем международным обязательствам, которые взяла на себя Российская Федерация, ратифицировав большую часть международных конвенций в данной области.

29 июня 2015 год в Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» были внесены поправки, наделяющие банки правом требовать отчет о законности получения денег, а вслед за ним Центральный Банк России утверждает Положение от 15 октября 2015 г. № 499-П «Об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», которое конкретизирует нормы комментируемого закона. Данные нормы могут применяться к физическим, юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям. Эти правовые нормы устанавливают требования по регистрации некоторых видов финансовых операций и идентификации лиц, их совершающих, а также требования к хранению этих материалов.

В соответствии с требованиями Федерального закона от 27.07.2010 № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», информация о том, что кредитной организацией было нарушено законодательство о легализации преступных доходов и финансирование терроризма, подлежит официальному опубликованию. На официальном сайте Банка России в разделе «Информация о кредитных организациях» можно ознакомиться по решениям, связанным с привлечением должностных лиц финансовых учреждений к ответственности. Получается так, что в связи с несовершенством банковской системы контроля, путем преступного сговора с заинтересованными лицами кредитных учреждений и осуществляется легализация «отмывание»

денежных средств. В науке и на практике давно пришли к единому мнению о необходимости совершенствования службы внутрибанковского контроля¹.

Одним из этапов противодействия «отмыванию» грязных денег, в 1999 году было создание Межведомственного центра при МВД России по борьбе с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем. Названный межведомственный центр состоял из сотрудников МВД, Государственного таможенного комитета и ФСБ, в том числе туда входили и представители Министерства экономического развития, Министерства финансов, Налоговой службы и Центробанка России. В компетенцию названной комиссии входила оперативно-профилактическая проверка законности заключаемых внешнеэкономических контрактов. Так, по результатам исследования А.Л. Репецкой, только за 2000 год, в результате проверочных мероприятий, проводимых Межведомственной комиссией, удалось за год вернуть государству 185 млн долл. США и 500 тыс. немецких марок².

Кроме того, комментируемым Федеральным законом РФ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансирования терроризма» от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ, были приняты следующие меры. Так, статья 5 данного закона прописывает перечень организаций уполномоченных на проведение финансовых операций с денежными средствами и иным имуществом. В соответствии с указанной правовой нормой эти финансовые организации должны проводить внутренний контроль. Внутренний контроль должен определять идентификацию личности, а также документальное фиксирование всей информации, полученной от клиента. После чего вся информация должна передаваться специально уполномоченному на то органу – Федеральной службе по финансовому мониторингу. Полномочия по контролю Росфинмониторинга утверждены Указом Президента РФ №808 от 13.06.2012 № 808 (в ред. от 21.12.2013) «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу». Согласно ст. 6

¹ Гамза В.А. Безопасность банковской деятельности: учебник для вузов / В.А. Гамза, И.Б. Ткачук, И.М. Жилкин. – М. : Издательство Юрайт, 2014. – URL : http://static.ozone.ru/multimedia/book_file/1009321145.pdf

² Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2001. – С. 38.

комментируемого закона сделка признавалась контролируемой, если сумма операции с денежными средствами или иным имуществом была равна или превышала 600000 рублей или сумме в иностранной валюте, эквивалентной 600000 рублям или превышающей ее.

По итогам проведенного исследования в Г.М. Меретуков обоснованно полагает, что криминализация кредитно-банковской системы имеет явно устойчивый характер и отличается тенденцией к значительному росту преступлений рассматриваемой категории¹.

Вместе с тем, следует признать, что проблема легализации «отмывания» доходов, полученных преступным путем, не является только проблемой банковских учреждений. Контроль за названной преступной деятельностью обязаны осуществлять такие негосударственные учреждения как: пенсионные фонды; кредитные кооперативы; управляющие компании; страховые брокерские компании; общества взаимного страхования; различные микрофинансовые организации ломбарды и др.

Согласно Положению о требованиях к правилам внутреннего контроля некредитных финансовых организаций в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, целью организации внутреннего контроля в таких учреждениях является обеспечение защиты некредитной финансовой организации от проникновения в нее преступных доходов, а также управление риска легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма в целях его минимизации².

Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что стремительному росту преступлений, связанных с легализацией преступных доходов и финансированию терроризма, оказывает существенное влияние созданных в ряде государств, так называемых оффшорных зон. Создание оффшорных зон означает то, что заинтересованное в подъеме своей экономики то или иное государство

¹ Меретуков Г.М. Методика расследования незаконного получения кредита : монография. – Краснодар : КубГАУ, 2014. – С. 25.

² Положение о требованиях к правилам внутреннего контроля некредитных финансовых организаций в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (утв. Банком России 15.12.2014 № 445-П) // Вестник Банка России. – 18.02.2015. – № 14.

выделяет специальные территории. На этих так называемых территориях действует особо льготный режим для бизнеса и местной власти соответственно нет никакого дела до того какие средства и из каких источников поступают на эти территории.

Получаемая в оффшорных зонах в ходе легализации «отмывания» преступных доходов денежных средств прибыль является весьма доходной, что составляет немалую часть поступления в бюджет финансовых средств. Происхождение денежных потоков и лица к ним причастные, а также финансовые учреждения оффшорных зон, имеющие отношения к легализации преступных доходов тщательно скрывают свою деятельность от органов международной полиции Интерпола.

Правительства государств, имеющих оффшорные зоны, как правило, не присоединяются к международной системе борьбы с легализацией преступных доходов и финансирования терроризма, так как кровно заинтересованы в пополнении своих бюджетов за счет сомнительных финансовых операций. Ситуация усугубилась тем, что если ранее финансовые учреждения оффшорных зон привлекали своих зарубежных спонсоров налоговыми льготами, то в настоящее время основной деятельностью их является обеспечение закрытости информации о каких-либо сделках, в том числе и незаконных финансовых операциях.

К таковым государствам, которые предоставляют налоговые льготы, либо вообще не представляют никакой информации о проведении финансовых операций, в том числе и связанных с легализацией преступных доходов и финансировании терроризма относятся государства Кипр, Сан-Марино, Монако, Объединенные Арабские Эмираты, Сейшельские острова и другие. Всего таких государств и территорий насчитывается более 40. Приказом Министерства финансов России, был утвержден перечень таких государств и территорий, которые предоставляют льготный налоговый режим и (или) не предусматривают раскрытие и предоставление информации при проведении финансовых операций так называемые офшорные зоны.

В целях противодействия легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем и финансирования терроризма, в 2014 году также были внесены изменения и дополнения в Налоговый кодекс Российской Федерации. Согласно ст. 25.14 НК РФ

физические и юридические лица обязаны сообщать в налоговые органы об участии сотрудников учреждений, предприятий и организаций в капитале иностранных компаний. В случае, когда сотрудники компании умалчивают о таком участии, т.е. не предоставляют в налоговые органы такую информацию, то следуют крупные штрафы. Даже в случае искажения такой информации, могут также указанные лица подвергнуться штрафу.

Таким образом, подытоживая проблему легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем и финансирования терроризма, можно констатировать тот, что: государство не только на законодательном уровне, а также с предписаниями подзаконных источников ввело для финансовых учреждений России обязательные процедуры внутреннего контроля. Этим самым государство установило запрет на информирование клиентов и иных лиц о принимаемых мерах противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, а также иные меры, принимаемые в соответствии с действующим законодательством.

Кроме того, следует упомянуть и о таких признаках легализации доходов, добытых преступным путем как обналичивание денег, составляющих «теневую экономику». Теневая экономика, состоит из неучтенных денежных средств, впоследствии легализованные в различных экономических проектах. Сущность таких денежных средств составляют уклонение от уплаты налогов, при ведении бизнеса. Львиную долю денежных неучтенных потоков составляют присвоение и растраты государственными чиновниками части финансовых ресурсов. Не меньше денежных средств теми же государственными чиновниками «отмываются» в результате реализации различных коррупционных схем, к которым следует отнести взяточничество, откаты государственным чиновникам и т.п. Большая доля теневой экономики, в результате которой легализуются средства добытые преступным путем, – это деньги, добытые в результате криминальных действий в виде, например, незаконного оборота наркотических и психотропных препаратов, нелегальный оборот оружия и других предметов и веществ, оборот которых запрещен или ограничен.

*Лободенко Константин Владимирович,
старший преподаватель кафедры уголовного права,
СКФ ФГБУВО РГУП,
судья Краснодарского краевого суда,
заслуженный юрист Кубани*

*Крюк Виктория Сергеевна,
преподаватель кафедры уголовного права,
СКФ ФГБОУВО РГУП*

СЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ В РАМКАХ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ И СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Семья является одним из древнейших институтов общества, формой социальной жизни людей. В первобытном обществе семейные отношения регулировались обычаями, которые обеспечивались запретами (табу), в случае их нарушений, влекущих наказание по решению рода. Сведения о семейных отношениях славянских племен, населявших территорию нынешней России до принятия христианства незначительны. Как писал Н.М. Карамзин (1766–1826гг.) – историк и крупнейший русский литератор: «Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками. Только в повествованиях греков и римлян сохранились известия о нашем древнем отечестве».

Из летописей известно, что многие отношения, в том числе, касающиеся вопросов семьи, в те времена регулировались обычаями, связанными с культами язычества, в которых проявлялись различные, часто крайние, формы насилия. Так, например, в практике славян существовал обычай сожжения жен на костре вместе с трупом мужа. Вот как описывает такую традицию Н.М. Карамзин: «Славянки не хотели переживать мужей и добровольно сожигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство. Думают, что сие варварское обыкновение, истребленное только благодетельным учением Христианской Веры, введено было

Славянами (равно как и в Индии) для отвращения тайных мужеубийств: осторожность ужасная не менее самого злодеяния, которое предупреждалось ею!». Другие, не менее жестокие обычаи предусматривали: «всякая мать имела у них право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству. Сему обыкновению не уступало в жестокости другое: право детей умерщвлять родителей, обремененных старостью и болезнями, тягостных для семейства...». Мужчины, по определению Н.М. Карамзина, – «...считали жен совершенными рабами, во всяком случае, безответными; не позволяли им ни противоречить себе, ни жаловаться; обременяли их трудами, заботами хозяйственными и воображали, что супруга, умирая вместе с мужем, должна служить ему и на том свете.

Приведенные пассажи свидетельствуют о существовании суровых и жестоких традиций в древние времена, и о насилии, которое было обычным делом в тогдашних семьях. Вместе с тем, в них прямо указывается на первый опыт предупреждения преступлений, а именно – мужеубийств, которые «отвращались» путем угрозы быть сожженной на костре.

С принятием христианства на Руси (988 г.) брачно-семейные отношения стали регулироваться церковью и основным законодательным документом по вопросам семьи стала Кормчая книга, в которую вошли сборники церковных и светских законов. Наибольшее распространение получила Синодальная кормчая книга, которая была дополнена статьями «Русской правды» (XI в.), церковных уставов князей Владимира и Ярослава (X–XI вв.), содержащими нормы о брачно-семейных отношениях, а в последующем, правилами поместного Собора 1274 г. и других актов церковного и светского права.

Одним из важнейших документов рассматриваемого периода, устанавливающих ответственность за преступления против ближайших родственников, являлось Соборное уложение 1649 г, где в главе XXII (26 ст.) закреплялись, по сути, ничем неограниченные права мужа по отношению к жене, а также родителей по отношению к своим детям. Так, ст. 1 названной главы гласила: «Будет который сын или дочь учинит отцу своему или матери смертное убийство казнит и смертию безо всякия пощады». В ст. 3

закреплялось: «А будет отец или мати сына или дочь убьет до смерти, и их посадить в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходит им к церкви Божии, и у церкви Божии объявляти тот грех всем людем в слух..». В ст. 14 провозглашалось: «А будет жена учинит мужу своему смертное убийство, или окормит его отравою...ея за то казнити, живу окопати в землю...»

При Петре I (1672–1725 гг.) церковь постепенно начинает терять ряд функций по регулированию семейно-брачных отношений, а при Екатерине II (1762–1796 гг.) происходит дальнейшее ограничение судебной деятельности Синода и передаче дел в ведение светских судов. Между тем, дела о разводах по-прежнему относились к церкви, и жестокое обращение мужа с женой практически не являлись причиной такового, Синод твердо стоял на позиции, что побои не влекут за собой расторжение брака. Избиение жен было распространенным явлением среди всех сословий.

Еще одним основополагающим российским законодательным актом анализируемого исторического периода, касающимся вопросов насилия в семейных отношениях, явилось «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», принятое в 1845 году. В данном документе впервые семья была выделена как квалифицирующая категория, которой отведен самостоятельный раздел «О преступлениях против прав семейственных». Среди новаций данного уголовно-правового акта можно отметить появление норм, которые ограничивали родительскую власть и введение ответственности за умышленное вовлечение родителями несовершеннолетних детей в совершение преступления путем «употребления во зло своей власти».

В XIX – начале XX веков проблемам насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений начинает уделяться профессиональное внимание многих ученых-правоведов. Главными среди них обоснованно выступили специалисты в области уголовного права и криминологии. Среди них следует назвать Л.С. Белогриц-Котляревского, Д.А. Дриля, С.В. Познышева, Н.С. Таганцева, работавших в этом направлении. Появляются научные труды, посвященные специфике преступлений, совершенных против членов семьи (отцеубийство, убийство супруга, чадоубийство и др.).

Вместе с тем, представить уголовно-правовую картину семейного насилия в России, проследить динамику, структуру этого

явления в рассматриваемый исторический период весьма не просто, а точнее, невозможно в силу отсутствия, говоря современным языком, статистики, теория которой стала развиваться лишь в первой половине XIX века. Как отмечает И.В. Родина, фрагментарная информация о проявлении насилия в до современной российской семье содержится в хрониках и летописях, сводах законов, народном фольклоре (были, сказки, пословицы и поговорки), литературных произведениях, в различных исторических монографиях, публицистических статьях и т.п.

«Бьет – значит любит»; «Кулаком да в спину – то и приголубье сыну»; «Свекровь выпьет кровь»; «Свекор – гроза, а свекровь выест глаза» и т.д.

«Идёт толпа народа... а впереди её шагает шероховатая лошадаёнка... К передку телеги привязана верёвкой за руки маленькая, совершенно нагая женщина, почти девочка. Она идёт как-то странно – боком, ноги её дрожат, подгибаются. Всё тело её в синих и багровых пятнах, круглых и продолговатых... живот чудовищно вспух и страшно посинел. А на телеге стоит высокий мужик, ...в одной руке он держит вожжи, в другой – кнут и методически хлещет им раз по спине лошади и раз по телу маленькой женщины... Так наказывают мужья жён за измену; это бытовая картина, обычай, и это я видел в 1891 году, 15 июля, в деревне Кандыбовке, Херсонской губернии, Николаевского уезда. Я знал, что за измену у нас, в Заволжье иногда затейливые мужья или свёкры в летнее время мажут «изменниц» патокой и привязывают к дереву на съедение насекомым. Слышал, что изредка изменниц, связанных, сажают на муравьиные кучи».

Завершая рассмотрение вопросов, связанных с семейным насилием периода древней Руси и Российской империи, следует отметить, что в целом внутрисемейные правоотношения можно обозначить как патриархально-авторитарную семейную систему, которая характеризовалась господством и контролем мужчин над женщинами, старших над младшими, контролем главы семьи над всеми домочадцами.

Вместе с тем, к началу XX века каноническое учение о святости и нерасторжимости брака стало утрачивать свое влияние в обществе. Правовая практика выявляла расхождение реальных и декларируемых признаков брака, указывала на необходимость

развития процедур заключения и расторжения брака, формирования новой правовой идеологии брака. Все это стало предтечей развития нового семейного, гражданского, уголовно-правового и иного законодательства, регулирующего семейно-бытовые отношения; формирования новых семейных ценностей, традиций, образа жизни, а соответственно трансформаций форм семейного насилия и реакции общества и государства на его проявления, после октября 1917 года.

В первые годы советского государства, проводимые реформы в сфере семейных отношений ускорили уже начавшийся до революции процесс распада старой семьи патриархального типа. Семейные традиции и правила, принятые до революции, представлялись как «мещанство» и «обывательщина». Обычным явлением стали «свободные», незарегистрированные браки, которые были даже закреплены законодательно в Кодексе о браке и семье 1926 г.

Все это можно было объяснить желанием молодого государства с новых марксистско-ленинских позиций переоценить «все старое», в том числе, институт семьи («сломать до основанья») и придать свой импульс, свой вектор развития семейных отношений для достижения «всеобщего блага для народа». Новый человек – это передовик-общественник, для которого интересы класса и коллектива всегда должны быть выше личных интересов, провозглашали идеологи коммунизма. Такие идеи не могли не привести к конфликтам в молодых семьях, которые приобретали массовый характер. Вот как описывал такие конфликты в 1927 г. Н. Загорский – один из разработчиков программ оздоровления пролетарского быта: «...не хочется верить, что все эти женщины пострадали в «домашнем» быту, но их анкеты – «домашняя хозяйка», «жена рабочего», «жена служащего» – достаточно убедительны. Да и врачам хорошо знакомы следствия этих ударов по лицу кулаком наотмашь, когда можно проглотить собственные зубы. В Ленинградских больницах 8 женщин с откушенными носами ... Тут пьяные изуверы мужа искусно конкурируют с налетчиками...». Причем проявление жестокости в семье объяснялось просто – «пережитками прошлого». В газете «Коммунистическая революция» за 1928 г. (№ 6) писалось: «Старое еще живуче. Тысячелетняя косность, суеверие, привычки остро дают о себе знать и стоят с вопиющим противоречием с новью. Пьяный угар, битье жен и сейчас

еще – бытовая принадлежность. Бьют жен остервенело, до истязательства. И что самое важное – про это знают, наблюдают, жалеют и молчат. Детишки воспитываются в доме в таком духе, что битье их матерей считается обыденной вещью».

Однако по мере развития советского государства, менялись и семейные отношения, а соответственно и «вечный спутник» семьи – насилие. Оставляя в стороне тяжелейшие периоды в жизни страны: Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), послевоенного развития СССР (1946–1952 гг.), следует все же сказать, что и в это время брачно-семейные отношения не только не прекращались, но и развивались, принимая различные формы, соответствующие сложившейся ситуации. Собственно, существовали и проблемы семейного насилия, к тому же существенно обостренные военным и послевоенным временем, однако они были не приоритетны на тот момент на фоне главных событий для общества и государства.

В 60–80-х годах XX века государственная семейная политика стала более гибкой и реалистичной, при сохранении главной марксистской идеи общественного воспитания детей и освобождения женщины из сферы неэффективного домашнего труда на основе всеобщего вовлечения в общественное производство.

Между тем, внутрисемейное насилие по-прежнему оставалось острой проблемой, более того усугубляющейся. Как отмечается в «Курсе советской криминологии», до середины 80-х годов XX столетия насильственные преступления совершались в основном в сфере семейно-бытовых отношений. Мотивами таких преступлений являлись главным образом, ревность, «выяснение отношений», хулиганские побуждения и т.д. Эти преступления, как правило, совершались на почве пьянства и алкоголизма, ссор и драк.

Облик преступника, существовавшего в то время в общественном сознании, представлялся в виде презренного бытового дебошира, пьяницы, тунеядца.

Однако абсолютных криминологических показателей, характеризующих состояние насилия в семье, в учебниках того периода не приводилось. Система судебных и правоохранительных органов (а, следовательно, и правоприменительная практика) находилась под сильным влиянием КПСС, лозунг которой

«Ликвидировать преступность» последовательно воплощался в жизнь, в том числе, посредством отсутствия в свободном доступе информации о преступности. Статистика преступности находилась под грифами «для служебного пользования», «секретно» и «совершенно секретно», в результате чего систематизированные данные о преступности не публиковались и были доступны небольшому числу специалистов, а криминологическая и уголовно-правовая картины заменялись отрывочными данными позитивного характера. Кроме того, в тот период широкое распространение получили внесудебные формы реагирования на преступления, как правило, совершаемые в сфере семейных отношений – передача материалов на рассмотрение «общественности», в товарищеский суд.

Только в 1990–1991 гг. вышли статистические сборники «Преступность и правонарушения в СССР» за 1989 и 1990 гг. В связи с распадом СССР в 1991 году полной статистики о преступности по Союзу собрать не удалось. После распада Союза ССР Госкомстат выпускал «Российский статистический ежегодник», в котором под рубрикой «правонарушения» публиковались и некоторые сведения о преступности и судимости. Однако отдельной статистики по преступлениям в сфере семейных отношений не было.

Вместе с тем, именно в период 60–80-х годов XX века начался активный поиск практических путей осуществления предупреждения преступлений, в том числе, насильственных, совершаемых в сфере семейных отношений. Одним из существенных шагов в этом направлении стал выход 08 апреля 1967 г. указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании злостных пьяниц (алкоголиков)». Им устанавливалось, что в ЛТП должны направляться лица, «уклоняющиеся от лечения или продолжающие пьянствовать после лечения, нарушающие трудовую дисциплину, общественный порядок или правила социалистического общежития».

В заключение следует подчеркнуть, что за шестьдесят лет советского периода российского государства (1917–1991 гг.) семейное насилие, несмотря на позитивные изменения в государственной политике по его предупреждению, все же оставалось для общества «темным пятном» по причинам отсутствия информации о его масштабах и формах проявления.

Таблица 1 – Потерпевшие от насильственных преступлений, совершенных в отношении членов семьи¹

	2014		2015		2016		2017		2018	
	Всего	из них женщин	Всего	из них женщин	Всего	из них женщин	Всего	из них женщин	Всего	из них женщин
Число потерпевших от преступлений	34026	24231	38235	27993	42829	31358	50780	36493	65543	49765
Из них от преступлений, совершенных в отношении:										
супруга	12954	11640	14565	13269	16671	15246	19998	17908	29788	27256
сына, дочери	7345	3697	7731	4077	8871	4722	11181	5809	12314	6419

¹ По данным МВД России

На протяжении последних лет в России регулярно регистрируется 350–400 тыс. преступлений против личности. Причем на фоне некоторых колебаний (незначительных изменений то в сторону увеличения, то уменьшения) абсолютных показателей, характеризующих общее состояние преступлений против личности, наблюдается тенденция возрастания насилия именно в семейно-бытовых отношениях.

Анализ приведенных данных показывает, что в 2018 году по сравнению с 2014 г. почти в 2 раза выросло число потерпевших от насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. Одновременно с этим наблюдалось увеличение удельного веса женщин-потерпевших от общего числа пострадавших от насилия в семье: с 72 % в 2014 г. – до 76 % в 2018 г.

Из данных таблицы также следует, что из всех близких родственников (в уголовно-правовом аспекте) наиболее подвержены внутрисемейному насилию супруги, доля которых выросла с 38 % в 2014 г. – до 46 % в 2018 г. Причем подавляющее большинство (90–92 %) потерпевших от насильственных действий этой категории – составляют опять же женщины.

При этом среди особенностей современного состояния насилия в семье являются его региональные различия, проявляющиеся, в первую очередь, в состоянии и уровне такого насилия. Собранная и сгруппированная информация за 2017 год о населении, числе потерпевших от насилия в семье в Центральном и Сибирском федеральных округах Российской Федерации и некоторых их регионах представлена в следующей таблице.

Таблица 2 – Характеристика преступного насилия в сфере семьи в регионах России (2017 г.)

Регион	Население (чел.)	Число потерпевших от насильственных преступлений
Центральный ФО:	38951479	7403
Белгородская область	1547936	197
Брянская область	1225799	664
Сибирский ФО:	19312169	11300
Красноярский край	2865908	717
Кемеровская область	2717176	2574

В результате произведенных расчетов представляется следующая криминологическая картина:

- в Центральном федеральном округе на 100 тыс. населения были признаны потерпевшими от насилия 19 членов семьи;
- в Сибирском федеральном округе на 100 тыс. населения были признаны потерпевшими 58 членов семьи. Иными словами, в Сибирском ФО уровень криминального насилия в семье в 3 раза превосходит аналогичный показатель по Центральному ФО.

Более детальный криминологический анализ семейного насилия показывает, что в рамках федеральных округов данные явления распространяются также неравномерно. Так, например, в Брянской обл. уровень семейного насилия (54 потерпевших на 100 тыс. жителей) в 4,5 раза выше, чем в Белгородской обл. (12 потерпевших на 100 тыс. жителей). В Красноярском крае уровень семейного насилия (25 потерпевших на 100 тыс. жителей) в 3,8 раза ниже, чем в Кемеровской области (95 потерпевших на 100 тыс. жителей).

Разумеется, это только криминологический взгляд на региональные особенности насилия в семье. Ответить, почему в сравниваемых регионах (наряду с сопоставимыми данными о населении, количестве семей) такие разные – диаметрально противоположные показатели, характеризующие внутрисемейное насилие, без соответствующих комплексных исследований не представляется возможным. Сказать, что подобные исследования не проводятся, нельзя. Вместе с тем, вопросы, почему именно в этом регионе и в таких объемах (формах) распространено семейное насилие, в целом остаются без ответов. Это может активная деятельность правоохранительных органов, социальных служб защиты населения, кризисных центров; проявления различных факторов, сдерживающих или стимулирующих семейное насилие, а точнее их кумулятивный эффект. Для того, чтобы попытаться ответить на подобные вопросы, нужны, повторим еще раз, комплексные исследования, включающие изучение криминологических, правоприменительных, социально-экономических, социально-демографических, миграционных и других аспектов.

*Жаркой Михаил Эмильевич,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры
теории и истории государства и права,
Санкт-Петербургский университет
ГПС МЧС России*

**ПРОБЛЕМА АДМИНИСТРАТИВНОЙ СЕГРЕГАЦИИ
В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МИЛИЦИИ РСФСР В УСЛОВИЯХ ОТСУТСТВИЯ
СИСТЕМАТИЗИРОВАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
(1918–1922 гг.)**

Обстановка Гражданской войны и иностранной военной интервенции в значительной степени обострили трудности политического и социально – экономического характера. В Советской России четко проявилась тенденция роста преступности, однако конкретная обстановка придавала ей неконтролируемый характер. Хозяйственная разруха, безработица, продовольственные трудности, голод и т.п. приводили колеблющуюся часть населения к совершению уголовных преступлений. Особенно быстрыми темпами преступность росла в крупных городах, и прежде всего, в Москве и Петрограде. Так в Москве в 1918 г. было зарегистрировано 13082 преступления, а в Петрограде, по неполным данным, 12481. В том же году только по линии уголовного розыска РСФСР было зарегистрировано 35326 преступлений. По данным 39 губерний Советской России в 1919 г. было учтено 108638 преступлений, а в 1920 г. – 341142¹. Однако анализ архивных материалов позволяет говорить, что в 1920 г. только по данным 33 регионов было зарегистрировано 341701 преступление. Материальный ущерб от преступлений составил даже по тем временам астрономическую цифру – 10223565060 руб.² Причем наибольшее число противоправных явлений зафиксировано в Семипалатинской (140873), Вятской (17515), Донской (14766), Воронежской (10689) и

¹ См.: Министерство внутренних дел России: 1802–2002. Исторический очерк : в 2-х томах. – СПб., 2002. – Т. 2. – С. 161.

² Подсчитано автором. Исх. дан. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 23. Д. 189. Л. 394–429.

Саратовской губерниях (15447). В Петрограде было зарегистрировано 10252, а в Москве – 8084 преступления¹. В отчете о работе Ставропольского губревкома отмечается, что за период его деятельности органами милиции было раскрыто 1912 преступлений и возвращено государству более 158 млн руб.² В 1921 г. по линии Московского губернского уголовного розыска было зарегистрировано 3152 преступления; в Петроградской губернии – 33548; Тамбовской – 16083, а на Кубано-Черноморской области – 20138³. Только Таманским подотделом милиции области за период с августа по ноябрь было зафиксировано 6392 преступления, а Майкопским отделом с 08 по 21 августа – 2281⁴. Всего в 1921 г. по данным милиции было отмечено 384143 преступления⁵.

По данным Центроуголовного розыска милиции РСФСР с 01 января по 01 октября 1920 г. было арестовано 172 чел., а в производстве следственного отдела с 21 июня находилось 91 дело. Из них было направлено для принятия решения по существу: в ВЧК – 4, в МЧК – 4, в Московское управление уголовного розыска – 22, в революционный трибунал – 5, в народные суды – 19 и т.д.⁶ Активно работали и местные органы милиции. Только за I квартал 1920 г. уголовный розыск Петроградской губернии раскрыл 1036 преступлений из 1738 зарегистрированных. Из общей суммы похищенного в 4852379 руб. было возвращено 2562781 руб.⁷ Следует иметь в виду, что в силу несовершенства статистики того времени, приведенные данные являются приблизительными. Тем не менее, они показывают уровень и масштабы уголовной преступности, представляющей собой национальную угрозу молодому советскому государству и требующим принятия решительных, нестандартных мер ее обуздания.

Представляет интерес, по нашему мнению, что даже в условиях сохранения некоторых карательных функций ВЧК и активной карательной практики революционных трибуналов в 1920 г.

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 23. Д. 189. Л. 481–482.

² См.: Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы 1918–1921 гг. – М., 1990. – С. 119.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 31. Д. 621. Л. 308–265.

⁴ Подсчитано автором. Исх. дан.: ГАКК. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 111. Л. 46–50, 108–109.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 73. Д. 16. Л. 46.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 23. Д. 108. Л. 1.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 23. Д. 189. Л. 25.

руководство милиции и ее периферийных подразделений находили новые формы внесудебного преследования противоправных и асоциальных элементов.

Судебная практика 1920–1921 гг. знала такие примеры борьбы с уголовной неблагонадежностью, которые выходили за наиболее радикальные воззрения сторонников теории опасного состояния. Первая инициатива принадлежала Центророзыску Советской Республики, объявившему «неделю ловли воров». Согласно этому решению, граждане, имевшие, когда – либо судимость за имущественные преступления, арестовывались впредь до особого распоряжения. «Неделя ловли преступников» была объявлена телеграфным распоряжением Центророзыска за № 1736 за подписью помощника начальника милиции Республики Веселовского, на основании ее распоряжением Ярославского губернского розыска от 02 июля 1920 г. и была проведена с 07 по 14 июля. Отчасти подобная практика может быть объяснена тем, что губерния находилась на военном положении¹. В Симбирской губернии в ходе проведения «недели ловли преступников» с 11 по 17 июля 1920 г.) было задержано 57 рецидивистов. Из числа задержанных несовершеннолетние и лица старше 50 лет были направлены в отделы социального обеспечения, а остальные содержались под стражей до распоряжения Центророзыска². В Томске было задержано только 9 чел. В рапорте врио начальника Томского губернского ОУР объясняется, что «малое количество задержанных воров – рецидивистов объясняется тем, что большинство из них в настоящее время состоит в профессиональных союзах и некоторые работают кустарным способом сапожник, столяр, портной и т.п.), хотя конечно это не мешает им и творить иногда свои темные делишки»³. Пока эта практика в порядке жалоб не стала известна НКЮ многие успели отбыть под арестом больше времени, чем ранее отбывали по приговору. Впоследствии только вмешательство НКЮ ликвидировало результаты подобной инициативы. И. Славин в статье «Наказуема ли уголовная неблагонадежность?» говорит о том, что такая инициатива в подобного рода мероприятиях, проявлялась и снизу. Так Саратовский отдел управления розыска выносил

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 23. Д. 152. Л. 121, 117.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 23. Д. 152. Л. 183–187.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 23. Д. 152. Л. 167.

приговоры на заключение в концлагерь на 1–3 года, на которые его никто не уполномочивал¹.

Еще до принятия УК РСФСР в феврале 1921 г. Московский совнарсуд по согласованию с МУУРом устроил при суде особую камеру, в которой по специальным печатным трафаретным листкам осуждались к лишению свободы лица, признанные подозрительными на основании прежней судимости или приводов в милицию («независимо от отсутствия в настоящий момент какого-либо преступного деяния»). Такая «судебная самодеятельность» очень скоро была решительно пресечена вмешательством Наркомюста². Таким образом, приводы граждан в розыскной отдел по подозрению в совершении преступления или для удостоверения личности, не закончившиеся судебной перспективой, впервые в судебной практике стали критерием своеобразного суррогата судимости. Впоследствии они имели существенное значение для определения степени общественной опасности личности того или иного субъекта, попавшего в поле зрения правоохранительных органов. При этом Президиум Московского нарсуда предложил начальнику МУУР с достаточным вниманием и осторожно относиться к даваемым МУУР заключениям. Для суда требуется, согласно постановлению президиума, только «достаточно серьезные» данных о судимости и приводах, причем центр тяжести в оценке серьезности данных заключается в материале агентов МУУР, «утвержденным начальником МУУР»³. Формально целью, такого с позволения сказать «суда», было, с одной стороны, изолировать преступный и особенно опасный противоправный элемент, то есть тех лиц, которые хотя и не уличались в конкретных преступлениях, а с другой стороны, проверка и контроль уголовного розыска, для того, чтобы избежать ошибок при изоляции лиц, в которые могло впасть руководство розыска, добившись права изоляции в административном порядке. Иными словами, МУУР и народный суд Москвы стремились подвести легальное юридическое основание под свои приговоры относительно тех лиц, которые имели в прошлом судимость и приводы и живут без определенных занятий.

¹ См.: Славин И. Наказуема ли уголовная неблагонадежность? // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 14–15. – С. 5.

² См.: Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М., 1969. – С. 42.

³ См.: Славин И. Наказуема ли уголовная неблагонадежность? // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 14–15. – С. 5.

Основной идеей работы И. Славина выступает необходимость борьбы «против смещения судебных и административных функций»¹.

Одновременно поднимались и вопросы, связанные с административной практикой органов милиции. Состоявшийся в ноябре 1920 г. съезд заведующих губотделов милиции в принятой резолюции отметил настоятельную необходимость издания СНК и ВЦИК законоположений, предоставляющих право наложения наказаний на граждан в административном внесудебном порядке президиумами исполкомов и отделами управления милиции. Поручалось НКВД совместно с НКЮ урегулировать права органов, применяющих административное воздействие и разработать систему административных взысканий, точно определив формы и виды наказаний, а также категории преступлений и преступников, караемых внесудебным порядком².

В то же время, несмотря на отсутствие кодифицированного процессуального законодательства, на местах идет поиск создания оптимальных условий для создания доказательной базы. Например, в приказе по Симбирской рабоче-крестьянской милиции от 31 апреля 1919 г. № 19 говорится о нарушении работы милицеских служб, в частности: «...обвиняемые часто заявляют, что акты их сознания и виновности им не прочитываются, а предъявлены были только для подписания, иногда даже не подписываются ими, а иногда сознание было вызвано путем угроз и насилия». В связи с этим предписывалось необходимость снимать допросы или производить обыски в присутствии не менее двух посторонних свидетелей³.

Очевидно, что сама практика вытесняла бесправие экстремизма времен Гражданской войны, что объективно вызывало необходимость пересмотра карательной политики и кодификации уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Однако поиск различных форм внесудебной репрессии, как известно, продолжался в практике правоприменительных органов, вплоть до второй половины 1930-х гг., а с началом Великой Отечественной войны получил и дальнейшее развитие.

¹ См.: Славин И. Наказуема ли уголовная неблагонадежность? // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 14–15. – С. 7.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 19. Д. 5. Л. 17 об.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 16. Д. 25. Л. 220.

*Федченко Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры уголовного права и криминологии,
полковник полиции*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА

Слово «экстремизм» происходит от латинского слова «*extremus* – крайний», то есть нечто, выходящее за определенные рамки и нормы.

Экстремизм – это разжигание ненависти и вражды и унижение достоинства другого человека. Любое покушение на эти свободы или любые попытки разжигания конфликтов на их основе имеют в нашей стране название – экстремизм и регулируются статьёй 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Для того, чтобы преступление было признано экстремизмом, противоправное высказывание должно быть обращено к неопределенному кругу лиц. Часто оскорбления или попытки разжигания вражды происходят при помощи средств массовой информации или через Интернет.

Экстремистские преступления – это правонарушения, которые несут высокую степень общественной опасности. Понятие преступлений относится к уголовной отрасли современного российского права.

Административные правонарушения подразумевают действия или бездействия, ответственность за совершение которых предусмотрена административной отраслью права.

Виды экстремистской деятельности очень разнообразны. На сегодняшний день на территории Российской Федерации наибольшую опасность представляет деятельность религиозно-политических экстремистов и прежде всего сторонников радикального течения ислама – ваххабизма.

Другим не менее актуальным на территории России проявлением экстремистской деятельности можно назвать националистический экстремизм, который отвергает права других наций и их

интересы, провозглашает преимущество над другими только одной нации. Он направлен на развал многонациональных государств и связан с сепаратизмом.

Молодежный экстремизм можно назвать отдельным видом экстремисткой деятельности, его проявление отличается от взрослого меньшей стихийностью и организованностью. Но главное отношение к его деятельности могут иметь взрослые, которым молодежь часто стремится подражать своим противоправным действием. Молодежь чаще совершает преступления агрессивного характера.

Отдельную роль в экстремизме занимают организованные фан – группы, они имеют четко организованную структуру и свою символику, принимают активное участие во всех противостояниях, иногда выражающихся в открытых массовых беспорядках и драках.

Активности молодежного экстремизма представляет серьезную опасность для российского общества.

Экстремизм спровоцирован кризисным состоянием общества, дезориентацией некоторых людей в основном молодежи, недостаточном образовании, неэффективной правовой системы и слабым общественным контролем, отсутствие преемственности ценностных и нравственных установок различных поколений, снижения показателей гражданственности и патриотизма. Доступность разнообразной информации в Интернете для подростков и молодежи даёт возможность легко проводить идеи религиозно-политического экстремизма, терроризма и национализма, гомосексуализма и однополых браков, и других отношений, отрицающих основные постулаты морали и нравственности¹. Рост экстремистских проявлений в молодежной среде является следствием разрушения культуры и деформации морали.

Широкое распространение экстремизма среди молодежи является свидетельством недостаточной социальной адаптации

¹ Магомедов Н.К. Меры предупреждения преступности, совершаемой по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы / Н.К. Магомедов, С.Р. Раджабова // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 2. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-preduprezhdeniya-prestupnosti-sovershaemoy-po-motivam-politicheskoy-ideologicheskoy-rasovoy-natsionalnoy-ili-religioznoy> (дата обращения 03.05.2019).

молодежи, развития асоциальных установок ее сознания, вызывающих противоправные образцы ее поведения. В молодежной среде экстремизм проявляется в деформациях сознания. Борьба с распространением молодежного экстремизма при отсутствии четкой программы профилактики этого явления не дает необходимого эффекта.

Предупреждением правонарушений являются социальные, правовые, организационные, информационные совокупности мер, которые должны способствовать выявлению и устранению причин правонарушений и условий, которые им способствуют. Предупреждением преступлений занимаются уполномоченные на совершение данных действий органы правопорядка, а также исполнительные и судебные органы косвенно осуществляют функции по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Важно отметить, что профилактика правонарушений должна оказывать воспитательное воздействие на отдельных лиц и общество в целом, преследующее цели пресечения правонарушений. Субъектами профилактики правонарушений являются специальные государственные органы, должностные лица, граждане, общественные организации, которые преследуют цели профилактики правонарушений в стране и в отдельном регионе.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ закрепил расшифровку большого числа понятий в области экстремизма, уделил внимание вопросам профилактики и активного противодействия такой деятельности. В законе прописано, в том числе, и полномочия отдела по борьбе с экстремизмом¹.

Полное название отдела по борьбе с экстремизмом – Главное управление по противодействию экстремизму или Центр Э. Указанное название данный орган приобрел в 2011 году на основании Указа Президента страны, о чем были внесены изменения в Федеральном законе.

Экстремизм – серьезная проблема, опасное преступление для молодых и наивных, подверженных влиянию новых категоричных движений и сообществ. Экстремизм легко перерастает в реальный терроризм, уничтожающий невинных людей. Экстремизм создает

¹ Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

почву для созревания террора. Именно поэтому считается, что экстремизм – более широкое понятие, чем терроризм. Первое включает в себя последнее. Когда экстремизм достиг своей главной высшей цели, он создал террористические проявления. То есть, получается, что все террористические организации, по умолчанию, являются экстремистскими. А экстремизм при этом далеко не всегда перерастает в открытый террор с огромными жертвами и насилием. Именно для того, чтобы экстремизм не превратился в терроризм существует и активно действует Центр Э.

Для предупреждения преступлений и административных правонарушений экстремистского характера необходим всесторонний подход, который должен состоять из мер профилактического, запретительного и регулирующего характера действий. Практика международного опыта борьбы с данной проблемой показывает, что важным фактором является именно правовая база и её периодическое совершенствование, так же важно укрепление и усиление деятельности спецслужб, усиленной борьбы с финансированием экстремизма. Очень важна пропагандистско-идеологическая и разъяснительная работа в обществе¹.

Предупреждение экстремистской деятельности должна осуществляться в психопрофилактическом направлении.

Борьба с экстремизмом очень важна, но она должна быть в рамках действующей Конституции. Так как тотальный контроль за высказываниями всех граждан может привести к еще большему недовольству и экстремистскому поведению.

Важно отметить, что предупреждение и профилактика молодежного экстремизма закладывается в семейном воспитании, которое получил молодой человек. Часто именно в семье у подростка формируется ненависть, неприменимость, что формируются экстремистские настроения, имеющие негативные последствия в дальнейшем.

Необходимо проведение профилактических бесед со специалистом, который занимается предупреждением экстремизма в молодежной среде, а также с родителями категорично настроенного

¹ Петров А.В. Экстремизм: понятие и виды в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 4. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-ponyatie-i-vidy-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения 03.05.2019)

молодого человека, очень важно предупреждение их о недопустимости нарушения закона.

Для оценки эффективности и создания нужных и грамотных предупредительных мер, а также профилактических программ экстремизма очень важна совместная работа учителей, социальных педагогов, психологов и социологов.

*Грудинин Никита Сергеевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственного
и административного права,
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский
технологический университет»*

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЖЕНЩИН, ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Преступность женщин в современной России – крайне важная проблема, поскольку уровень преступности женщин в последние годы продолжает расти, а преступная специализация женщин от традиционных составов хищений постепенно сдвигается в сторону более тяжких составов – сбыта, приобретения и хранения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, причинения тяжкого вреда здоровью граждан и даже убийств. В этом аспекте проблема социальной адаптации женщин, освобожденных из мест лишения свободы, становится особо значимой, поскольку от числа женщин, которые смогли встать на путь исправления, будет зависеть как эффективность системы противодействия преступности в России, так и ее количественные и качественные характеристики.

Одной из наиболее важных проблем, которая препятствует социальной адаптации женщин, освободившихся из колоний, является заведомо предвзятое отношение общества к таким женщинам. Женщина-преступница, падшая женщина, воровка, мошенница – очень часто такие штампы сопровождают дальнейшую жизнь женщин, которые хотя бы один раз побывали в местах

лишения свободы. Подобное предосудительное отношение общества очень часто препятствует не только трудоустройству и заведению семьи такими женщинами, но и правопослушному их поведению в будущем. Не видя существенных перспектив на нормальную жизнь в обозримом будущем, не видя себя частью такого общества, женщины, недавно освобожденные из мест лишения свободы, начинают злоупотреблять спиртными напитками, заниматься проституцией и, в конечном итоге, окончательно маргинализируются и скатываются на дно¹.

Второй достаточно значимой проблемой, которая препятствует эффективной социальной адаптации женщин-преступниц, освобожденных из мест лишения, является их негативная психологическая установка – боязнь невозможности нормальной и непреступной жизни в обществе после своего освобождения. Данные криминологических исследований показывают, что большинство женщин (60%), которые освобождаются из мест лишения свободы, полагают, что после своего выхода будут жить «как получится», т.е. заведомо имеют установку на то, что их жизнь во многом потеряна, и допускают вероятность того, что вновь будут совершать противоправные деяния. Другая часть женщин (40 %) имеют позитивную установку на то, что смогут изменить свою жизнь к лучшему: вернуться к правопослушному образу жизни, трудоустроиться, получить образование, профессию, обзавестись семьей и т.д. Однако следует оговориться, что, имея такую позитивную установку, многие женщины абсолютно не представляют, как ее можно будет реализовать на практике, и поэтому после своего выхода на свободу очень быстро ее утрачивают. Позитивная установка, таким образом, достаточно быстро сменяется негативной, и такая женщина вновь встает на преступный путь².

Важно отметить, что противодействовать негативной установке женщин, освобождающихся из мест лишения, на практике крайне трудно, поскольку в настоящее время психологическое

¹ См.: Лобанова К.А. Социальная адаптация женщин, освободившихся из мест лишения свободы / К.А. Лобанова, О.В. Пчелина; Отв. ред. В.П. Шалаев // Россия в пространстве глобальных трансформаций: в фокусе наук о человеке, обществе, природе и технике: материалы международной междисциплинарной научной конференции. – Йошкар-Ола, 2016. – С. 119–120.

² См.: Хацац А.А. Адаптация освобожденных женщин к социальным изменениям российского общества // Новые технологии. – 2012. – № 1. – С. 295.

воспитание в российских колониях практически отсутствует: женщин просто не готовят к возможным (а по факту неизбежным) психологическим трудностям, которые ожидают их после освобождения. Для преодоления указанной проблемы следует серьезно задуматься о создании государственной (муниципальной) системы служб психологической поддержки лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Конечно, такая помощь должна оказываться адресно и только тем женщинам, которые сами выразят заинтересованность в ее получении. Думается, что создание такой системы позволит внести определенный вклад и в дело противодействия преступной угрозе в целом.

Еще одной серьезной проблемой, которая препятствует нормальной социальной адаптации женщин, освободившихся из мест лишения свободы, является проблема их трудоустройства. Не секрет, что сегодня процесс трудоустройства вызывает множество затруднений и у рядовых граждан, которые достаточно часто претендуют не на самую высокооплачиваемую работу. По этой причине бывшие заключенные женщины испытывают очень большие сложности в своем желании трудоустроиться и честно трудиться. На практике такие женщины могут претендовать на позиции сторожей, уборщиц, разнорабочих. Вероятно, одной из причин такого положения является отсутствие в Российской Федерации государственной (муниципальной) системы трудоустройства бывших заключенных. Не видя перспектив к своему трудоустройству или улучшению своей трудовой позиции в будущем, многие женщины, таким образом, вновь начинают заниматься преступным ремеслом¹.

Представляется, что в России, как и во многих странах мира, должна быть создана система государственных гарантий трудоустройства для лиц, вышедших из мест лишения свободы. Такая система должна быть многоступенчатой и предполагать возможность трудоустройства на различные места работы (должности) в зависимости от квалификации, опыта и уровня образования вчерашних осужденных. Не вызывает сомнения, что создание такой системы – это долговременный и материально затратный процесс,

¹ См.: Садчикова С.А. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных женщин // Научные достижения и открытия современной молодежи. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2017. – С. 232.

который вовсе не гарантирует стопроцентного результата, однако, способствуя трудоустройству бывших осужденных, государство оказывает существенную помощь им. Думается, что трудоустройство хотя бы части таких бывших осужденных женщин поможет им прочно встать на ноги в своей новой жизни, которая не будет связана с совершением преступлений.

Существенным препятствием на пути успешной социальной адаптации бывших осужденных женщин являются проблемы, связанные с утратой семьи, лишением родительских прав и невозможностью построить свое семейное счастье. Общеизвестно, что семья для большинства женщин – это краеугольная основа жизни: именно в семье женщина чувствует себя по-настоящему счастливой. Для многих женщин дети составляют весь смысл их жизни. Соответственно, женщина, лишённая семейного счастья, становится более уязвимой, она теряет смысл в жизни и готова переступить ту черту, которую бы никогда не переступила при наличии семьи и детей. Женщина, которая лишена традиционных семейных ценностей, становится более жестокой и циничной, она утрачивает восприятие окружающего мира с позиций счастья и доброты. Соответственно, такая женщина становится более склонной к совершению повторных преступных деяний. Таким образом, формирование условий для создания семьи после освобождения из мест лишения свободы способно оказать позитивное воздействие на процесс социальной адаптации таких женщин.

Не вызывает сомнения, что решение указанной проблемы невозможно административными методами, однако создание различных площадок для общения на базе культурно-досуговых центров в муниципалитетах способно хоть как-то повлиять на решение данной проблемы.

Нельзя не отметить и такой важный сопутствующий фактор, как влияние социального окружения и употребление спиртных напитков и наркотических средств, который, несомненно, препятствует полноценной социальной адаптации вчерашних заключённых женщин. Названные нами выше факторы, к сожалению, очень часто накладываются на действие такого субъективного фактора, как влияние ближайшего социального окружения женщины и ее образ жизни. Если до своего осуждения к лишению свободы женщина вела асоциальный образ жизни, злоупотребляла алкоголем

или того хуже – наркотиками, то крайне трудно представить, что по отбытии своего наказания такая женщина начнет вести добропорядочный образ жизни.

Наоборот, более вероятным является такой сценарий, по которому после отбытия своего наказания в местах лишения свободы, женщина маргинализируется, утрачивает свои прежние социальные связи и приобретает новые – крайне негативные. Как правило, в таком окружении процветают алкоголизм и наркомания, а преступный образ жизни считается престижным и желаемым. Видя негативные примеры своего окружения, вчерашние осужденные женщины вновь становятся на преступный путь, начиная совершать все новые и новые преступления. Показательно, что рецидивная преступность женщин в современной России становится все более серьезной проблемой, с которой пока не могут справиться органы внутренних дел. Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что рецидивная преступность женщин становится все чаще организованной¹.

Противодействовать этому фактору, безусловно, трудно, но возможно. В этом аспекте нужны активные действия органов внутренних дел, которые направлены на противодействие притонам, распространению наркотических средств и психотропных веществ, бандитизму. Органам внутренних дел необходимо активизировать деятельность своей осведомительной сети, а также как можно чаще проводить оперативно-профилактические мероприятия (рейды), направленные на выявление притонов, борделей и мест, в которых проводятся встречи асоциальных лиц.

Наконец, нельзя не отметить такой важный фактор, который активно препятствует социальной адаптации женщин, отбывших наказание в местах лишения свободы, как личное мироощущение конкретной женщины. Любая женщина имеет свой внутренний мир – особый и неповторимый. Несомненно, что внутреннее восприятие женщины самой себя как сложившейся преступницы усиливает ее негативную установку на совершение преступления. Для женщины, которая утрачивает внутренние ограничители, совершение преступления, в т.ч. тяжкого, не является чем-то

¹ См.: Тютрюмова Е.А. Проблемы отбывания наказания женщинами в современных условиях // Проблемы качества российского законодательства. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2017. – С. 705.

необычным или предосудительным. Такая женщина окончательно криминализуется и становится профессиональной преступницей¹.

Важно подчеркнуть, что внутреннее мироощущение каждой женщины-преступницы складывается под воздействием различных факторов, многие из которых были рассмотрены нами выше. Однако всякий раз, когда речь заходит о совершении преступления, следует помнить, что совершает его конкретный человек, конкретная личность, а не совокупность тех или иных факторов. В этой связи, надлежит подчеркнуть, что одной из наиболее важных проблем социальной адаптации женщин, освободившихся из мест лишения свободы, является их личная заинтересованность и готовность к ведению правопослушного и добропорядочного образа жизни. В случае если женщина не готова жить по закону, то вряд ли даже самая продуманная система мер по ее адаптации в обществе способна быть полностью эффективной и результативной.

Таким образом, резюмируя все сказанное в настоящей статье, необходимо еще раз отметить следующее. Проблема социальной адаптации женщин, освобожденных из мест лишения свободы, является для России особо значимой, поскольку от числа женщин, которые встают на путь исправления, существенно зависит эффективность системы противодействия преступности, ее количественные и качественные характеристики. Основными проблемами, которые препятствуют в настоящее время успешной социальной адаптации вчерашних осужденных женщин, являются следующие: заведомо предосудительное отношение общества к женщинам, вставшим на преступный путь; негативная психологическая установка – боязнь невозможности нормальной и непреступной жизни в обществе после своего освобождения; безработица и трудное материальное положение; потеря семьи, лишение родительских прав и невозможность построить свое семейное счастье; влияние ближайшего социального окружения и употребление спиртных напитков и наркотических средств; индивидуальное мироощущение женщины, препятствующее правопослушному поведению в обществе.

¹ См.: Давлятова С.В. Социальная адаптация женщин в постпенитенциарный период // Сборник научных трудов SWorld. – 2013. – Т. 19. – № 4. – С. 76.

*Абрамкин Алексей Дмитриевич,
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России*

ГЕНЕЗИС ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Мнение о времени происхождения института закупок для государственных нужд отечества у современного научного сообщества разнится. Большая часть ученых придерживается точки зрения, согласно которому указанные правовые отношения возникли в период правления царя Алексея Михайловича и появления Соборного уложения 1649 г.

Анализ исторических правовых источников показывает, что потребность в правовом регулировании закупок для государственных или муниципальных нужд под влиянием быстро развивающихся внутригосударственных экономических отношений сформировалась задолго до XVII в. Первые упоминания о закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд появились еще в XI–XII в. Так в ст. 43 «Русской правды» имеется упоминание о найме рабочих для ремонта или сооружения моста¹. Закрепление данного факта в виде законотворческого акта свидетельствует о том, что государство заботилось о создании социально важных инфраструктурных объектов и вело их строительство посредством привлечения иных лиц (подрядчиков) для осуществления работ, услуг. Следовательно, в XI–XII в. возникали новые правовые отношения между государством и людьми, исполняющими обязательства по договору.

Следующий этап формирования системы закупок для государственных нужд Российского государства относится к XVII в. Подтверждением этому служит один из первых отдельных

¹ См.: Шлецер А.Л. «Правда Русская данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимирович и сына его Изяслава» / А.Л. Шлецер, В.Г. Орлов. – СПб., 1767. Доступ из электронного фонда Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина. – URL : <https://www.prlib.ru/>

нормативных актов, сохранившийся до наших дней, изданный царем Алексей Михайловичем 7 июля 1654 г. – Указ «О подрядной цене на обеспечение доставки в город Смоленск муки и сухарей»¹.

Полноценной конкурсной основы поставок для государственных нужд на данном этапе, конечно, не существовало, однако появились ее задатки, публично велись поиски исполнителей, которые, в свою очередь, за исполнение контракта, помимо его оплаты, получали привилегии от государства – освобождались от пошлины за провоз данного товара.

Система закупок для нужд Российского государства получила стремительное развитие во времена правления Петра I. В его указах четко прослеживаются такие принципы проведения закупок, как публичность, открытость размещения заказа, закрепленные и в современном законодательстве. В указанный период был принят целый ряд законодательных актов, направленных на регламентацию проведения государственных закупок.

Отдельного внимания заслуживает Указ от 1721 г. «О борьбе с ценовым подлогом и коррупцией в сфере подряда и поставок», который устанавливал впервые ответственность поставщиков за недобросовестное выполнение подряда, а также дачу или получение взятки. Таким образом, уже в XVIII в. существовало законодательство о противодействии коррупции в сфере закупок. Помимо этого, период Петровских реформ характеризуется появлением различных государственных институтов в сфере закупок. Описывается и утверждается порядок осуществления приема товаров, вводится ответственность за недобросовестное исполнение государственного заказа, появляется система учета закупок, а также списки недобросовестных поставщиков. Последующие правители Российской Империи также уделяли внимание законодательству, связанному с закупками для государственных нужд. Их законодательная политика была направлена на укрепление авторитета государства как надежного партнера и в то же время усиление ответственности исполнителя, за невыполнение или недобросовестное выполнение государственного заказа.

Закупки для государственных нужд XVIII век обладали еще некоторыми особенностями. Закупками для общественных нужд

¹ Указ «О подрядной цене на обеспечение доставки в город Смоленск муки и сухарей 07 июля 1654 г» Президентская библиотека. – URL : <https://www.prlib.ru>

находились в ведении «Канцелярии подрядных дел», а государственными закупками для нужд армии и флота занимались специальные должностные лица. Военные должностные лица впоследствии оказались гораздо эффективнее, именно их опыт снабжения армии и флота на конкурсной основе применялся в дальнейшем развитии современной системы закупок.

Негативной стороной возросшего числа проводимых конкурсов, соответственно и лиц, проводимых закупки, стало увеличение случаев злоупотреблений при использовании и распределении государственных средств. Исполнение контрактов нередко нарушалось, чиновники и купцы сговаривались между собой, нарушались условия и обязательства. Государство вынуждено было упорядочить правила и процедуры публичных торгов, усилить контроль за их исполнением.

На фоне выпущенных указов того времени, касающихся регулирования госзакупок, выделяется Регламент Адмиралтейства и верфи 1721 года. Основой его создания стали Регламенты флота других стран. Документ детализировал порядок торгов.

В 1818 г. распоряжением «О мерах к отвращению промедлений и платежа поставщикам по заключенным с ними в казенных местах подрядах» была введена ответственность за факты неисполнения принятых на себя обязательств, а именно оплаты подрядных работ.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года были самостоятельные уголовно-правовые нормы, в главе «О преступлениях и проступках чиновников по некоторым особенным родам службы»¹, предусматривающие уголовную ответственность за: совмещение государственных должностей с коммерческой деятельностью, участие чиновников в проводимых публичных торгах и других сделках, разглашение ими сведений, составляющих коммерческую тайну, халатные действия при подборе лиц на должности, связанные либо с закупками материальных ценностей, либо с приемкой выполненных работ, незаконное получение подарков от поставщиков товаров, сговор чиновников с отдельными поставщиками с целью недопущения к открытым торгам

¹ Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Петроград, Государственная типография, 1915 г. Доступ из справ. прав. системы: ГАРАНТ. – URL : <http://base.garant.ru>

других, нарушение общих правил проведения открытых торгов и др.

Аналогичные ограничение в отношении государственных и муниципальных служащих мы можем наблюдать и в современном законодательстве о закупках.

Положение о подрядах и поставках, принятое в 1900г. устанавливало исчерпывающий перечень способов проведения торгов: «изустные торги» (проводя параллели с действующим Федеральным Законодательством «изустные торги» являлись аналогом современного аукциона), «торги при помощи запечатанных объявлений» и «смешанные торги»¹.

Как мы видим, государство дифференцировало различные виды торгов, для создания наиболее эффективного механизма закупок.

Установление и укрепление советской власти повлекшие распад рыночных отношений. Началась последовательная национализация частной собственности и концентрация ее основных производственных мощностей в руках у государственной власти, ликвидация частного капитала. В социалистический период издавались различные нормативные акты, которые должны были регулировать отношения в сфере института государственных закупок, но исполнителем выступали только государственные предприятия, организации.

Несмотря на указанные особенности Советского периода системы государственных закупок, нашего внимания заслуживает «Положение о государственных подрядах и поставках» от 11 мая 1927 года². Его особенность заключается в том, что выгодность условий и определение поставщика не ограничивается только поиском самой низкой цены. Заказчик имеет право руководствоваться кредитоспособностью, надежностью, опытом подрядчика, что позволит обеспечить максимальную выгоду государству при выполнении контракта.

¹ Балутите И.В. Институт государственных закупок: от Русской правды к Федеральному Закону «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Вестник Волгоград гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. – 2015 – № 4. – С. 33.

² См.: «Положение о государственных подрядах и поставках» (утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 11.05.1927) // Собрание законодательства СССР. 1927. № 28. Ст. 292.

Период новой экономической политики просуществовал недолго. В конце 1920-х годов экономика становится плановой, распределение – государственным. Конкурсные закупки оставались формальностью (кроме аукционов) и не проводились в России, они были отложены на долгие 70 лет.

Конкурентноспособная закупочная система, дающая возможность государству получать качественные товары, работы, услуги по низкой цене, преобразовалась в более простую плановую систему государственного заказа, суть которой заключалась в более простом планировании и обеспечении предприятий заказами. Плановой экономика обусловила ликвидацию конкурентной среды, отсутствие модернизации и развития на предприятиях, а также отставание от конкурентов из других государств.

Таким образом, анализ исторических документов, относящихся к зарождению и развитию системы закупок Российского государства, позволяет нам утверждать, что формирование института закупок и появление уголовной ответственности за недобросовестное выполнение контрактных обязательств является неотъемлемой составляющей экономического и политического развития страны.

*Болдырева Ольга Михайловна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры юриспруденции,
Елецкий филиал АНО ВО
«Российский новый университет»*

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

История становления законодательства об ответственности за изнасилование уходит своими корнями в период Древней Руси. В это время преступления, совершенные на половой почве, регулировались церковью.

В качестве одного из первых источников выступает Устав князя Ярослава «О церковных судах» (1015–1054 гг.), предусматривавший три вида ответственности за рассматриваемые преступления – гражданскую, уголовную и церковную. Исходя из социального положения жертвы, за изнасилование устанавливалась разная мера ответственности (статья 3 Устава). Устав также предусматривал ответственность и за иные преступления, совершенные на половой почве:

- групповое изнасилование (статья 7);
- многоженство (статья 16);
- скотоложство и блуд с монахиней (статья 18);
- половое сношение между свойственниками и родственниками (статьи 12, 14–15 и 19–23)¹.

Впервые слово «изнасилование» было употреблено в начале 11 века в Уставе «О десятинах, судах и людях церковных», в котором содержалось описание деяния подобного характера и определялись последствия². Помимо штрафа виновному нужно было взять потерпевшую в жены. Если была изнасилована обрученная, то преступнику грозила смертная казнь.

Но не все акты русского права выделяли положения об изнасиловании в самостоятельную норму. Например, в Судебниках от 1497, 1550 и 1583 гг. об изнасиловании вообще не упоминалось.

Следовательно, аспекты, оказавшие влияние на формирование данной нормы, зародились очень давно – с момента, когда женщинам отводилась только роль рождения и воспитания детей. В дальнейшем это породило тягу женщин к равноправию с мужчиной и к возникновению необходимости в их правовой защите.

На этом развитие законодательства на некоторое время приостановилось. И только в 1649 году в Соборном Уложении в качестве квалифицированного состава предусматривалось изнасилование, совершенное ратным человеком. За такое преступление предусматривалась высшая мера наказания (статья 30 Уложения). Однако Уложение не содержало точного определения составов преступлений, среди которых предполагалось и изнасилование.

¹ Заварыкин И.Н. История возникновения и развития российского и зарубежного уголовного законодательства об ответственности за изнасилование, а также его роль в защите прав женщин на половую неприкосновенность и половую свободу // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2013. – № 376. – С. 128.

² Там же.

Среди уголовно-правовых актов петровского периода особый интерес вызывает Артикул воинский Петра Первого, изданный в 1715 году. В этом Артикуле детально описаны государственные преступления, включая изнасилование. За совершение такого деяния предусматривалось два вида наказания: пожизненные каторжные работы или смертная казнь. В Артикуле содержалась специальная глава о «блуде», «насилии» и «содомском грехе». При определении виновности лица огромным значением обладала своевременность подачи потерпевшей заявления. В статье 167 Артикула отмечалось, что, если потерпевшая умолчит день или больше, то, по всей видимости, она сама имела к тому желание¹.

В этот период в сфере рассматриваемых преступлений впервые были введены обстоятельства, смягчающие наказание, а также термин «проституция». В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 года содержалась глава «О преступлениях против общественной нравственности». В этой главе устанавливалась ответственность за совершение таких преступлений, как мужеложство, не сопряженное с насилием (статья 995); мужеложство с насилием либо со слабоумным или малолетним (статья 996); скотоложство (статья 997).

Уголовное уложение от 1903 года содержало главу «О непотребстве». Исходя из возраста жертвы, за совершение любострастных действий предусматривалась разная мера ответственности.² Новое Уложение, в отличие от предыдущего, рассматривало преступления, совершенные на половой почве, не в качестве нарушения общественного порядка, а как деяния, которые посягают на интересы личности. В специальную главу Уложения от 1903 года, посвященную половым преступлениям, была включена 515 статья, предусматривавшая ответственность за такие виды преступлений:

- за совершение «любодеяния» с лицом любого пола, которое находится под властью виновного (часть 1);
- за совершение «любодеяния» посредством угрозы или причинения насилия жертве либо членам ее семьи (часть 2);
- за совершение «любодеяния» без плотского сношения, но с растлением (часть 3).

¹ Уголовное право. Особенная часть / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новосёлов. – М. : Норма, 2011. – С. 137.

² Цэнгэл С.Д. Квалификация насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) : дис. ... кан. юрид. наук. – СПб., 2011. – С. 90.

Уложением предусматривалась ответственность за вступление в сексуальную связь с ребенком, не достигшим 16-тилетнего возраста, даже если такие деяния были совершены с его согласия (часть 1 статья 513 Уложения). Ответственность за сексуальную связь с лицом, в возрасте от 16 лет до 21 года, без его согласия, устанавливалась статьей 514 Уложения¹.

Развитие основ нового уголовного права осложнилось после революции 1917 года. Существенно ухудшилось правовое регулирование наказания за половые преступления, в т.ч. за изнасилование. Но некоторые вопросы борьбы с такими преступлениями были отражены в различных правовых документах указанного периода.

В 1921 году был издан Декрет Совнаркома «Об ограничении прав по судебным приговорам». В данном Декрете изнасилование упоминалось наряду с другими преступлениями, за совершение которых народный суд или революционный трибунал мог применить ограничение прав.

В 1922 году был принят УК РСФСР, предусматривавший ответственность за изнасилование потерпевшей, не достигшей возраста половой зрелости. В УК РСФСР было дано определение термина «изнасилование» – это половое сношение с применением физического или психического насилия либо половое сношение, совершенное путем использования беспомощности жертвы. В главе «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» УК РСФСР от 1922 года содержался специальный раздел «Преступления в области половых отношений». В данный раздел были включены преступные посягательства, связанные и не связанные с удовлетворением виновным своих половых потребностей. Первая разновидность – составы ненасильственного удовлетворения половой страсти (статьи 166–168 УК «Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости»; «Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением или с удовлетворением половой страсти в извращенных формах»; «Развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий») и составы насильственного удовлетворения половой страсти (статья 169 УК «Изнасилование»). За простое изнасилование предусматривалось наказание в

¹ Заварыкин И.Н. Указ.соч. – С. 128.

виде лишения свободы сроком от трех лет, а за квалифицированное – от пяти лет¹.

В УК РСФСР от 1926 года не предусматривалось отдельного раздела о сексуальных преступлениях. Но в главе 6 УК «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» содержалось несколько статей, аналогичных статьям ранее действовавшего УК РСФСР об ответственности за половые преступления (статьи 151–155). Исходя из содержания статьи 153 данного кодекса, под изнасилованием подразумевалось половое сношение с применением угроз или физического насилия, либо совершенное путем запугивания, обмана, либо половое сношение, совершенное с использованием беспомощного состояния жертвы. В качестве квалифицирующих признаков изнасилования выступали: самоубийство жертвы; групповое изнасилование; изнасилование потерпевшей, не достигшей возраста половой зрелости (часть 2 статьи 153). За совершение простого изнасилования предусматривалось наказание в виде лишения свободы сроком до пяти лет, а за совершение квалифицированного – до восьми лет².

Указ Президиума ВС СССР от 04.01.1949 года повысил уголовную ответственность за изнасилование. С этого момента за изнасилование предусматривалось наказание в виде отбывания заключения в исправительно-трудовом лагере сроком от десяти до пятнадцати лет. За групповое изнасилование, изнасилование малолетней, а также за изнасилование, которое повлекло особо тяжкие последствия, устанавливалось наказание в виде заключения в исправительно-трудовых лагерях сроком от пятнадцати до двадцати лет³.

Принятие УК РСФСР от 1960 года ознаменовало новую веху в развитии уголовно-правовых норм, касающихся, в том числе, изнасилования. В главе 3 УК РСФСР были закреплены нормы, устанавливавшие уголовную ответственность за совершение половых

¹ Уголовный Кодекс РСФСР (Документ утратил силу с 01 января 1927 года в связи с принятием Уголовного Кодекса РСФСР 1926 года). – URL : <http://www.library.ru/help/docs/n10349/yk1922.txt>

² Уголовный Кодекс РСФСР. Редакция 1926 года. (Утратил силу с 01 января 1961 года в связи с принятием Уголовного Кодекса РСФСР 1961 года). – URL : <http://docs.cntd.ru/document/901757374>

³ Заварыкин И. Н. Указ.соч. – С. 129.

преступлений¹. Как и предыдущий Уголовный Кодекс, УК РСФСР от 1960 года не содержал отдельного раздела о половых преступлениях. Однако в нем содержались составы таких преступлений (к примеру, изнасилование (статья 117 глава 3). В ч. 2 и ч. 3 статьи 117 УК РСФСР были предусмотрены новые квалифицирующие признаки, а именно:

– изнасилование с угрозой причинения тяжкого вреда здоровью или с угрозой убийством; изнасилование, совершенное лицом, которое ранее уже совершало такое преступление, либо группой лиц (часть 2 статья 117 УК);

– изнасилование несовершеннолетней; изнасилование, которое повлекло особо тяжкие последствия; изнасилование, совершенное особо опасным рецидивистом (часть 3 статья 117 УК).

В соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 15.02.1962 года, за преступление, предусматриваемое третьей частью 117 статьи УК РСФСР, устанавливалась высшая мера наказания².

Закон РФ от 18.02.1993 года внес изменения в статью 117 УК РСФСР. Так, в четвертую часть был включен ряд квалифицирующих признаков – изнасилование малолетней; изнасилование, которое повлекло особо тяжкие последствия; изнасилование, совершенное особо опасным рецидивистом. За совершение указанных деяний предусматривалось наказание в виде лишения свободы сроком от восьми до пятнадцати лет либо смертная казнь.

Огромную роль в формировании и развитии иностранного и отечественного уголовного права в области защиты женщин от сексуальных преступлений сыграли такие международные документы:

1. Международная Конвенция «О согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков». Данная Конвенция открыта для ратификации и подписания Резолюцией Генассамблеи ООН от 07.11.1962 года № 1763-А (XVII). Конвенция обязала государства, которые присоединились к ней путем ратификации, принять все необходимые меры по отмене законов и обычаев, касающихся семьи и брака; обеспечить полную свободу

¹ Давитадзе М.Д. История становления и развития законодательства России об ответственности за изнасилования / М.Д. Давитадзе, Е.И. Калинина // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 2. – С. 67.

² Заварыкин И.Н. Указ. соч. – С. 129.

в выборе брачного спутника; упразднить детские браки и браки, заключаемые до достижения одним из брачующихся половой зрелости; упразднить традицию предварительной договоренности о заключении брака; установить на законодательном уровне надлежащую ответственность; вести реестры актов гражданского состояния. Положения этого международного документа направлены на то, чтобы предотвратить сексуальную эксплуатацию и сексуальное насилие в отношении женщин, которым они подвергаются в недобровольном браке¹.

2. Конвенция ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин». Данная Конвенция была принята Резолюцией Генассамблеи ООН от 18.12.1979 года № 34/180. Этим международным документом закрепляется принцип равноправия женщин и мужчин во всех сферах, в т. ч. в защите и обеспечении права на половую свободу и неприкосновенность. Важнейшее положение Конвенции – указание на прямое обязательство стран-участниц принимать все меры для пресечения торговли и сексуальной эксплуатации женщин².

3. Декларация «Основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью». Данный международный документ принят Резолюцией Генассамблеи ООН от 29.11.1985 года № 40/34. В Декларации дано определение понятию «жертва», сформулированы рекомендации предоставления социальной помощи, компенсаций и реституций пострадавшим³.

4. Декларация ООН «Об искоренении насилия в отношении женщин», принятая Резолюцией Генассамблеи ООН от 20.12.1993 года № 48/104. В Декларации дано определение понятия «насилие, совершаемое на половой почве». Данным понятием охватываются любые акты насилия, совершаемые на основании полового признака, способные причинить или причиняющие половой,

¹ Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков. Открыта для подписания и ратификации резолюцией 1763 А (XVII) Генеральной Ассамблеи от 07 ноября 1962 г. – URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/conmarr.shtml

² Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 г. – URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml

³ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. Принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г. – URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml

физический или психологический вред и страдания женщинам; угрозы совершения таких актов; произвольное лишение свободы; принуждение¹.

Действующее российское уголовное законодательство, основываясь на положениях Конституции РФ, общепризнанных международно-правовых нормах и принципах, устанавливает уголовно-правовую ответственность за изнасилование по ст. 131 УК РФ. Под изнасилованием подразумевается половой акт (сношение) с применением либо угрозой применения насилия к потерпевшей или к иным лицам, либо половой акт с использованием беспомощного состояния жертвы².

В соответствии с содержанием статьи 131 УК РФ, в качестве квалифицирующих признаков изнасилования выступают:

- изнасилование, совершенное группой лиц; организованной группой; группой лиц по предварительному сговору (пункт «а»);
- изнасилование, совершенное с угрозой причинением тяжкого вреда здоровью или с угрозой убийством; изнасилование, совершенное с особой жестокостью к жертве или иному лицу (пункт «б»);
- изнасилование, которое повлекло заражение жертвы венерическими заболеваниями (пункт «в»).

Особо квалифицирующими по ч. 3 ст. 131 УК РФ выступают:

- пункт «а» – изнасилование несовершеннолетней;
- пункт «б» – изнасилование, которое повлекло по неосторожности заражение жертвы венерическим заболеванием, причинение тяжкого вреда ее здоровью, другие тяжкие последствия.

Особо квалифицирующими по ч. 4 ст. 131 УК РФ выступают:

- пункт «а» – изнасилование, которое повлекло смерть потерпевшей по неосторожности;
- пункт «б» – изнасилование потерпевшей младше 14-ти лет.

Особо квалифицирующим по ч. 5 ст. 131 УК РФ выступает деяние, предусмотряемое п. «б» ч. 4 статьи 131 УК РФ, совершенное лицом, которое имеет судимость за совершенное ранее

¹ Декларация об искоренении насилия в отношении женщин. Принята резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 г. – URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018). – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699

преступление против половой неприкосновенности лица, не достигшего совершеннолетия¹.

В примечаниях к ст. 131 УК РФ законодателем указано, что к числу преступлений, предусматриваемых п. «б» ч. 4 настоящей статьи, относятся деяния, которые подпадают под признаки преступлений, предусматриваемых частями 3–5 статьи 134 УК РФ и частями 2–4 статьи 135 УК РФ, совершенные в отношении лица младше 12-ти лет, так как такое лицо в силу малолетнего возраста находится в беспомощном состоянии и не в состоянии осознавать значение и характер действий, которые совершаются в отношении него.

В УК РФ предусмотрено уголовное наказание за совершение данного вида преступлений в виде лишения свободы на срок от 3-х до 20-ти лет с лишением права вести определенную деятельность или занимать определенную должность сроком до 20-ти лет (ч. 1 ст. 131 УК РФ) либо в виде пожизненного лишения свободы по ч. 5 ст. 131 УК РФ².

Основываясь на вышесказанном, отметим, что Россия, присоединившись к международным правозащитным соглашениям и ратифицировав их, приняла обязательство защищать женщин от сексуального насилия, в т. ч. от изнасилований.

История становления отечественного уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за изнасилование, исходя из его роли в защите прав женщин на половую свободу и неприкосновенность, делится на несколько периодов:

1. Первый период – период Древнего мира и Средневековье. Данный этап характеризовался тем, что уголовные нормы об ответственности за изнасилование учитывали при назначении наказания должное поведение и социальное положение жертвы, однако не принимали во внимание половую свободу и не рассматривали ее в качестве объекта охраны уголовного права.

2. Второй период – с конца 17 века по начало 20 века. Данный период ознаменовался возникновением в отечественном уголовном праве норм, которые признают и защищают право

¹ Давитадзе М.Д. История становления и развития законодательства России об ответственности за изнасилования / М.Д. Давитадзе, Е.И. Калинина // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 1. – С. 117.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018).

женщины на сексуальное достоинство и половую свободу, а также норм, которые учитывают определенное поведение и состояние жертв при юридической оценке деяний насильника как преступного.

3. Третий период – новейшее время. Данный период ознаменовался принятием ООН ряда международных соглашений, которыми были закреплены ключевые принципы ответственности за преступные посягательства против половой свободы и неприкосновенности личности. Также установлены нормы, защищающие женщин от половых преступлений. Указанные нормы имплементированы в национальное уголовное законодательство государств, присоединившихся к таким соглашениям.

*Жуковский Владимир Ильич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
правовой культуры и защиты прав человека,
Юридический институт
Северо-Кавказского федерального университета*

«АПТЕЧНАЯ НАРКОМАНИЯ»: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ В ОТНОШЕНИИ АПТЕЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ДОПУСКАЮЩИХ БЕЗРЕЦЕПТУРНЫЙ ОТПУСК ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ

Проблемы незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и их немедицинского потребления по масштабам распространения и развития наркомании, а также трудности антинаркотического воздействия являлись глобальной проблемой мирового сообщества в XX веке и сохраняют свою актуальность в XXI веке. Современная наркоситуация характеризуется расширением масштабов незаконного оборота и немедицинского потребления лекарственных препаратов, обладающих психоактивным действием. Как научный, так и практический интерес к проблемам незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ

сложно переоценить, поскольку их немедицинское потребление охватывает практически все страны мира, оказывая самое негативное влияние на индивидуальное и общественное здоровье населения, значительно увеличивая расходы общественного здравоохранения, сопряжено с совершением наркопреступлений, формирует угрозу интеллектуальному, кадровому, оборонному потенциалу государств¹.

Особым спросом у наркозависимых лиц – так называемых «аптечных наркоманов» – пользуются лекарственные препараты, прегабалин-содержащие (торговые наименования «Лирика», «Габана», «Альгерика», «Неогабин», «Линбаг»), тапентадол (торговое наименование «Палексия»), тропикамид (торговые наименования «Тропикамид», «Мидриацил») и циклопентолат (торговые наименования «Цикломед», «Циклоптик», Мецитолин»), которые не относятся к ядовитым или сильнодействующим средствам и в своем составе не содержат ни наркотических, ни психотропных веществ. При этом их употребление не по назначению врача (в том числе непредназначенным способом, в больших дозах, в сочетании с другими веществами или алкоголем) вызывает наркотическое опьянение, а также стойкую зависимость. Лица, употребляющие данные препараты не по назначению врача, как правило, являются нарушителями общественного порядка, склонны к совершению преступлений общеуголовной направленности, тем самым влияют (в сторону ухудшения) на оперативную обстановку, наносят ущерб репутации органов государственной власти.

По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, количество наркозависимых лиц, употребляющих вышеуказанные препараты и регулярно обращающихся в наркологические учреждения субъектов Российской Федерации, составляет в среднем от 3 % до 5 % от общего количества учтенных наркозависимых лиц².

Прегабалин, тапентадол, тропикамид и циклопентолат включены в Перечень лекарственных средств для медицинского

¹ Путин: только комплексом мер можно победить наркоманию. Актуальные комментарии, 2011 г. – URL : http://actualcomment.ru/putin_tolko_kompleksom_mer_mozhno_pobedit_narkomaniyu.html (дата обращения 21.07.2019).

² Неволина Е.В. Почему российские аптеки не спешат заниматься реализацией наркотических средств? // Вестник Росздравнадзора. – 2014 – № 3. – С. 21–23.

применения, подлежащих предметно-количественному учету, утвержденный приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 22 апреля 2014 года № 183н (далее – Перечень). В данный Перечень помимо указанных включены также лекарственные средства, содержащие сильнодействующие, ядовитые, наркотические, психотропные вещества и их прекурсоры, в отношении которых на территории Российской Федерации действуют усиленные меры контроля¹. При этом наличие особого порядка контроля за обращением лекарственных средств для медицинского применения, подлежащих предметно-количественному учету, не нашло отражения в законодательстве об административных правонарушениях.

Так, в настоящее время частью 1 статьи 14.42 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – Кодекс) за нарушение установленных правил оптовой торговли лекарственными средствами и порядка розничной торговли лекарственными препаратами установлена административная ответственность, предусматривающая наложение административного штрафа на граждан в размере от полутора тысяч до трех тысяч рублей; на должностных лиц – от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на юридических лиц – от двадцати тысяч до тридцати тысяч рублей. Данный состав применяется в отношении всех лекарственных средств и препаратов, в том числе включенных в Перечень.

Несмотря на действующие административные штрафы, в большинстве субъектов Российской Федерации (в т.ч. на территории Ставропольского края) продолжают отмечаться многочисленные факты нарушений в сфере обращения лекарственных средств для медицинского применения, подлежащих предметно-количественному учету, в том числе нередко случаи их безрецептурного отпуска наркозависимым лицам.

В России с каждым годом увеличивается незаконный оборот сильнодействующих препаратов и число преступлений, совершаемых по ст. 234 УК РФ. По данным МВД, в 2016 году количество преступлений, квалифицированных по 234 статье УК РФ,

¹ Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2017 году // Государственный антинаркотический комитет. – М., 2018. – С. 2–3.

составило 652, в 2017 году – 898, а за десять месяцев 2018 года – 950¹. И одной из причин такой отрицательной статистики стала и «аптечная наркомания». Поэтому назрела необходимость ужесточения контроля продажи средств, вызывающих зависимость аналогичной наркотической.

26 апреля 2019 года на рассмотрение в Государственную думу внесен законопроект об ужесточении наказания за нарушения при торговле лекарствами, при неумеренном потреблении вызывающими так называемую аптечную наркоманию, который предполагает введение новшеств и изменений в КоАП РФ. Инициатором проекта выступила член комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Ирина Рукавишникова, следует из базы данных нижней палаты².

В частности, указанным законопроектом предлагается установить отдельное наказание за «нарушение установленных правил оптовой торговли... и порядка розничной торговли лекарственными препаратами, если эти действия (бездействие) совершены в отношении лекарственных средств для медицинского применения, подлежащих предметно-количественному учету, и не содержат уголовно наказуемого деяния». В случае принятия проекта штраф за данное нарушение для граждан составит от 5 тыс. до 10 тыс. рублей, должностных лиц – от 20 тыс. до 30 тыс. рублей или дисквалификация на срок от 1 года до 3 лет, лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – такой же штраф или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток. Для юридических лиц предусмотрены санкции от 100 тыс. до 150 тыс. рублей или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток.

¹ Жуковский В.И. Государственно-правовые механизмы противодействия наркотизации общества: некоторые аспекты формирования, состояния и реализации / В.И. Жуковский, Н.В. Довголюк; Отв. ред. Н.Н. Цуканов; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» // В сборнике: Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты. Материалы международного научно-практического семинара. – 2019. – С. 71–74.

² Панов С.Л. «Аптечная» наркомания // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2011. – № 3(46). – С. 5–7.

Предусмотрено, что эти санкции будут действовать только при отсутствии признаков уголовного преступления.

Парламентарий И. Рукавишников ссылается на данные МВД, согласно которым «основной причиной распространения случаев безрецептурной продажи лекарственных препаратов является умышленное несоблюдение собственниками аптечных учреждений требований, установленных законодательством РФ». Так, по сведениям Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ), в 2018 году территориальными органами МВД РФ совместно с органами Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения (далее – Росздравнадзор) было выявлено более 500 фактов безрецептурного отпуска лекарственных средств, обладающих психоактивным действием.

По информации Росздравнадзора, в 2018 году рост количества протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи 14.42 Кодекса, составил более 60 % от уровня 2016 года. При этом значительная часть дел об административной ответственности по данной статье была возбуждена в связи с нарушениями в сфере обращения лекарственных средств для медицинского применения, подлежащих предметно-количественному учету.

Законопроект, предложенный И. Рукавишниковой, лишь малая часть системной программы по профилактике наркомании в России. В свою очередь, Министерство внутренних дел предлагает на законодательном уровне повысить штрафы за рекламу наркотических веществ в интернете. Представители власти хотят, чтобы за пропаганду запрещенных препаратов нарушители несли материальное наказание размером до 1000000 рублей.

Анализируя статистику выявленных правонарушений, следует учитывать, что одним из наиболее типичных и распространенных административных правонарушений в данной сфере является безрецептурный отпуск лекарственных препаратов, подлежащих предметно-количественному учету.

Исследование ситуации в сфере незаконного обращения лекарственных средств, проведенное сотрудниками МВД РФ, показало, что основной причиной распространения случаев безрецептурной продажи лекарственных препаратов является умышленное

несоблюдение собственниками аптечных учреждений требований, установленных законодательством Российской Федерации. Это связано с несопоставимостью размеров прибыли, получаемой от незаконной реализации лекарственных препаратов, и убытков, которые могут быть причинены аптечной организации в случае выявления правонарушений контролирующими органами.

Основными причинами массовой концентрации «аптечных наркоманов» являются действующие аптечные учреждения, допускающие безрецептурный отпуск лекарственных препаратов, перечисленных выше. В связи с этим одной из задач органов внутренних дел является пресечение деятельности подобных фармацевтических учреждений на территориях обслуживания.

Одной из доступных и наиболее простых форм влияния на недобросовестных предпринимателей (в том числе и аптеки) является вынесение предостережений руководителям и работникам (фармацевтам, провизорам) аптечных учреждений о недопустимости нарушения действующего законодательства, о возможных последствиях. В данных предостережениях необходимо предусматривать графу ознакомления предпринимателя и работников, что впоследствии будет способствовать доказыванию умысла совершенного правонарушения.

Как показывает практика ГУ МВД ряда субъектов РФ, наиболее эффективно и оперативно возможно добиться требуемого результата путем проведения совместных мероприятий подразделений полиции, прокуратуры и органов государственного контроля. К таковым следует отнести: территориальные органы Росздравнадзора; управления надзорной деятельности и профилактической работы ГУ МЧС России субъекта (на местах – Госпожнадзор); управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека субъекта (в состав которых входят санитарно-эпидемиологические станции (СЭС); государственные инспекции труда.

Для проведения совместного мероприятия, от имени начальника ОМВД готовится и направляется прокурору города (района) мотивированное письмо, в котором указывается перечень действий, которые необходимо провести, причины организации мероприятия, какой орган и когда необходимо привлечь.

В данном случае орган внутренних дел выступает инициатором, прокуратура – организатором, вышеперечисленные органы госконтроля – участниками мероприятия. В ходе совместной проверки «аптечных» учреждения каждый участник выявляет нарушения (недостатки) по своему направлению и составляет итоговый документ. К наиболее распространённым основания для реагирования и выполнения своих функций каждым из перечисленных органов следует отнести:

- план ежегодных плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, который регулярно обновляется и публикуется на сайте Генеральной прокуратуры РФ. В соответствии с указанным планом обязаны осуществлять проверки Росздравнадзор, Роспотребнадзор, Госпожнадзор, ОВД;

- поступившее установленным порядком в один из перечисленных органов заявление физического лица в отношении объекта контроля (аптеки);

- поступивший из органов внутренних дел по подведомственности материал, письмо, распоряжение о проведении совместных мероприятий;

- поступивший из органов прокуратуры акт реагирования.

Каждый из перечисленных органов государственного контроля не универсален и имеет строго определенные направления деятельности и индивидуальные рычаги воздействия на подконтрольные объекты, с целью понуждения их к соблюдению действующего законодательства.

Территориальный орган Росздравнадзора является органом, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере здравоохранения, в полномочия которого входит проверка соблюдения правил оборота лекарственных препаратов, товаров медицинского назначения, а именно:

- наличие подтверждающих приходных и расходных документов на реализуемые товары;

- наличие сертификатов качества;

- соблюдение условий хранения;

- соблюдение правил отпуска;

- ведение учетной документации;

- наличие минимального ассортимента лекарственных средств;

- соблюдение лицензионных требований;
- наличие оборудования для осуществления фармацевтической деятельности и других.

С января 2019 года в целях выявления и документирования фактов нарушения указанных правил, территориальным органам Росздравнадзора предоставлено право осуществлять контрольные закупки, в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 511-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

По результатам проверки подразделения Росздравнадзора имеют право составлять административные протоколы, выносить по ним решения (штрафы физическим и юридическим лицам), а также обращаться в арбитражный суд с ходатайством о приостановлении деятельности, либо аннулировании лицензии на фармацевтическую деятельность.

Следует отметить, что для составления протокола об административном правонарушении для органов Росздравнадзора достаточно наличия видеозаписи (сделанной гражданским лицом), на которой зафиксирован факт безрецептурного сбыта лекарственного препарата указанной выше категории.

Управление надзорной деятельности и профилактической работы ГУ МЧС России осуществляет свою деятельность в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 25 апреля 2012 г. № 390 «О противопожарном режиме» и может проводить внеплановые проверки (в случае поступления обращений граждан, организаций или поступления информации от органов власти, из средств массовой информации о фактах нарушений требований пожарной безопасности, если такие нарушения создают угрозу причинения вреда жизни, здоровью людей, вреда животным, растениям, окружающей среде, безопасности государства, имуществу физических и юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, угрозу возникновения пожара) соблюдения требований пожарной безопасности в соответствии с правилами противопожарного режима в Российской Федерации, а именно:

- наличие противопожарной сигнализации;
- наличие огнезащитной обработки помещения (при необходимости);

- наличие огнетушителей (в соответствии с нормами, сроки поверки);

- наличие лиц, ответственных за пожарную безопасность, прошедших обучение, и т.д.

Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека проводят внеплановые проверки (в случае обращения граждан, организаций или поступления информации от органов власти, из средств массовой информации о фактах возникновения угрозы или причинения вреда жизни, здоровью людей, вреда животным, растениям, окружающей среде, безопасности государства, имуществу физических и юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, а также нарушения прав потребителей, при обращении граждан, права которых нарушены) соблюдения следующих требований:

- законность трудовых отношений;
- соответствие квалификационного уровня сотрудников;
- своевременное прохождение медосмотров, наличие санитарных книжек;

- соблюдение правил торговли на фармацевтическую продукцию;

- наличие необходимых сертификатов на товары;

- соответствие помещения санитарным нормам;

- соблюдение правил ценообразования;

- работа контрольно-кассовой аппаратуры и др.

Для подтверждения факта безрецептурного отпуска лекарственных препаратов (по сути – сбыта) эффективным средством является проведение мероприятия «контрольная закупка», полномочия на проведение которого у органов внутренних дел отсутствуют. Однако видеозапись, на которой зафиксировано правонарушение, органы полиции могут получить от граждан, в том числе приобретающих подконтрольные лекарственные препараты в аптеках, допускающих безрецептурный отпуск. Факты предоставления гражданами видеозаписи с «нужным» содержанием нередки, на пример, на территории Ставропольского края только за 1-е полугодие 2019 года таковых было предоставлено 65.

Такие записи могут быть предоставлены сотрудникам ППС, чьи маршруты патрулирования проходят (приближены) рядом с аптечными учреждениями, должным образом инструктированным нарядам ДПС, участковым уполномоченным, при осуществлении приема граждан на административном участке, а также любому представителю правоохранительных органов, проинформированному о такой необходимости.

В целях противодействия незаконной деятельности аптечных учреждений, допускающих безрецептурный отпуск подконтрольных лекарственных препаратов следует обеспечить проведение следующих действий и мероприятий:

- получение информации об аптечном учреждении (фактический и юридический адрес, персональные данные директора (предпринимателя), наличие и законность лицензии на фармацевтическую деятельность, наличие в собственности автотранспорта (как личного, так и у близких родственников), характеризующая информация (судимость, административные правонарушения и др.);

- вынесение в адрес предпринимателя (директора юридического лица) предостережения, либо проведение профилактической беседы;

- подготовка распоряжения на проведение обследования по установленному адресу;

- инициирование проведения совместных мероприятий по проверке указанной аптеки. Состав участников необходимо следует определять в зависимости от имеющейся информации об объекте;

- при невозможности проведения совместного мероприятия принять меры (как предложено выше) к получению видеозаписи об осуществлении безрецептурного отпуска в аптечном учреждении, после чего получить объяснение у лица, купившего препараты, изъять препараты, направить на исследование (в случае отсутствия упаковки, маркировки);

- проведение обследования по месту нахождения аптечного заведения. В ходе обследования изымать систему видеонаблюдения, указанные выше лекарственные препараты, накладную документацию, черновые записи (приход, расход), денежные средства,

находящиеся вне кассы, и другие предметы, имеющие отношение к совершенному деянию;

- получение объяснения от провизоров, директора аптеки (предпринимателя), в случае согласия.

- в обязательном порядке обеспечить участие представителей пресс-службы ГУ, с целью в последующем принятия решения об освещении в СМИ проведенного мероприятия и его результатов;

- собранный материал направить в Росздравнадзор по подведомственности для рассмотрения и составления протокола об административном правонарушении (см. приложение к рекомендациям);

- в дальнейшем повторить исполнение перечисленных выше пунктов, с целью установления факта неоднократности совершения указанного правонарушения в данном аптечном учреждении;

Параллельно с проводимыми мероприятиями следует ориентировать наряды ДПС на проверку транспортных средств, находящихся в пользовании всех лиц, причастных к деятельности указанного аптечного заведения, с целью обнаружения бухгалтерской документации или лекарственных препаратов, не имеющих сопроводительной документации. В случае принятия судом решения об аннулировании лицензии, либо о приостановлении ее на определенный срок, необходимо обеспечить на контроль деятельности данного аптечного учреждения в указанный период, в целях выявления фактов незаконной предпринимательской деятельности.

Данные рекомендации необходимо принять к сведению и на постоянной основе применять в оперативно-служебной деятельности.

Предложенные меры не являются исчерпывающими, однако, они могут способствовать повышению эффективности работы по изменению криминологической ситуации в сфере незаконного оборота наркотиков.

*Довголюк Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общегуманитарных
и юридических дисциплин,
Ставропольский филиал
Московского педагогического
государственного университета*

СОЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМ НАРКОТИЗАЦИИ И ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОТИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Прежде чем вести речь о необходимости профилактики наркомании необходимо отметить – наркобизнес и связанная с ним преступность, в настоящее время остаются одними из серьезных угроз безопасности жизнедеятельности, как Российской Федерации, так и всего мира. Распространение наркотиков не только способствует росту преступности, повышению уровня смертности, но также влечет за собой ряд тяжких последствий, связанных с криминализацией экономики, социальной и политической среды. Наркотическая эпидемия не только прямо и явно угрожает нормальному функционированию и совершенствованию социальных институтов, она способна перечеркнуть будущее общества, нанести непоправимый вред генофонду нации.

Наркомания и наркопреступность, разрушают общество, стимулируют рост преступности, коррупции, поражают людей независимо от их социального положения, пола, религии и расы. При этом, не для кого не секрет, что более всего от наркотиков страдают дети и молодежь, которые составляют около трех четвертей всех, втянутых в орбиту наркотизации. Проблема распространения наркотиков в последние годы значительно обострилась, и оказывает крайне негативное влияние на социально-психологическую атмосферу в обществе, представляя сегодня одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности, здоровью населения. Только в Ставропольском крае по данным краевого клинического диспансера на 01 октября 2019 года общее количество лиц,

состоящих на учёте в связи с немедицинским употреблением наркотических и токсических психотропных веществ, составило 8137 человек (АППГ – 7855 человек), что в расчёте на 100 тысяч населения составляет 301,2, что на 3,6 % больше аналогичного периода 2018 года (АППГ – 290,8 на 100 тысяч населения). И это только их явная часть, которая составляет порядка 25 % от общего числа наркозависимых. Истинное же число приобщающихся к потреблению наркотических средств или больных наркоманией известно лишь в самых общих чертах, поскольку к данной категории можно отнести тех, кто лечится неофициально или самостоятельно, а также тех, кто не попал в поле зрения правоохранительных органов и органов здравоохранения.

Стоит отметить, что проблема наркотизации общества в России, зависит и от «доброжелателей» в лице так называемых «сверхдержав». Так, согласно сообщению ежедневной деловой газеты РБК daily от 10 сентября 2008 года, а также иным источникам, по данным общественного объединения «Антинаркотический фронт», за последние шесть лет производство героина в Афганистане выросло в 40 раз. Стоит заметить, что наркотическая лавина начала расти с того момента, когда в Афганистане оказался международный контингент войск под управлением НАТО. Складывается ощущение, что США с союзниками, вопреки собственным громким заявлениям, не столько борются с выращиванием опиасырца в промышленных масштабах, сколько создают условия для ухода наркотиков в «правильном» направлении. Кстати, аналогичная ситуация сложилась после появления американцев в Ираке.

Небезызвестно, что наркобизнес, как и любой бизнес подчиняется рыночным отношениям, основой которого является простая формула – спрос рождает предложение. При этом силовыми методами можно бороться только с предложением.

С момента создания органов наркоконтроля одной из основных мер по стабилизации наркоситуации было обозначено снижение доступности наркотических средств и психотропных веществ. В Ставропольском крае количество изымаемых наркотиков ежегодно увеличивается: только в истекшем году прирост составил порядка 48 %. Данный фактор послужил объективной причиной относительного роста цен и связанного с ним дефицита основных

употребляемых видов наркотиков на нелегальном рынке Ставропольского края. За 9 месяцев 2018 года, при осуществлении оперативно-розыскной деятельности сотрудниками Управления выявлено 2103 наркопреступления (9 месяцев 2017 г. – 2263), из которых 1029 (57,5 %) – относятся к категории тяжких или особо тяжких (9 месяцев 2017 г. – 1151), 929 (44,2 %) – связаны со сбытом наркотиков (9 месяцев 2017 г. – 1009). Кроме того, выявлено 27 преступлений в сфере легализации (отмывания) доходов, полученных от продажи наркотических средств и психотропных веществ (9 месяцев 2017 г. – 30), при этом общая сумма легализованных денежных средств составила 11,5 млн рублей. Также на 12,6 % увеличилось количество выявленных сотрудниками Управления преступлений, связанных с организацией и содержанием наркопритонов (9 месяцев 2018 г. – 134, 9 месяцев 2017 г. – 119), на 31,7 % – связанных с незаконным оборотом сильнодействующих и ядовитых веществ (9 месяцев 2018 г. – 262, 9 месяцев 2017 г. – 199).

Наибольший рост зарегистрирован среди выявленных преступлений, связанных с перемещением через таможенную границу Российской Федерации наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ – в 9,5 раз (9 месяцев 2018 г. – 19, 9 месяцев 2017 г. – 2). Преимущественно это связано с возросшим в конце прошлого и начале текущего года числа пересылок наркотиков почтовыми отправлениями. Однако в условиях масштабности и скорости распространения наркомании (не в последнюю очередь обусловленную действиями некоторых стран), все мы понимаем, что силовыми методами можно в лучшем случае сдержать распространение наркомании, поставить ее под так называемый «контроль», да и это представляется затруднительным, если не невозможным. То есть речь должна идти о борьбе со спросом на наркотики. Если молодые люди (наркоманов старше 30 лет практически нет) не будут принимать наркотики, то, соответственно предлагать их будет некому.

Основой борьбы со спросом может, должна и является профилактика наркомании. Действующим законодательством профилактика наркомании определена как совокупность мероприятий политического, экономического, правового, социального, медицинского, педагогического, культурного, физкультурно-спортив-

ного и иного характера, направленных на предупреждение возникновения и распространения наркомании¹.

В этих условиях особое значение приобретает концентрация совместных усилий всех ветвей власти, общественных объединений, религиозных конфессий и других в противодействии злоупотреблению наркотиками, совершенствовании антинаркотического законодательства, укреплении межведомственного взаимодействия.

Факты говорят о том, что при сохранении существующей тенденции для России в ближайшем будущем создается реальная угроза высокой степени наркотизации населения. Статистика уже демонстрирует значительный прирост количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и это с учетом высокой латентности данных преступлений².

Наибольшую озабоченность вызывает пополнение рядов наркоманов молодежью. При этом прослеживается устойчивая взаимосвязь между ростом случаев заболевания наркоманией среди молодежи и ростом числа противоправных действий, совершаемых ими в наркотическом опьянении. Поскольку наркомания, как правило, связана с противоправными действиями, она нередко выступает причиной преступлений и административных проступков, что и характеризует ее повышенный социальный вред³. Основными причинами вовлечения детей, подростков и молодежи в немедицинское потребление наркотиков остаются: упадок системы детских и молодежных организаций, расслоение нашего общества по уровню доходов, массивное влияние чуждых нам культур, ценностный кризис в обществе – утрата жизненных целей, ослабление семейных связей.

¹ Дмитриева Т.Б. Формы государственного контроля за оборотом наркотиков (зарубежный и национальный опыт) / Т.Б. Дмитриева, Т.В. Клименко // Наркология. – 2009. – Т. 8. – № 7. – С. 12.

² Заседание президиума Госсовета по вопросу реализации государственной антинаркотической политики от 17 июня 2015 года. – URL : <http://www.kreml.ru/catalog/keywords/5/eveNotes/49716> (дата обращения 18.10.2019).

³ Довголюк Н.В. Социально-криминологические особенности (детерминанты) незаконного оборота наркотических средств и некоторые вопросы организации борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // В сборнике: Университетские чтения – 2016. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – 2016. – С. 74–79; Жуковский В.И. Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства в рамках борьбы с организованной преступностью // Юбилейный сборник статей. – Ставрополь, 2013. – С. 173–177.

Полное осознание и понимание первопричин проблемы наркотизма лежит в основе принятия грамотных и эффективных решений с учетом современных реалий жизни. Сегодня нельзя не признать, что профилактическая работа участвующих в ней субъектов не всегда носит комплексный системный характер. Данное положение во многом является следствием недостаточного ресурсного обеспечения.

В системе образования также сохраняется дефицит педагогических и управленческих кадров, обладающих необходимой квалификацией в сфере профилактики. Образовательные учреждения не являются полностью безопасным местом в смысле распространения наркотиков и приобщения детей и молодежи к их употреблению. По-прежнему, недостаточно участие средств массовой информации в организации пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта. К профилактической работе недостаточно активно привлекаются родительские комитеты и общественные объединения.

Остро стоит проблема социальной адаптации наркозависимых. «Помыкавшись» по потенциальным работодателям, они, как правило, опять погружаются в наркотический дурман. Ранее действовавшие государственные структуры, общественные организации и службы, призванные оказывать помощь бывшим алкоголикам и наркоманам, в процессе проведения экономических реформ оказались закрыты или перепрофилированы. Государственная система социальной адаптации в крае практически отсутствует. Втянутый в наркоманию человек остаётся один на один со своей проблемой, а, значит, обречён на гибель и еще более глубокое вовлечение в преступную деятельность. В этой ситуации необходимо осознать, что наркотическая болезнь, одолеваяющая конкретного человека, не только его личная беда, это трагедия для его семьи, угроза окружающим, она порождает трудности для всего общества.

Необходима организация целостной системы социальной, правовой, психологической помощи, оказываемой наркоманам, прошедшим курс лечения и желающим вернуться к нормальной жизни. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о специализированных унитарных предприятиях, на которых могли бы работать бывшие наркоманы, преодолевшие свой недуг. Понятно,

что многие из них либо утратили профессиональные навыки, либо не успели их получить вообще. Но мы должны предоставить им возможность зарабатывать на жизнь своим трудом, как это делается, например, на предприятиях Всероссийского общества инвалидов. Такая мера даст возможность наркозависимым удержаться в состоянии ремиссии, не деградировать и вновь не превратиться в злостных нарушителей закона.

Необходимым условием профилактической работы является соблюдение прав детей и молодых людей. И хотелось бы особенно подчеркнуть, что наша общая задача – не избавиться от подростков с наркотическими проблемами, а по возможности сохранить их в системе образования, создать условия для их поддержки и социализации.

В целом профилактическая работа должна базироваться на качественно новом уровне, согласованных действий всех заинтересованных структур и ведомств на федеральном, краевом и муниципальном уровнях. При этом именно образовательные структуры должны играть активную роль в развитии конструктивного взаимодействия участников профилактического процесса, как в самом учреждении, так и вокруг него.

Исходя из перечисленных базовых принципов профилактики, можно выделить следующие направления мероприятий, на которых сосредоточить свои консолидированные усилия.

В рамках первого направления необходимо принять на федеральном уровне закон «О профилактике наркомании и незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ». Принятие такого закона позволит на более высоком уровне координировать деятельность всех субъектов профилактики.

Далее, совершенствуя методическое и информационное обеспечения деятельности по профилактике злоупотребления психоактивными веществами в образовательной среде, рассмотреть вопрос о возможности включения в образовательный процесс дисциплины (курса лекций) «Профилактика алкоголизма и наркомании среди молодежи».

В-третьих, нам необходимо реализовать мероприятия по повышению квалификации работников органов, учреждений образования и здравоохранения края, по вопросам профилактики

злоупотребления психоактивными веществами. В этой работе предлагается активно использовать возможности ведущих вузов страны, а также отраслевых центров повышения квалификации.

В рамках четвертого направления необходимо принять неотложные меры по усилению контроля за выдачей рецептов и рецептурным отпуском лекарственных препаратов. Кроме того, предлагается изучить вопрос о возможности введения в поликлиниках должностей участковых врачей-наркологов¹.

Зарубежный и отечественный опыт показывает, что физическая культура и спорт являются эффективным средством предупреждения наркомании и преступности среди молодежи. Поэтому в рамках следующего направления предлагается принять меры, открывающие доступ несовершеннолетних из малообеспеченных семей в спортивные секции, учреждения культуры и спорта.

*Серегина Елена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права,
Ростовский филиал
ФГБОУВО РГУП*

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Образование и развитие преступности, социальные, экономические и другие процессы, которые всегда вызывали ее изменения, а также способы и средства совершения преступлений – неотъемлемая составляющая истории развития общества².

Преступность, несомненно, связана с самим обществом, его острейшими противоречиями, социальной несправедливостью и

¹ Виноградова Е.В. Аптечная наркомания»: дифференциация ответственности и организации работы в отношении аптечных учреждений, допускающих безрецептурный отпуск лекарственных препаратов / Е.В. Виноградова, В.И. Жуковский, Н.В. Довголюк // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2019. – № 3(51). – С. 88–94.

² Лунеев В.В. Курс мировой и отечественной криминологии : учебник : в 2-х т. – М. : Юрайт, 2011. – Т. 1. – С. 298.

общественным неравенством, которые непреодолимы в условиях существующего социального пространства. Минимизация и совершенствование указанных противоречий, сопровождаемые научно обоснованным противодействием, могут снижать, но не устранять их криминогенность¹.

В любом обществе всегда были и будут люди или же отдельные группы людей, недовольные своим положением или статусом, желающие его изменить любым способом, даже преступным. Существуют люди, которые ощущая угрозу готовы защитить себя, нарушая нормы уголовного закона.

Рассуждая об эволюции преступности, Ю.М. Антонян пишет: «Преступность в истории человечества можно представить в виде змеи, которая движется, не строго прямо, а извилистым и сложным путем. С одной стороны, она остро и живо реагирует на изменения социальной среды, представления людей и их требования, характер их сотрудничества или вражды для того, чтобы защитить чьи-то эгоистические или иные аморальные интересы либо предотвратить угрозу. С другой стороны, преступность твердо и неизменно движется вперед, несмотря на все преграды, которые ей ставит общество, государство и отдельные люди»².

Преступность возникла до появления цивилизации, является ее неизменной частью, так же, как и борьба с ней. Но не стоит утверждать, что именно прогресс способствует развитию преступности. Неизвестно каковы были ее истинные масштабы в предыдущие эпохи, поскольку об этом нет почти никаких статистических данных. Весьма значительное число деяний (разграбление захваченных городов, уничтожение его жителей и т.д.) в Древнем мире и Средневековье не считалось преступным. Но на цивилизацию вообще ни в коем случае не стоит возлагать надежды в противодействии преступности. Как оказалось, ее слой весьма тонок и не способен надежно вытравить человеческие пороки. Это доказала, например, нацистская Германия, народ которой всегда справедливо относили к числу просвещенного, что отнюдь не

¹ Кудрявцева В.Н. Криминология / В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 5-е изд. перераб. и доп. – М. : Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – С. 307.

² Антонян Ю.М., Звизжова О.Ю. Преступность в истории человечества : монография. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2016. – С. 110.

помешало его представителям творить в XX веке неслыханные злодеяния¹.

Мир стремительно меняется и с каждым днем переходит на новую стадию своего развития. С ним же изменяются и все его составляющие элементы, включая и преступность. К сожалению, приходится констатировать, что преступность давно стала неотъемлемой частью жизни общества. Справедливо в этом отношении утверждение Э. Дюркгейма: «Преступность – обычное явление, в силу того что общество без преступности совершенно невозможно»².

Если углубиться в смысл такого восприятия преступности, то можно осознать тот факт, что современный мир ему полностью отвечает. Отталкиваясь от сути приведенного выше суждения, можно описать криминогенную ситуацию, сложившуюся в современном мире.

Во-первых, высказывание Э. Дюркгейма нашло историческое подтверждение – преступность всегда была, есть и будет и это является огромной проблемой человечества. Почему ее нельзя искоренить? Прежде всего, потому что неизвестны истинные причины ее устойчивости, многие факторы обуславливают ее развитие и далее: это и социально-психологическое состояние современного общества, уровень жизни отдельных стран, различные военные конфликты и прочие предпосылки.

Во-вторых, несмотря на то, что сформирована правовая база и контролирующие правоохранительные органы, влияющие на смягчение уровня преступных посягательств, не создан четкий механизм противодействия преступности. Для начала требуется определиться с предпосылками, устранить их, а когда уже не будет повода, то и не наступит общественно опасное следствие. Реализовать данный механизм сдерживания проблематично, следовательно, крайне сложно улучшить криминогенную обстановку как в отдельной стране, так и во всем мире. Усугубляет ситуацию излишне криминализированное законодательство. В средневековье

¹ Долгова А.И. Криминология : краткий учебный курс. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2018. – С. 167.

² Дюркгейм Э. Норма и патология. В книге: Социология преступности (криминология). Основы общей теории / Э. Дюркгейм; Отв. ред. О.Ф. Шишив. – М. : Содействие новый век, 2001. – С. 41.

инквизиция считалась нормой, а в современный период совершенные действия, причиняющих физическую боль, административно и уголовно наказуемо.

На состояние преступности влияет множество факторов, под воздействием которых она развивается и крепнет. Относительный и абсолютный рост преступности в мире наблюдается с конца XX века. В.В. Лунеев, изучив тенденции развития преступности в мире и России, сделал ряд прогнозов. Он отмечает: «с каждым годом, общая криминогенная картина мира ухудшается, прогнозы, которые дают специалисты не утешительные. Все больше стран задействованы в экономические провокации, в искусственно созданный экономический кризис, коррупционные ситуации, кроме того, многие государства втянуты в военные действия. Прирост преступности будет находиться в районе 3–5 % в год и более. На рост преступности в мировом масштабе, во многом, окажет влияние глобализация негативных экономических факторов»¹.

Данный прогноз сбылся с высокой точностью, как и тот, который указывал на возможные последствия политического и гражданского кризиса 2014 года – значительный рост преступности. Действительно, события 2014 года, связанные с установлением статуса Донбасса, укреплением территориальных границ России и Украины значительно обострили ситуацию, существующую в современном мире. Действия, совершаемые на территории Донецкой и Луганской областей, значительно влияют на общую картину преступности, политические и экономические отношения ряда стран. Негласно в этот конфликт втянуты Россия, США и Европейский Союз.

Украина не единственная страна, которая ведет боевые действия. Случаи военных конфликтов высокой интенсивности возобновились и в других странах – Ираке, Ливии, Йемене, Сирии.

Россия находится сейчас в сложной экономической, финансовой и социальной ситуации. Сложный характер как внутри самого государства, так и во внешних отношениях со стратегическими партнерами с Европой и Америкой, обостряет проблему, связанную с преступностью и возможностью ее предупреждения.

¹ Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с нею в России // Государство и право. – М. : Наука, 2004. – № 1. – С. 10.

Эпидемией, прогрессирующей во времени и в пространстве, является терроризм. Все чаще по местным телеканалам, посредством СМИ и других путеводителей информации, сообщают о совершенных террористических актах. Как отмечает, А.Г. Безверхов: «на рубеже XX–XXI вв. терроризм перешел из разряда сравнительно нечастых и нераспространенных деяний в чуть ли не повседневное и повсеместное явление. Он создает угрозу безопасности каждой страны и человечества в целом. Терроризм относится к числу самых опасных и трудно прогнозируемых явлений современности, приобретающих разнообразные формы и угрожающие масштабы»¹.

Устойчивой тенденцией является снижение уровня преступности, несмотря на некоторую стабилизацию ее объема в отдельные годы. В настоящее время число ежегодно регистрируемых преступлений колеблется в пределах двух млн преступлений. Так, в 2010 году было зарегистрировано 2628,8 млн преступлений, в 2011 году – 2404,8 млн преступлений, в 2012 году – 2302,2 млн преступлений, в 2013 году – 2206,2 млн преступлений, в 2014 году – 2190,5 млн преступлений, в 2015 году – 2352,1 млн преступлений, в 2016 году – 2160,1 млн преступлений, в 2017 году – 2058,4 млн преступлений².

В первом полугодии 2018 года зарегистрирован почти миллион преступлений, что примерно на 40 тыс. меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Уменьшение числа зарегистрированных преступлений наблюдается во всех федеральных округах, на территории 62 регионов страны. Значительное сокращение преступности фиксируется в Чеченской Республике. Также криминальная обстановка улучшилась в Республике Тыва, Сахалинской и Вологодской областях, в Красноярском крае.

В целом по России более чем на 22 % сократился удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений. Их число уменьшилось с 229 тыс. до 222 тыс. Обратная ситуация наблюдается в

¹ Безверхов А.Г. «Терроризм» и «террористический акт»: юридико-технический анализ // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Актуальные проблемы юридической науки. Материалы XX Международной научно-практической конференции. – Тольятти : Изд-во Волжск. Ун-та им. В.Н. Татищева, 2013. – Ч. 3. – С. 54.

² Официальный сайт Министерства Внутренних дел Российской Федерации. – URL : <https://мвд.рф/reports/item/12167987> (дата обращения 13.11.2018)

Псковской области, где количество таких деяний увеличилось почти в два раза, а также в республиках Хакасия, Саха (Якутия), Кировской, Иркутской областях¹.

На динамику преступности оказывает большое и, пожалуй, основополагающее влияние экономика, политика, культура, международные отношения и другие направления деятельности в жизни общества. Важную роль играет нравственная и психологическая характеристика граждан, негативное влияние оказывают существующие противоречия в личности, приводящие к тяжелым криминогенным последствиям. Еще одной значительной причиной устойчивости преступности, является отставание социального контроля над преступностью от ее количественно-качественных изменений. Это связано с несовершенством правовых и других методов и средств предупреждения преступности².

Противодействие преступности одна из проблем, существующих в современном обществе. Она тревожит и заставляет беспокоиться человечество уже не одно столетие. В уголовном праве, криминологии, иных научных отраслях непрерывно осуществляется поиск приемлемых методов противодействия преступности. В какие-то времена такой отбор приносил ощутимые успехи, в другой временной период не приводил к серьезным и положительным результатам. Недопустимо прекращать такой поиск и в дальнейшем, иначе последствия разрушительны.

В течение долгого периода времени противодействие преступности остается основной задачей для любой страны. Современное общество направляет все силы на возможное подавление преступных действий. В этой связи, огромное значение имеет международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью. Иными словами, для снижения уровня преступности, нужно как минимум помочь другим странам установить мир на их территории, наладить межгосударственные отношения и оптимизировать отношения во всех сферах жизнедеятельности мирового сообщества.

¹ Официальный сайт Генеральная прокуратура Российской Федерации. – URL : <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1423882/> (дата обращения 13.11.2018).

² Лунеев В.В. Юридическая статистика. – М. : Норма, 2015. – С. 105.

*Супонина Елена Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
руководитель обособленного подразделения
ООО «Национальная Юридическая Служба»
г. Воронеж*

ОБ ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОСПРЕпятСТВОВАНИЕ СВОБОДЕ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ

В любой стране мира, признающей демократические права и свободы человека, право на свободу совести и право на свободу вероисповедания имеют прямую зависимость от того, какую позицию по отношению к религии декларирует официальная власть.

Согласно положениям статьи 14 Конституции Российской Федерации, наша страна является светским государством. Сегодня в среде учёных преобладает мнение о светском государстве как о форме самоорганизации общества, в котором не существует какой-либо официальной государственной религии и ни одно из вероучений не признается предпочтительным и обязательным. Следовательно, светский характер государства предполагает, что государство и церковь отделены друг от друга и не вмешиваются в дела друг друга¹.

Тем не менее, некоторые российские исследователи настаивают на том, что Российская Федерация де-факто не является светским государством в следствие того, что главенствующую роль по отношению к другим вероисповеданиям в ней занимает православие². Масла в огонь подлила состоявшаяся в 2013 году встреча Президента России с участниками Архиерейского собора, на которой В.В. Путин заявил о необходимости «отказаться от вульгарного понимания светскости» и тем самым расширить толкование понятия «светское государство» в сторону признания за церковью

¹ Алейникова С.М. Светское государство в вопросах и ответах: кратко, доступно и актуально / С.М. Алейникова, С.А. Бурьянов. – М. : Фонд «Здравомыслие», 2015. – С. 8.

² Плужников Е.Н. Религиозный экстремизм в современной России: проблемы теоретической интерпретации и политической практики : дис. ... канд. полит. наук. – М., 2010. – С. 61–63.

бóльших полномочий в жизни общества¹. Однако этот вопрос выходит за рамки настоящего исследования и по сути своей является дискуссионным. Вместе с тем, очевидно другое.

В соответствии с частью 2 статьи 29 Основного Закона, в России не допускаются агитация или пропаганда, возбуждающие религиозную вражду и ненависть, запрещена пропаганда религиозного превосходства.

Статья 28 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Иначе говоря, каждый человек вправе свободно распространять в том числе атеистические, антиклерикальные и антирелигиозные убеждения, при условии, что он тем не посягает на права и свободы других лиц, а также не совершает преступлений и иных правонарушений.

В последнее время законодателями и учеными проводится поиск оптимальной модели реализации права на свободу совести и вероисповедания, о чем, в первую очередь, говорят многочисленные изменения, которые были внесены в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»².

Суть данных изменений в значительной степени раскрывает особенности реализации принципа светскости нашего государства. Также следует обратить внимание на факт принятия в июне 2013 года Федерального закона № 136-ФЗ³, внесшего изменения в статью 148 УК РФ и некоторые другие законодательные акты в целях противодействия оскорблению религиозных чувств и убеждений российских граждан.

¹ Владимир Путин: «Мы должны уйти от вульгарного примитивного понимания светскости». Коммерсант от 01.02.2013. – URL : <https://www.kommersant.ru/doc/2119200> (дата обращения 07.12.2019).

² Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 03.07.2019) «О свободе совести и о религиозных объединениях». – URL : <http://www.base.consultant.ru> (дата обращения 07.12.2019).

³ Федеральный закон от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан». – URL : <http://www.base.consultant.ru> (дата обращения 07.12.2019).

Безусловно, введение уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих не нарушает принцип светскости государства, а лишь способствует усилению охраны прав верующих. Однако у рассматриваемого вопроса существует и другая сторона медали.

Анализ объективной стороны преступного деяния, предусмотренного статьей 148 УК РФ, показывает, что уголовный закон регламентирует ответственность лишь за нарушение права на свободу вероисповедания, но не за нарушение свободы совести. По мнению А.В. Останина, указанное обстоятельство объясняется религиозной колыбелью идей светской модели государства, в том числе узким пониманием свободы совести в рамках религиозного мировоззрения (свободы вероисповедания)¹.

Нельзя также не согласиться с С.С. Скороходовым, утверждающим, что понятие свободы совести и связанное с ним правовое регулирование отношений фактически сведено к свободе вероисповедания (то есть к свободе, касающейся только индивидов, которые считают себя верующими), и более того – к проблемам деятельности религиозных организаций (т.е. коллективной форме реализации права на свободу вероисповедания). В результате законодательство о свободе совести воспринимается как специальное религиозное².

Таким образом, мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией (к сожалению, весьма типичной для отечественного процесса систематизации), когда наименование статьи не отражает сути ее внутреннего содержания. Фактически статья 148 УК РФ в своем названии декларирует защиту от преступных посягательств объекта, в принципе не защищаемого уголовным законом.

Для устранения существующего противоречия некоторые ученые рекомендуют законодателю дополнить статью 148 УК РФ частью, которая предусматривала бы ответственность за публичные действия, совершенные в целях оскорбления чувств и (или)

¹ Останин А.В. Генезис идей светской модели государства // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2010. – № 2(23). – С. 31.

² Скороходов С.С. Свобода совести и свобода вероисповедания: доктринальные и формальные грани // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 7(110). – С. 62.

убеждений граждан в связи с их отношением к религии либо мировоззрению (убеждениям)¹.

Ещё одной серьезной проблемой анализируемой нормы является отсутствие в ней четкого определения, как и каким образом может быть нарушено право на свободу совести и вероисповедания путем оскорбления религиозных чувств верующих. В связи с тем, что УК РФ – правовой, а не моральный закон, ему должны быть чужды оценочные категории. Юридическая норма в идеале характеризуется конкретностью, четкостью формулировок и отсутствием многозначности. Нормы, закрепленные законодателем в статье 148 УК РФ, указанных выше признаков лишены. В связи с этим, на практике могут возникать случаи вольной трактовки закона и субъективной его оценки.

Во многом именно несовершенство правовой нормы, закрепленной в статье 148 УК РФ, породило скандальную ситуацию вокруг выхода в 2017 году на киноэкраны страны художественного фильма «Матильда», снятого режиссером А.Е. Учителем в жанре исторической мелодрамы и повествующего об отношениях балерины Матильды Кшесинской и цесаревича Николая Александровича (будущего императора Николая II). Поскольку император Николай II канонизирован Русской православной церковью, значительная часть верующих христиан в нашей стране почитает его как святого и восприняла художественный вымысел авторов картины в качестве предмета, оскорбляющего их религиозные чувства. Упомянутый скандал вышел за рамки сферы кино и искусства и породил общественный конфликт, не только вылившийся в ожесточенную полемику, но и сопровождающийся противоправными деяниями, в том числе угрозами в адрес кинопрокатчиков, а также поджогами в ряде российских городов.

Следует согласиться с позицией исследователей, отмечающих, что характерные как для Российской Федерации, так и для всего мира «нагнетание религиозного экстремизма, паразитизм насильственной и корыстной преступности на религиозных чувствах граждан требуют от государства проявления принципиальной непримиримости к этим видам социального зла и другим

¹ Кокорев В.Г. Особенности уголовно-правовой охраны права на свободу совести и вероисповеданий в Российской Федерации как светском государстве / В.Г. Кокорев, И.А. Зайцев // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 1. – С. 67.

фактам использования веры людей для прикрытия общественно опасной деятельности»¹.

Исходя из положений Конституции Российской Федерации и контекста статьи 148 УК РФ, публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу, могут иметь целью оскорбление религиозных чувств верующих только в том случае, если они препятствуют деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний.

По мнению автора, более широкое толкование оскорбления религиозных чувств верующих как противоправного деяния явно посягает на свободу слова и свободу передачи, производства и распространения информации.

*Копейко Тамара Гиевна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России*

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОШЕННИЧЕСТВА С МАТЕРИНСКИМ КАПИТАЛОМ

Для повышения эффективности борьбы с преступностью, в частности предупреждения мошенничества при получении выплат, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, наряду с изучением личности мошенника, причин и условий, способствующих совершению указанного преступления, необходимо в том числе и детальное исследование жертвы преступления и всех обстоятельств, в силу которых эта личность стала таковой. В настоящее время вполне обоснованно признается то, что изучение преступности без виктимологического анализа является неполным и неточным.

Исследования, проведенные как зарубежными, так и отечественными учеными-криминологами подтвердили необходимость учета роли жертв в ситуации правонарушения для более полного и точного понимания причин и условий, способствовавших его совершению.

¹ Беспалько В.Г. Уголовно-правовая охрана религиозных отношений // Журнал российского права. – 2014. – № 7. – С. 49.

Понятие жертвы преступления впервые было сформулировано в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятой Генеральной ассамблеей ООН. Жертвами преступления, согласно данному документу, признаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб или существенное ущемление их основных прав, в результате действия или бездействия, нарушающего национальные уголовные законы государств-участников, а также законы, запрещающие злоупотребление властью¹.

Некоторые ученые считают понятия «жертва» и «потерпевший» равнозначными несмотря на то, что в криминологии, уголовно-правовом и уголовно-процессуальном законодательстве понятия не совпадают². На наш взгляд, термин «жертва» шире других, так как включает в себя жертв не только реальных, но и потенциальных. Также к жертвам следует отнести лиц, не признанных в установленном уголовно-процессуальном порядке потерпевшими по уголовным делам. Важным отличием указанных понятий является то, что жертвой преступления может быть только физическое лицо, Потерпевшим же, исходя из норм уголовно-процессуального законодательства, в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации может быть и юридическое лицо³.

Анализ судебно-следственной практики применения ст. 1592 УК РФ показал, что мошенничество при получении выплат чаще всего совершается в пенсионной сфере путем оформления подложных медицинских документов, позволяющих получать пенсии

¹ Лунеев В.В. Криминология : учебник для бакалавров. – М. : Издательство Юрайт, 2014. – С. 324

² Ребане И.А. О виктимологическом аспекте при назначении наказания // Потерпевший от преступления (уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминологические и психологические аспекты) : тр. по правоведению. – Тарту, 1987. – С. 6; Квашиш В.Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. – М., 1999. – С. 19; Ривман Д.В. Криминальная виктимология. – СПб., 2002. – С. 12; Криминология : учебник / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева; – 2-е изд. перераб. и доп. – М., 2004. – С. 155; Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. – М., 2004. – С. 122–133; Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. – СПб., 2003. – С. 25; Папкин А.И. Современная криминальная виктимология : монография. – Домодедово, 2006. – С. 13.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

по несуществующей инвалидности. Незаконное получение пособия по безработице является вторым по частоте предметом мошеннических действий. Далее по количеству возбужденных дел идут мошенничества в сфере социального обеспечения военного комиссариата и мошенничества с материнским капиталом¹. Потерпевшими по делам о таких преступлениях, как правило, признается государство в лице органов, представляющих государственную социальную помощь, даже в тех случаях, когда речь идет о мошенничествах с материнским (семейным) капиталом, совершенных путем обмана его законных владельцев. Мошенничество с материнским (семейным) капиталом отличается более широким кругом лиц, которым причиняется вред (как имущественный, так и моральный). В данном случае, помимо интересов государства были нарушены права самих владельцев материнского (семейного) капитала. Именно семья, фактически понесшая от преступных действий материальный ущерб, является не иначе как жертвой преступления.

Роль жертвы в совершении такого вида преступления чрезвычайно высока. Надо отметить, что лицо, обладающее правом получения материнского капитала, то есть являющееся законным владельцем материнского сертификата, само того не осознавая, попадая в поле зрения мошенников-профессионалов, становится потенциальной жертвой преступления. Зачастую, на практике, профилактическая работа с такой категорией практически не ведется и ограничивается лишь предупреждением об уголовной ответственности за совершение мошенничества при получении выплат в момент написания заявления на оказание материальной поддержки. Обладатели материнского сертификата, не проявив должную осмотрительность, легко могут поддаться уговорам злоумышленников и стать жертвой махинаций, в связи с чем профилактическая работа с ними должна осуществляться в полной мере, уже начиная с момента возникновения права на дополнительную поддержку.

¹ Копейко Т.Г. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего мошенничество при получении выплат // Научно-практический журнал: Вестник Краснодарского университета МВД России. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2020. – № 2(48). – С. 44–48.

Практика правоприменения свидетельствует, что значение виктимологической информации по делам о мошенничествах с материнскими капиталами недооценивается правоприменителями: почти не ведется учет и анализ данных, касающихся жертв этих преступлений. Это связано и с тем, что преступление, прежде всего, направлено против государственной собственности. Обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что и в научных разработках как отечественные, так и зарубежные криминологи сосредотачивают свое внимание на виктимологических исследованиях, прежде всего, насильственных преступлений против личности, в то время как корыстные преступления, в том числе мошенничество при получении выплат, чаще остаются вне поля зрения, хотя заслуживают такого внимания.

В этой связи полагаем вполне обоснованным и необходимым дальнейшее более глубокое исследование виктимологических проблем мошенничества при получении выплат.

Учитывая ограниченный объем статьи, нами сформулированы некоторые рекомендации, направленные на виктимологическую профилактику мошенничества с материнским капиталом, для субъектов, вовлекаемых в процесс предупреждения данного общественно опасного деяния:

В организационно-правовой сфере виктимологическую профилактику целесообразно активно осуществлять уже с момента возникновения права на получение дополнительной поддержки. Такая деятельность должна быть направлена, прежде всего, на повышение правовой грамотности граждан: осуществляться в форме бесплатной юридической помощи (консультации) по вопросам получения и реализации материнского капитала, а также при необходимости в форме сопровождения сделок, связанных с реализацией своих прав, связанных с получением материнского капитала. Данные функции могут быть вменены уже существующим субъектам профилактики преступлений: федеральные органы исполнительной власти, органы прокуратуры Российской Федерации, следственные органы Следственного комитета Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления¹.

¹ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

На наш взгляд, стоит расширить перечень обязанностей органа, уполномоченного осуществлять от имени государства поддержку семей, имеющих малолетних детей, возложив на него контроль за имуществом, приобретенным на средства материнского капитала, в течение нескольких последующих лет.

Повсеместно, ежедневно должна вестись информационно-воспитательная работа с населением, целью которой является разъяснение содержания норм действующего законодательства, в том числе всех возможных законных методов обналичивания материнского капитала. Для наибольшей эффективности необходимо доводить сведения до нужной категории лиц в местах их более частого появления (к примеру, больницы, перинатальные центры) и среди средств массовой информации, пользующийся наибольшим спросом у данной группы людей (телевидение, интернет, женские журналы). Информирование должно конкретным с использованием в качестве примера реальных жизненных ситуаций. Полезными также являются конкретные советы в виде памяток, пособий, рассчитанных на предотвращение мошенничества с материнским капиталом.

Целесообразно усилить и роль учебно-воспитательных и учебных учреждений при осуществлении мероприятий виктимологической профилактики. Виктимологическую пропаганду необходимо включать в учебный процесс; для занятых – осуществлять групповые виктимологические тренинги; для посетителей различных учреждений – организовывать виктимологическое информирование наглядно, в виде плакатов.

На наш взгляд, данный ряд мероприятий будет способствовать некоторому снижению числа совершаемых мошенничеств при получении выплат.

*Леценко Владимир Павлович,
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО, СОВЕРШЕННОЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ «АЛЬТЕРНАТИВНЫХ» СРЕДСТВ ЭЛЕКТРОННОГО ПЛАТЕЖА (КРИПТОВАЛЮТ)

Развитие рынка цифровых товаров и услуг, обусловило появление целого ряда альтернативных платежных средств, обладающих качеством меновой стоимости. Ввиду широкого распространения биткоина среди криптовалют и отсутствия существенных различий, в первую очередь в правовом регулировании, понятия «биткоин» и «криптовалюта» рассматриваются в рамках настоящей статьи как синонимичные.

Следует отметить, что на сегодняшний день отечественный законодатель очень настороженно относится к определению правового статуса криптовалютам.

Действительно, если разбираться с правовым статусом криптовалют, то с точки зрения действующего законодательства очень сложно подобрать подходящее для них регулирование и тем самым определить их правовую природу. Биткоин не может быть признан электронными денежными средствами, определение которых дано в п. 18 ст. 3 Федерального закона «О национальной платежной системе»¹ (далее ФЗ № 161-ФЗ), так как по нему отсутствует оператор, который может контролировать и обслуживать рассматриваемый вид валюты. Также криптовалюты не подпадают под определение платежной системы.

Трудности с определением правовой природы криптовалют также сопряжены с определением предмета уголовно-правовой охраны. Исходя из проведенного анализа и учитывая вышеизложенное, криптовалюты, в том числе биткоин, можно признать

¹ О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (в ред. ФЗ от 02 августа 2019 г. № 264-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 04 июля 2011 г. № 27. Ст. 3872.

предметом преступлений против собственности только в качестве «иных действий имущественного характера», заключающихся в передаче биткоинов от одного лица другому. Этот вид предмета преступления охраняется только ст. 163 УК РФ (вымогательство). Предметом преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ (мошенничество), ст. 1593 УК РФ (мошенничество с использованием электронных средств платежа) и ст. 1596 (мошенничество в сфере компьютерной информации), криптовалюты являться не будут. На наш взгляд, такую ситуацию следует рассматривать как одну из проблем уголовного права, требующую своего решения как на уровне правового статуса (режима) в гражданско-правовом значении, так и в роли предмета преступлений, посягающих на собственность.

В случае придания криптовалютам статуса имущественного права их можно будет признать предметом преступлений, предусмотренных следующими статьями УК РФ: 159 (мошенничество); 1593 (мошенничество с использованием электронных средств платежа); 1596 (мошенничество в сфере компьютерной информации); 163 (вымогательство), – в качестве права на имущество.

Ввиду относительно высокой разработанности зарубежных технологических и правовых механизмов наиболее яркие преступные деяния в области криптовалюты известны практике иностранных государств.

Так, в конце 2017 года в Буэнос-Айресе обнаружилось, что в местной сети кофеен Starbucks осуществлялись так называемые атаки «Man-in-the-Middle»¹.

Иными словами, злоумышленники перехватывают незащищенный трафик, проходящий через точки доступа в публичный wi-fi, и вставляют в него криптоджекинг-скрипты, позволяющие осуществлять скрытый майнинг криптовалюты при помощи подключившихся к общественной сети устройств.

Очевидно, что перехват трафика предполагает получения доступа к информации, поэтому в данном случае «напрашивается» квалификация по ст. 272 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации.

¹ Шендяпин А.С. Исследование методов проведения атаки Man-in-the-Middle в программно-конфигурируемых сетях / А.С. Шендяпин, И.С. Петров // Программные системы и инструменты. Тематический сборник – М. : МАКС Пресс Москва, 2017. – Т. 17. – С. 75–84.

Однако квалификация по ст. 272 УК РФ в рассматриваемой ситуации невозможна по причине того, что предметом преступления является именно компьютерная, а не цифровая информация и деяние считается преступным только если повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации. При скрытом майнинге ничего из названного может не происходить.

И что же получается законодатель разрешает осуществлять скрытый майнинг, используя чужие девайсы?

Видится, что действия злоумышленников можно квалифицировать как причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана (ст. 165 УК РФ).

С этой точки зрения показателен отечественный пример скрытого майнинга. Так, в середине декабря 2017 года правоохранные органы задержали системного администратора Центра управления воздушным движением в подмосковном аэропорту Внуково¹. Он на рабочем месте собрал ферму для майнинга криптовалюты и подключил ее к электросети. Подозрения руководства центра вызвали скачки напряжения в сети, и оно обратилось в ФСБ.

И в аргентинской кофейне, и в российском аэропорту процесс майнинга связан с расходом дополнительной электроэнергии, что и будет являться имущественным ущербом.

Уголовная ответственность по ст. 165 УК РФ наступит лишь в том случае, если удастся доказать, что злоумышленники потребовали электричество на сумму более 250000 рублей.

Нередко майнинг криптовалют, требование передать криптовалюту, тайное и иные виды хищения криптовалюты осуществляются путем использования определенных вредоносных компьютерных программ (черви, троянские кони, кейлоггеры, руткиты и др.).

В таком случае злоумышленники совершают преступление, предусмотренное ст. 273 УК РФ («Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ»).

Состав преступления, предусмотренный ст. 273 УК РФ, также будет вменяться и тем лицам, которые незаконно требуют

¹ ФСБ арестовала сисадмина аэропорта «Внуково» за майнинг криптовалюты // https://safe.cnews.ru/news/top/2017-12-15_sisadmin_aeroporta_vnukovo_majnil_kriptovalyutu (дата обращения 18.02.2019).

передать чужие криптовалюты, используя при этом DDoS-атаки. Несмотря на то, что действующее законодательство и отсутствие какой-либо позиции Верховного Суда РФ не позволяют должным образом оценить эти деяния как вымогательство – поскольку угроза уничтожения компьютерных систем не является признаком этого преступления – в судебной практике встречаются приговоры, в которых требования передачи имущества под угрозой совершения DDoS-атаки оценивались как совокупность вымогательства (ст. 163 УК РФ) и использование вредоносных программ (ст. 273 УК РФ)¹.

Комиссия по ценным бумагам и биржам США совместно с ФБР достаточно давно занимается расследованием ситуаций с распространенными схемами Pump&Dump (P&D) в области криптовалют².

Схема заключается в следующем. Трейдеры объединяются в группы в Telegram или Discord, число членов которых достигает нескольких тысяч человек. Затем они выбирают определенную криптовалюту, не имеющую особой ценности и перспектив (такие криптовалюты называют «*shitcoin*») и начинают одновременно скупать ее, тем самым искусственно взвинчивая курс. Это приводит к тому, что в эту валюту вкладываются жертвы злоумышленников и безвозвратно теряют вложенное.

Не вызывает никаких сомнений обоснованность квалификации описанной схемы по ст. 159 УК РФ – мошенничество. Хищение денежных средств (именно денежных средств, а не криптовалюты) происходит путем введения лиц в заблуждение относительно перспективности и реальной ценности криптовалюты.

Статья 1853 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за манипулирование рынком. И, казалось бы, описанный нами выше пример – это классический пример манипулирования рынком.

Более того, еще в 2000 году ФКЦБ прямо называет схему Pump&Dump как вид рыночной манипуляции. Однако диспозиция статьи сформулирована таким образом, что для квалификации

¹ Приговор Хорошевского районного суда города Москвы от 01.12.2014 по делу № 1-587/2014 г.

² Уголовная ответственность в области криптовалют в Российской Федерации. – URL : <https://cryptochan.org/stream/id/1552287600/> (дата обращения 18.02.2019).

названной схемы в сфере криптовалют по ст. 1853 УК РФ необходимо установить, что криптовалюта является финансовым инструментом, иностранной валютой или товаром, чего из ФЗ «О рынке ценных бумаг»¹ от 22.04.1996 № 39-ФЗ не следует.

И вот тут мы приближаемся к главному вопросу – хищение криптовалюты не юридический оксюморон. Популярным способом хищения криптовалюты является технология фишинга (phishing), не предусматривающая контакта злоумышленника и жертвы, в основе которой находится рассылка писем на электронную почту владельцев криптовалюты о том, что они якобы стали победителями какой-либо акции. Если владелец переходит по ссылке, отраженной в этом письме, его данные отсылаются злоумышленникам. Далее единицы криптовалюты потерпевшего без его ведома перемещаются на электронные кошельки, подконтрольные виновным, причем нередко производится коррекция страниц с историей доступного баланса с целью скрыть хищение.

В науке уголовного права существует достаточно популярное мнение, что предметом преступлений, закрепленных в главе 21 УК РФ – преступления против собственности, является имущество или право на имущество. При этом понятие предмета посягательства рассматривается в полном соответствии со ст. 128 ГК РФ и якобы криптовалюта не является объектом гражданских прав, и, следовательно, не может являться предметом хищений.

Не позволяя себе согласиться с высказанной точкой зрения, отметим, что подобный подход оставляет, очевидно, противоправные действия без надлежащей реакции со стороны государства.

Ключевым аргументом нашей позиции является решение Девятого арбитражного апелляционного суда г. Москвы, который признал криптовалюту имуществом, обязав должника передать конкурсному управляющему доступ к криптокошельку, чтобы включить его в конкурсную массу².

В связи с вышесказанным хищение криптовалюты является преступлением и подлежит квалификации с учетом иных

¹ О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (в ред. ФЗ от 02 августа 2019 г. № 259-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 22 апреля 1996 г. № 17. Ст. 1918.

² 9-й ААС признал криптовалюту имуществом. – URL : <https://pravo.ru/story/202325/> (дата обращения 18.02.2019).

элементов составов преступлений и может быть квалифицировано по ст. 158 УК РФ, ст. 159 УК РФ, ст. 160 УК РФ, ст. 162 УК РФ и т.д.

В заключение хочется отметить, что разработка правовых механизмов в области криптовалюты нужна, как минимум для того, чтобы облегчить процедуру доказывания и расширить возможный инструментарий правоприменителя по привлечению «криптозлоумышленников» к уголовной ответственности.

*Шерстюков Сергей Александрович,
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России,
подполковник юстиции*

ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СООБЩЕСТВА

Установление уголовной ответственности за организацию экстремистского сообщества обусловлено стремлением государства обеспечить эффективные меры противодействия групповой преступности экстремистской направленности, осуществление которой способно причинить вред всей совокупности общественных отношений, образующих содержание непосредственного объекта рассматриваемого преступления.

В уголовно-правовой литературе встречаются мнения отдельных авторов, предлагающих рассматривать в качестве основного объекта данного преступления совокупность общественных отношений, обеспечивающих стабильность государства, его устоев и территориальной целостности¹.

Объективная сторона преступления характеризуется совершением альтернативно определенных действий:

– в ч. 1 ст. 2821 УК РФ признаки объективной стороны представлены следующими действиями:

¹ См.: Мыльников Б.А. Противодействие преступлениям экстремистской направленности : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 116.

- а) создание экстремистского сообщества;
- б) руководство экстремистским сообществом;
- в) руководство частью экстремистского сообщества или входящими в такое сообщество структурными подразделениями;
- г) создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества;

– в ч. 1.1 ст. 2821 УК РФ установлена ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества;

– в ч. 2 ст. 2821 УК РФ предусмотрена ответственность за участие в экстремистском сообществе.

Таким образом, объективная сторона рассматриваемого преступления представлена тремя самостоятельными составами.

Экстремистским сообществом признается устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, характеризующаяся наличием в ее составе организатора (руководителя), стабильностью состава, согласованностью действий ее участников в целях реализации общих преступных намерений (п. 12 ППВС РФ «О преступлениях экстремистской направленности»).

Необходимо отметить, что экстремистскому сообществу присущи следующие признаки:

– устойчивость (стабильность состава, высокая коммуникация между ее участниками, организованность и предварительная согласованность, наличие двух и более лиц);

– незаконность (отсутствие какой-либо законодательной нормативной регламентации создания и деятельности экстремистской организации);

– противоправность (направленность деятельности на нарушение законодательно закрепленных правил и норм, на нарушение основных конституционных прав и свобод).

Таким образом, экстремистское сообщество представляет собой какое-либо объединение, группу (постоянную или временно действующую), созданную и осуществляющую свою деятельность вопреки установленным федеральным законодательством нормам, обладающую признаками устойчивости, незаконности и

противоправности и посягающую на основы конституционного строя и безопасность государства.

Созданием экстремистского сообщества следует признавать действия, в результате которых удалость образовать группу лиц, характеризующуюся признаками, указанными в ч. 3 ст. 35 и ст. 2821 УК РФ. Такими действиями являются: приискание участников экстремистского сообщества; распределение ролей; определение направлений преступной деятельности; формирование идеологии; материальное обеспечение и т.п.

Под руководством экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями следует понимать осуществление управленческих функций как в отношении экстремистского сообщества в целом, так и его структурных подразделений. Как руководство экстремистским сообществом следует рассматривать координацию деятельности отдельных его участников в совершении конкретных преступлений экстремистской направленности, а также деятельности по подготовке к их осуществлению (например, в распределении ролей между членами сообщества, в организации материально-технического обеспечения, в разработке способов совершения преступлений, в принятии мер безопасности в отношении членов экстремистского сообщества) (п. 15 ППВС РФ «О преступлениях экстремистской направленности»).

Руководство деятельностью экстремистского сообщества характеризуется следующими признаками:

- а) обязательны для исполнения участниками группы;
- б) способствуют достижению преступных целей, стоящих перед экстремистским сообществом;
- в) обеспечивают координацию деятельности как групп, входящих в экстремистское сообщество, так и отдельных его участников;
- г) осуществляются лицом, занимающим высшее положение в иерархии преступного сообщества¹.

Руководство частью экстремистского сообщества или входящим в него структурным подразделением выражается в аналогичных действиях.

¹ Малиновский В.В. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика) / В.В. Малиновский; Отв. ред. А.И. Чучаев. – М. : Проспект, 2009. – С. 28.

Под созданием объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества следует понимать действия, в результате которых возникла группа, функционально предназначенная для координации экстремистской деятельности, осуществляемой частями или структурными подразделениями сообщества.

Состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 2821 УК РФ, по конструкции является усеченным. Преступление признается оконченным с момента создания экстремистского сообщества.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 2821 УК РФ, характеризуется действиями, состоящими в склонении, вербовке или ином вовлечении лица в деятельность экстремистского сообщества.

Термин «вербовка» произошел от немецкого глагола *werben* – вербовать, набирать; привлекать к какому-либо делу; агитировать за что-либо¹.

В русском языке «вербовка» означает «действие по набору охотников в солдаты или в матросы по найму»², «привлечение, набор, наем в какую-либо организацию»³.

Из вышеизложенного следует, что под вовлечением в деятельность экстремистского сообщества следует понимать умышленные действия, направленные на возбуждение у лица решимости к выполнению функций участника экстремистского сообщества путем убеждения и (или) принуждения. Оказываемое на вовлекаемого воздействие не парализует его волю и оставляет свободный выбор его последующего поведения.

По законодательной конструкции объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 2821 УК РФ, состав является формальным. Преступление признается оконченным с момента совершения одного из альтернативно определенных действий, направленных на возбуждение решимости у вовлекаемого лица к участию в экстремистском сообществе в целях совершения

¹ Большой немецко-русский словарь : в 2 т. / Авт.-сост.: Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева и [др.]; Под рук. О.И. Москальской. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 1997. – Т. 2. – С. 588.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М., 1989. – Т. 1. – С. 178.

³ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 2005. – С. 74.

преступлений экстремистской направленности, независимо от того, смог ли виновный достичь желаемого результата.

Так, например, сотрудниками МВД по Карачаево-Черкесской Республике совместно с сотрудниками Управления ФСБ России по Карачаево-Черкесской Республике выявлено экстремистское сообщество, действовавшее на территории г. Черкесска и Усть-Джегутинского района до ноября 2012 г. под руководством А.

Реализовать преступные замыслы, направленные на совершение тяжких и особо тяжких преступлений экстремистской направленности, участники экстремистского сообщества не смогли, так как их противоправная деятельность в ноябре 2012 г. была пресечена сотрудниками правоохранительных органов. Управлением ФСБ по Карачаево-Черкесской Республике в отношении группы лиц возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 2821 УК РФ¹.

Под участием в экстремистском сообществе (ч. 2 ст. 2821 УК РФ) следует понимать выполнение лицом действий, составляющих функциональную активность в подготовке либо непосредственном участии в совершении преступлений экстремистской направленности, а равно обеспечение деятельности такого экстремистского сообщества (финансирование, снабжение информацией, ведение документации и т.п.) (п. 16 ППВС РФ «О преступлениях экстремистской направленности»).

Учитывая, что состав преступления ст. 2821 УК РФ является формальным, прямой умысел данного преступления будет заключаться в том, что лицо осознает общественно опасный характер своих действий и желает их совершить. Впрочем, прямой умысел лиц, руководящих, участвующих, склоняющих людей в экстремистские сообщества, может несущественно различаться. Так, прямой умысел руководителя экстремистского сообщества характеризуется осознанием общественной опасности своих действий по объединению усилий его членов (сюда может входить и осознание значимости сохранения и функционирования экстремистского сообщества, и осознание противоправности создания сообщества экстремистской направленности)².

Прямой умысел члена (участника) экстремистского сообщества имеет характерный отличительный признак. Он характе-

¹ Архив Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской республики.

² Бехоева Х.Л.А. Организация экстремистского сообщества: масштабы явления // Бизнес в законе. – 2013. – № 6.

ризуется осознанием общественной опасности совершаемых им действий непосредственно в качестве члена данного формирования (компонентами в этом случае могут являться и осознание внесения существенного вклада в деятельность сообщества, и социальная значимость своих действий, необходимых для сохранения функциональности экстремистского сообщества).

Прямой умысел лиц, склоняющих окружающих в данные сообщества, может быть охарактеризован как осознание общественной опасности своих действий (куда входит осознание фактического характера своих действий по внесению существенного вклада в деятельность экстремистского сообщества, осознание важности и необходимости склонения лиц для функционирования сообщества).

Целями экстремистского сообщества следует признавать подготовку или совершение преступлений экстремистской направленности.

Необходимо признать верным законодательное решение относительно признания экстремистской направленности преступных посягательств с учетом мотива его совершения на стадии назначения наказания. Несмотря на то, что мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы предусмотрен в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака большинства насильственных преступлений, в некоторых он отсутствует. Так, например, изнасилование (ст. 131 УК РФ) или насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ) в числе квалифицирующих признаков не содержат экстремистского мотива, хотя в ряде случаев таковой может быть побуждающим. В данной ситуации мотив совершенного преступления должен быть учтен судом при назначении наказания в качестве отягчающего обстоятельства (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Субъект преступления общий, им является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие в составе экстремистского сообщества преступления, подлежат уголовной ответственности за каждое при условии, что в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ возраст ответственности установлен с 14 лет

(например, убийство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы – п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Законодатель стимулирует позитивную посткриминальную деятельность лица, совершившего преступление, и мотивирует его не только на прекращение совершаемых им противоправных деяний, но и на сотрудничество со следствием, способствуя раскрытию и пресечению аналогичных преступлений.

В ст. 208 УК РФ, как и в ст. 2821 УК РФ, содержится положительная мера в виде освобождения лица от уголовной ответственности. В примечании 1 предусмотрено императивное основание освобождения от уголовной ответственности при следующих условиях:

а) лицо является впервые совершившим преступление, предусмотренное ст. 2821 УК РФ;

б) лицо, добровольно прекратило участие в деятельности экстремистского сообщества;

в) в действиях лица не содержится иного состава преступления.

*Бушков Денис Валерьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
СКФ ФГБОУВО РГУП*

СПЕЦИФИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Государственный аппарат является основным регулятором вопросов, связанных с назначением наказания за совершенные на территории Российской Федерации преступления. Несовершеннолетние как субъекты, подпадающие под действие норм Уголовного кодекса РФ, также не являются в этом смысле исключением.

Основными средствами, выступающими в сфере борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, является применение уголовного наказания.

Наказание в отношении несовершеннолетних является не единственной мерой воздействия. Уголовный закон предусматривает комплекс взаимосвязанных мер воспитательного воздействия, который призван влиять на нормальное воспитание несовершеннолетнего путем сокращения мер уголовной репрессии. Лишь в отношении тех несовершеннолетних, для которых комплекс мер уголовно-правового характера явился не эффективным, законодатель предусматривает те юридические последствия, которые влекут такое негативное последствие, так судимость. Воспитание несовершеннолетних, прежде всего, законодательство Российской Федерации возлагает на родителей от рождения, а также иной структуры государственного устройства, задействованные в воспитательном процессе. Ими являются дошкольные воспитательные учреждения, система полного общего образования и вузовского образования.

В 1991 году наше государство «встало на рельсы» демократического построения, в этой связи поменялись социально-экономические и политические догмы, произошло и общественное расслоение, которое сказалось в первую очередь на возросшем количестве преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Законодательное регулирование многих отраслей права претерпело ряд кардинальных изменений, усугубив влияние фактора классовости в обществе, деформировав, в первую очередь, нравственные устои.

Признав верховенство международного права, Российская Федерация ратифицировала ряд международных актов, посвященных правам ребенка, а значит, обязало себя следовать постулатам ратифицированных норм. Так, Принцип 2 Декларации прав ребенка 1959 г. гласит, что ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и социальном отношении здоровым и нормальным путем в условиях свободы и достоинства. Эти цели конкретизированы в ст. 6 и 7

Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹.

Однако «благоприятные условия», которые провозглашались Декларацией, в стране созданы не были, вместо этого возросло количество преступных группировок среди несовершеннолетних. Тенденции последних лет показывают укрупнение и сегмента единоличного совершения жестоких насильственных преступлений подростками. Данные статистики неумолимо обращают нас на цифры демографического роста, который не имеет значительного роста, вместе с этим количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, продолжает расти.

Если обращаться к мировому опыту, то можно увидеть, что подобные проблемы наличествуют во многих странах Центральной и Западной Европы, Латинской Америки и в других цивилизованных государствах. Однако преступления, совершаемые подростками в данных государствах, носят несколько иную социально-нравственную окраску. В последнее время участились сообщения по каналам вещания, где рассказывается, что школьники и студенты проносят в места общего скопления людей огнестрельное оружие и применяют его. Возвращаясь к проблеме России в отношении применения мер уголовного наказания к несовершеннолетним стоит отметить, что не последнюю роль играют вопросы связанные с предупреждением преступлений, совершаемых данной категорией лиц и вопросы социальной адаптации лиц, осужденных в возрасте от 14 до 16 лет.

Наказание как мера принуждения в отношении несовершеннолетних носит свою специфику. В данном случае цель наказания отчасти отвечает целям предупреждения совершений последующих преступлений. В этой связи остро стоят вопросы состояния подростковой преступности, динамики ее развития и структуре совершаемых преступлений.

Уголовное наказание имеет низкую эффективность, а значит, дает почву для появления научной публицистики в поиске новых методов борьбы с преступностью несовершеннолетних.

¹ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник. – Изд. второе, исправл. и доп. / Под ред. юр. наук, проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, и [т.д.].

Специфика определения мер уголовно-правового характера по делам несовершеннолетних заключается в совокупности факторов общественной опасности совершаемых преступлений и дефрагментации личности несовершеннолетнего преступника. Несовершеннолетний в связи с совершением преступления не лишается права охраны и защиты государства, это мнению ряда ученых является единственным «камнем преткновения» в вопросах назначения наказания для указанной категории лиц. Подросток в отличие от взрослого человека имеет не сформировавшуюся психику, а значит не может справиться с тяжелыми жизненными обстоятельствами. Теперь представим ситуацию, что неблагоприятная среда, которая возникла в окружении несовершеннолетнего, не должна быть перенесена в места его ресоциализации. Международные постулаты в этой связи гласят, что в основу наказания данных категорий преступников должны входить принципы и цели воспитуемости, а также презумпции позитивной социализации.

Возрастная категория несовершеннолетних преступников колеблется от 14 до 18 лет, соответственно меры уголовного наказания в сплетении с указанными выше основами должны градироваться исходя из возрастных групп преступников.

В этой связи исследование проблем назначения наказания несовершеннолетним, применения к ним условного осуждения и принудительных мер воспитательного воздействия, требует своего осмысления и проработки на законодательном уровне в зависимости от возрастного критерия, принципа индивидуализации уголовного наказания и категории совершенного несовершеннолетним преступления.

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

**Материалы
V Всероссийской научно-практической конференции
(23 декабря 2019 г.)**

Сборник статей

Статьи публикуются в авторской редакции

Технический редактор – А.С. Семенов
Компьютерная верстка – М.Н. Гусева
Дизайн обложки – О.Я. Фоменко

Подписано в печать 17.11.2020
Бумага «Снегурочка»
Печ. л. 15,2
Усл. печ. л. 14,2
Уч.-изд. л. 12,8

Формат 60×84 ¹/₁₆
Печать трафаретная
Изд. № 1133
Тираж 105 экз.
Заказ № 2207

ООО «Издательский Дом – Юг»
350010, г. Краснодар, ул. Зиповская 9, литер «Г», оф. 41/3
тел. +7(918) 41-50-571
e-mail: id.yug2016@gmail.com Сайт: <http://id-yug.com>